

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ**

М.О. ӘУЕЗОВ АТЫНДАҒЫ
ӘДЕБИЕТ ЖӘНЕ ӨНЕР ИНСТИТУТЫ

Мұхтар Әуезов

ШЫҒАРМАЛАРЫНЫҢ
ЕЛУ ТОМДЫҚ ТОЛЫҚ ЖИНАҒЫ

44-том

БАЯНДАМАЛАР, ПІКІРЛЕР, СӨЗДЕР,
ЛЕКЦИЯЛАР, ЗЕРТТЕУ

1950–1960

“ДӘУІР”
“ЖІБЕК ЖОЛЫ”

АЛМАТЫ
2014

УДК 821.512.122.0
ББК 83.3 (5 Қаз)
Ә 82

*Қазақстан Республикасының Мәдениет министрлігі
«Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару»
бағдарламасы бойынша шығарылды*

Редакциялық кеңес:
Кеңес төрағалары – М. Құл-Мұхаммед, А. Сәрінжіпов

Жалпы редакциясын басқарған – ҰҒА корреспондент мүшесі,
филология ғылымдарының докторы У. Қалижанов

Кеңес мүшелері:
*Әкім Т., Әуезов М., Жұртбай Т., Кекілбаев Ә., Қанатиянов Б., Қасқабасов С.,
Қирабаев С., Қонаев Д., Қошанов А., Құрманғали Қ., Мағауин М., Мұртаза Ш.,
Нұрпейісов Ә., Оразалин Н., Сүлейменов О., Тасмағамбетов И., Ыбырай Ш.*

Әуезов М.

Ә 82 Шығармаларының елу томдық толық жинағы. – Алматы: “Дәуір”, “Жібек жолы”, 2014.

44-том: Баяндамалар, пікірлер, сөздер, лекциялар, зерттеу. 1950–1960. – 320 б.

ISBN 978-601-294-186-9

Мұхтар Омарханұлы Әуезовтің елу томдық академиялық толық басылымының 44-томына 1950–1960 жылдары жазылған баяндамалары, пікірлері, түрлі жиындарда сөйлеген сөздері, лекциялары және “История казахской литературы” атты зерттеу еңбегі енді.

Кітап ғылыми қызметкерлерге, студенттерге, жалпы әдебиетті сүйетін жұртшылыққа арналған.

УДК 821.512.122.0
ББК 83.3 (5 Қаз)

ISBN 978-601-294-186-9 (44-том) © М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, 2014
ISBN 978-601-294-142-5

**Абайтануға
байланысты
материалдар**

БАЯНДАМАЛАР МЕН ЛЕКЦИЯЛАР

АБАЙДЫҢ ӨМІРІ МЕН ЕҢБЕГІ (Ұлы ақынның 100 жылдық юбилейінде жасаған баяндама)

*Жүрегімнің түбіне терең бойла,
Мен бір жұмбақ адаммын, оны да ойла.
Соқтықпалы, соқпақсыз жерде өстім,
Мыңмен жалғыз алыстым, кінә қойма.*

Өсер ұрпақ, келер дәурен, туар тарих қауымына ақын арнап кеткен мұнды сырлы бір сәлем, наз сәлем осы еді. Шөл ғасырлардың қу медиен құла түзінен болар заманға, жақын заманға қарай жалғыз аяқ жол тартқан ақын ол еді. Сахараны басқан қара түн түнекті қақ жарып, жалғыз қолда жалынды жалғыз шырақ ұстап, халқына өріс атап, бет нұсқап, “таңың сонау белден атады, күнің осынау жақтан шығады” деп кеткен ақын да сол еді. Рас, қытымыр заманы мен надан қауымға ол ақын жұмбақ еді. Жұмбақ па біз үшін сол ардақты ақын бұл күнде. Жоқ, жұмбақ емес. Ол уақытта заман бұлты бетін бүркеп тұрғанмен, айдың аты ай еді. Біз қазақ әдебиетінің жұмбағы емес, мол бір игі нұры дейміз Абайды.

Соқтықпалы, соқпақсыз дүлей мыңның қарсысына жалғыз алысқан Абай жалғыз да емес бүгінгі күн.

Моласындай бақсының
Жалғыз қалдым, тап шыным, –

деп күніреніп өтсе, бүгін халқы алып отан тапқанда, ақын асыл халқын тапты. Бір қазақ халқы емес: тілегіне тілегін, табысына табысын қосқан, жарығына жарығын қосқан, жеңісіне жеңісін қосқан қасиетті социалистік Отанның – сан қазақтай – ұшан-теңіз халқын тапты... Абай бір қазақтың

Абайы емес, Ленин туы астында жасаған Советтік Социалистік ұлы Одақтың бәріне білікті, бәрі қадірлейтін Абай болды.

Мыңмен жалғыз алыстым, кінә қойма! Кінә емес, қадір тұтады біздің дәурен, біздің ұрпақ... Мындар, миллиондар жүрегі боп қадір тұтады. Айғағы оның дәл осы күндер... Қазақ әдебиетінің ұлы бір мереке-мейрамы боп отырған осы күн.

Бүгін ақын туғанына жүз жыл толыпты. Бұл жүз жылдың бойын алсақ; бас кезінде Абайдың балалық шағы, жігіттік кезі, кейін ер ортасы жасы өтіпті... Алпысқа шығар жасында ұлы ақын қайтыс бопты. Өткеніне қырық жыл толыпты. Бірақ біз үшін Абай өткен жан ба?

Өлді деуге бола ма, ойлаңдаршы,
Өлмейтұғын артына сөз қалдырған? –

демеп пе еді. Өткен жан емес. Ақын жолы халық жолымен, тарих жолымен қабыса табысқан шақта оның өзіне өлім жоқ, өзіне заман, дәурен шегі жоқ. Біздің дәуірімізге әрі бұрынғы, әрі бүгінгі Абай болып, келешек шексіз заман үшін де тарих аспанындағы бір тұрақты нұры боп шырқай бермек. Ол болашақ күндерде де Абай әрі бұрынғы, әрі ар жағындағы келешектің өлмес, өшпес тұрғыласы болмақ, күншуағы айықпас күнгеі беті боп тұрмақ. Жай адамның өмір тіршілігін біздің халық мүшелмен санайтын... Оның мүшелі он екі жыл еді. Ақындықтың Әбілхаят суын ішкен, жерден мәңгі тірлік тапқан Абайдай дана, даңғыл ақын тарихтағы өз мүшелін елу жылдан, жүз жылдан қайырмақ... Алтайдан Алатауға аттап түсерлік ертегі тұлпарындай бой сайлардан, сахаралардан ғана аттап өтпей, замандардың да талайынан аспандап асып өте бермек. Өзінің қадір білмес ғасырынан бізге жеткенде, Абай солай жетіп отырған жоқ па. Өмірдегі қам-қайғысын халқының бағына бағыстаған барлық дана ақынның өзіне өзі жазған тағдыры сол. Тарихтың да қызғанышсыз қуана берер жүлдесі сол.

Осындай ақынның бір мүшел қайырған жүз жылына тұстас келген біздің мереке нені еске салады. Кеннен шыққан асылды, алтынды қоспасынан айырып қорытып алғандай ақынды да заман ортасымен қоса алып, сол дәуірінен иығы

асқан өмір арманын, еңбек қасиетін қорытып алады. Ендеше, біз де ақынның өзі кешкен өмір соқпағына көз салайық... Аз сөзбен өмірбаянын шолып өтейік.

Қазақ халқының ұлы ақыны Абай (Ибраһим) 1845 жылы осы күнгі Семей облысындағы Шыңғыс тауын жайлаған Тобықты ішінде туады.

Ақынның әкесі Құнанбай – ол күнгі сахараның жуан әкімінің бірі. Түгел Тобықтының ұлығы болған.

Абайдың ең алғашқы балалық шағы “күндестің күлі күндес” дейтұғын көп шешенің арасында өтеді. Бірақ өзін тапқан шешесі Ұлжан мен үлкен шешесі Зере жаратылыстан мінезді, әділ, мейірбан адамдар болып, жас Абайды бауырмал, адамгершілік жолымен тәрбиелеуге тырысады. Әкесі қойған Ибраһим деген атты да сол аналар еркелетіп өзгертіп, “ойлы бол, абайлағыш, аңдағыш бол” деп “Абай” қойған.

Бала Абай сабақты әуелі ұй молдасынан оқиды. Кейін Құнанбай сегіз жасар баласын Семейге апарып, Ахмет Риза деген имамның тәрбиесіне береді.

Сол шаһарда, сол медреседе бес жыл тұрып, он үш жасына шейін оқуды үзбей оқығанда зейінді шәкірт Абай көп сауат алады. Ақындықтың ерте білінген қозғауы да осы кезде басталады. Кітаптан оқыған келісті жырды, жыршыны сүйе бастайды. Бұдан бұрын кәрі құлақты әже тәрбиесін алып жүргенде, туған сахарасының аңыз дастанын, аңыз әңгімесін, көркем қазынасын көп тындап, көп ұғып, құмартып өскен жас енді араб, иран, шағатай, түркі ақындарын ізерлеп оқып, жадына алады. Тағатшыл имам, намазқой халфе, дүмше молдалар арасындағы қуыс кеуде, құрғақ сопылыққа салынбай, ынталы зерек шәкірт шығыстың ақындық бұлағына, классик тұнық поэзиясына ден қояды.

Осы кезде орыс тіліне ерекше көңіл бөліп, аз уақыт орыс мектебінен де оқып жүреді. Сол бала жастық жылдарында Абай өз өлеңдерін де жаза бастап еді.

Бірақ әкенің еркі бұл баланың болашағын басқа бетке бұрады. Ел арасы, ру тартысында бірде арбасып, бірде жарғыласып, тәйкелі түсіп жүрген Құнанбайға бала мен ініден серік керек еді. Сол керегі үшін әкесі Абайдың оқуын тоқтатып, қырға қайырады. Өзіндей рубасы, әкім, ұлық етуге әзірлемек болады. Сонымен, жаратылысында үлкен зеректігі бар және қала тәрбиесінен алған білім, тәжірибесі бар естияр жас енді ел іші, рубасылары арасындағы қиын

түйін, қым-қуыт айла-тәсіл тартысының қалың ортасына түседі. Ой кезеуін, тіл безеуді керек ететін алғыр, айтқыш, шешен, ділмар болмақ шарт. Сол жолдағы өзінде жоғын халық қазынасынан іздейді. “Аузымен құс тістеген” дейтін ақпа даугер, алмас тілді ақын, әділ билік, тапқыр талас сөздерінің де шебер, көркем түрін тереді. Әкесінен оқымай, халықтан оқиды. Өзінен арғы ақын-жыршыда, әсем жыр мен асыл сөз қорында Абайдың білмегені некен-саяқ болады.

Бұрын жас ақын өз өлеңін кітапша, шығыс ақындарынша күйлейтін еді. Енді елінің ой өнер қазынасын мол танып, меңгерген ойын тың өлең, өзгеше өлең, халқына ұғымды өлең етіп шығара бастайды. Осы жолмен беттеген жас тәжірибесінің өзі де болашақта халық қорымен қабысатын ақынның аңғарын танытушы еді.

Әкенің еркі бойынша амалсыздан өнімсіз тартысқа араласқан Абай жігіт бола есейе түсіп, ес жия сол Құнанбайдай әкенің ісінен, бәсеке, бақталасынан торыға бастайды. Әділеті жоқ қатал әкенің көп талабына қайшы кеп, қарсы шығатын болады. Ел ішінде ессіз кім, мұндар момын, жазықсыз кім, көп тілегін жыр қылып, қақпай тастай қағып-соғып, аунатып жеп жүрген жуандар кім, зорлықшыл қастан кім, соның бәрін ел қамырығынан, ел мұңдысынан ұғынып жүріп Абай әкесінен бөлек бет, бөлек мақсұт көздейді. Әкесі тапсырған көп істі оның еркінше шешпей, өзінің әділет ұғымы бойынша кесетін болады.

Өмірі қатал, суық бетті әке мен қайратты әділ баланың екі арасында енді қайтып ұғыспастай қайшылық, қарсылық еседі. Осының арты барған сайын дами беріп, ақырында, әке мен баланың арасында араздық пен алыстау туады.

Абай жиырма сегіз жасқа жеткенде, әке жолынан мүлде бөлініп, жаңғырар заманның жаңа жол іздер азаматы болуға бет қояды.

Абайдың бар өмірін баян ету бір сөзге сыймайды. Ұзақ өмірінде Абайдың азамат арманынан туған, талай тартысынан туған, ақындық, даналық қалып-қасиетінен туған бірнеше ерен-ерен белдер бар. Бар өмірін айту орнына біз сол өзгеше кезеңдерін бөліп атап көрмекпіз. Бұл ерекше қалпында Абайдың ақындығы да, бас тірлігі де, өмірдегі жол тартысы да, тарихтық елеулі үлгілі жемісі де

түгел танылады. Абайдың абайлық бітім кескінін, тарихтық тұлғасын танытатын ерекшеліктер осы.

Осындай қасиеттері Абайдың жас жігіт шағынан өлер кезіне шейін әр алуан боп айқындап шығып отырады. Жеке-леп санасак, жас кезіндегі өмірлік, азаматтық ең б і р і н ш і е р е к ш е л і г і – әкенің ұлы болмай, халықтың ұлы болам деген тартысында “Әкесінің баласы – адамның дұспаны, адам баласы – бауырың”, – деген ой Абайдың сөзі ғана емес, адамгершілік, гуманистік жолы да болатын. Арлан бөрінің соқпағына бөлтірік бөрі ақылы көптіктен түспейді, бөрілік табиғатынан, инстинктікпен түседі деп білген Абай жасында әкеден кеткенде ел үшін, ел көшіне, тарих көшіне соны қоныс, тың өріс іздеп табу үшін кеткен... Бұл бір ерен ерекшелігі еді. Осыны ісінде де, өлең еңбегінде де қатар ада кылмақты арман етті.

Е к і н ш і е р е к ш е л і г і – жуан бел, надан, соқыр рубасылардан бөліне кеткен бетінде бірден халықты, халықтың мұңын тапты. Сол халықтың жоғын берер жаңалықты іздеді. Жеке қазақ тарихы мен топырағынан іздеген жоқ, үлгіні көрші елден, өнерлі орыс халқынан іздеді. Ұлы орыс халқының ғасырлық хан қазынасына өз халқының қолын, жолын жеткізуді мұрат етті. Орыс халқының өткен тарихынан, өзі тұстас тірісінен өзіне де, жұртына да дос көмек тапты... Сонымен бірінші ерекшелігіне екінші қасиет қосты. Абайлықты табудың, толықтырудың айнымас айқын жолы осы еді.

Ү ш і н ш і е р е к ш е л і г і – қос қанаттай биікті меңзеген ақындығын бұрынғы қазақ ақындарының еш-қайсысы шығармаған әлеуметтік ұлы тартыс, тарихтық құралына айналдырды.

Мақсұтым – тіл ұстартып, өнер шашпақ,
Наданның көзін қойып, көңілін ашпақ.
Үлгі алсын деймін ойлы жас жігіттер,
Думан-сауық ойда жоқ әуел баста-ақ... –

дей отырып, сол надандықты, сол күнгі қас көрсеткендікті, ел, тарих паразиті болған жуан соқыр сойқанды табандап ұрып, тура нұсқап, көзіне шұқып жермен-жексен етіп, батыл шабуыл жасады... Бұл шабуыл тарих мешеулігіне жасаған шабуылы еді.

Қазақтың қоғамдық тарихында да, әдебиет қазынасында да дәл осындай ерекшелігі бар Абай сияқты бір жан жоқ еді.

Төртінші ерекшелігі – өзі үшін, елі үшін ізденді де, тапты да, бар тапқаны мен тудырғанын ұстаздыққа салды. Ақын боп өсер ақынды тәрбиеледі. Қазақтың жаңа әдебиетінің, классик әдебиетінің іргесін өзі қалап тұрғызып, ілгері қарай да өзі бағыттады. Әдебиетке басшы, халыққа қамқор қайраткер болды. Осы жолда досты да көп тапты, жауды да көп ұшыратты... Досының күші әлі аз еді. Үйткені ол жас еді. Және көбінше ол болашақта еді. Жауы болса қолма-қол белдесіп, жағаласып алысты. Ұмтылып құды, тоқай тіресті. Ойда – ұлық, қырда қырсық боп жабылды... Жалғыздық көрсетті. Осымен өксіп өмірі өтті. Ақын туы жығылады... Азамат тарихының туы боп атой беріп, қазақ тарихының биік белінде мен мұңдалап тұрып қалды. Бірақ жеке адамдық бейнетін алғанда Абай өз заманында сол биікке бауыры жара, жалғыз қара боп қана шыққан еді. Құлшынып келсе де, күңіреніп өтті. Өмірінің ақыр шағы осы еді. Ақындығының да, азаматтығының да тағы бір ерекше қалып-қабілеті осы болды...

Санай берсек, Абай басынан, өмір, еңбек соқпағынан тағы талай ерекшелік аталар еді. Бірақ өмірбаянын тұрғатұрға биігінен қарап жинай түсем дегенге дәл осы аталған төрт күнгеі анық абайлықтың төрт тірек діңгегі сияқты...

Өмірінің, еңбегінің дәл ізімен болжасак, осы ерекшеліктері айқын-айқын танылады.

Құнанбайдың еркінен шығып, өмірін өз ақылы бойынша белгілегенде, Абай ең алдымен орыс тілі, орыс мәдениетіне ұмтылды. Екінші жағынан ендігі досы халықтың ақын, өнерпаздары болды. Көп жылдар ізерлеп орыс тілінде білім кеңейтеді. Орыс оқымыстыларынан дос табады.

Бұл жылдарда ақындыққа да шын бой салып беріле бастап еді. Осымен жасы отыз беске жеткенде, Абай толғаулы ойға толыға бастаған ақын болып және халық үшін арманы анық азамат боп қалыптанып еді. Дәл осы жылдарда Абай Ресейден айдалып келген орыс революционерлеріне кездеседі. Олар орыс халқының ішінен шыққан анық қадірлі асыл жандар еді. Көпшілігі Чернышевский, Добролюбовтар тәрбиесінен шыққан, Шелгуновтың баулуымен өскен отты, шыншыл, білімпаз жастар еді. Солардың ішінен Михаэлис, Долгополов, Гросс, Леонтьевтер сияқты талантты бір тобы Абаймен танысып, табысады. Осы адамдар Абайдың

орысша білім алып, ірілеп өсуіне үлкен достық етіп, үнемі көмектеседі.

Абайдың бұл достары патшалықтың отаршыл төрелері жасаған кедергі, кесір, қырсықтардың басынан аттап өтіп, ол күндегі Сібірдің, Қазақстанның халқына орыс халқы турасындағы шындықты айтпақ еді. Ол шындық орыстың ұлы жазушысы, классиктері мен атақты қоғамшыл, саясатшыл қайраткерлерінің еңбектерінде жазылған шындық еді. Сондағы ұлы адамгершілік гуманизм және бүткіл ХІХ ғасыр бойынша созылған патшалыққа қарсы бостандық арманы, күрес, алыс үгіті болатын. Еңбек халқының езілген, ессіз күйін бетке басып, мұңын жоқтаған зор әлеуметшіл қамқорлық бар еді. Осының бәрі Сібір мен Қазақстанда патшалық отарларындағы қоғамдық жаңа ой-арманды өсіре түсетін жаңа екпін, үлкен тың өріс еді. Абайдың жаңа достары орыс халқының осындайлық ой қазынасынан үлкен сәлем, жолдама әкелген ең алғашқы қадірлі хабаршы, жаршылар еді. Олар зор тарихтық міндет атқарған қымбат елшілер болды. Бұлардың жаңағыдай мақсаттарын ада қылуда Пушкин, Лермонтов, Салтыков-Щедрин, Лев Толстой, Чернышевский, Добролюбовтардың еңбектері ең сенімді, ең асыл құрал болды. Солармен қазақтың Абайдай ақын азаматын таныс етіп, орыс халқының шын қадірлі мәдениетімен таныстыру үлкен іс еді. Барлық Россиядағы еңбек елін ғасырлар бойы басқан қараңғылық пен қанаудан құтқаруда барлық ел қамқоры қайраткерлерінің арман-мүддесі, күрес күші, әлеуметтік бағыты бірыңғай екенін таныту қажет еді. Абайдың айдалып келген революцияшыл достары, айдау жылдарының өзінде, осындай үлкен сүренді үгітшілдік, ағартушылық жолына арнады.

Осы арнада Абайға қатты көмектесіп жүріп, Абайдың шығыс тарихынан қалың қазынасына, жол-жорасына, әдет-салт, кәсібіне қанықты білгір адамнан өздері де көп білім-дерек, нәр алды.

Абай болса осы кезеңнен соң ақындықтың кең өрісіне шыққан кезінде:

Ескі бише отырман бос мақалдап,
Ескі ақынша мал үшін тұрман зарлап.
Сөз түзелді, тыңдаушы, сен де түзел,
Келейін сендерге де енді аяндап, —

деп тың жол бастады. Ескіге сын, надандық түнегіне өкім айтам деді. Жасқа жалау, елге ырыс болар жаңалықты айтам. Елді қанау қорлықтан, надан жеміт пәлекәрдан, қу мен сүмдай содырдан арылтам. Тарихты қырсық құрсаудан, қызды нәқтадан, ұлды тұсаудан арылтам. Өнер мен білімді арманды жұлдызың, жалғыз жарқын қыбылаң деп айтамын, солай бастап, шақырам деді.

Орыс халқының ұлы шыншыл даналары Пушкин, Чернышевский, Салтыков-Щедриндер қалай айтса, соларша қамыңды жеп, алдыңды меңзеп айтам деді. Сол алдағыны көбінше ашық айқын сезіп отырды. Өз тұсындағы әлеумет тіршілігінің, бас бейнетінің ауыртпалығы етектен баса берсе де:

Көрмеген көп дүние көл көрінді,
Кірлемеген көңілдің ашығында, —

деп алда, таяуда көрікті көл дүние барын айтты... Көңілдің күнделік болмыстан туған мұң бұлты айыға берсе, сол көл дүниені көз алдында көріп отырды. Осы сарын, кейін 1890 жылдардағы өлең еңбегінде алға қарай талпынып, ақын ішіндегі сөнбес, талмас нұр жалын боп жалтылдап отырады. Келешекке қарай құлаш ұрғызып, кей-кейде болар заманмен тілдестіріп, табыстырып отырғандай болады. Сондайлық өз тұсының қораш, күйкі көрінісінен ары асып, алысқа көз тастаған ақын ғана:

Қайғы шығып иыққа,
Қамалтпасын тұйыққа.
Сергі, көңілім, сергі енді,
Балапан құстай оңдалып,
Қанатыңды қомданып,
Жатпа ұяға қорғанып,
Ұш, көңілім, көкке кергі енді, —

деген зор үміт қайрат жалынын ата алады.

Міні, заманынан, ортасынан иығы асып, биіктеп, ұзап шыққан Абайдың ендігі тұлғасы осылай еді. Қырық жастан бастап, өле-өлгенше Абай осы бейнесін өсіріп, дамыта бермесе, кішірейтіп кеміткен жоқ.

Ендігі Абай — ұстаз, сыншыл ақын, күй шығарғыш

өнерпаз. Бар қазақтың өнерлі қауымы – мұның досы. Айналасына талантты жас үйіріледі. Үгітіне, өлеңіне халқы ынталай құмартады. Сонымен барған сайын Абайдың абырой-атағы артады. Өзі болса сол абыройының бар салмағымен, алмастай алғыр сөзінің қуат алуымен өзі тұстас жуан содырларды сокқыға ұшыратады.

Содан ендігі бар өмірінде айықпас жаулық, қастық табады. Жаулары – Тобықтының рубасы, надан партияқор, пәлекорлары еді.

Абайдың жаңашыл ағартушылық, әлеуметтік үгіттері ұрғанда соларды ұрып жататын. Олардың көбі кейде болыс, кейде би, шетінен шылқа бай болып, өз туыстарының бірі [...] қаладағы ұлыққа сүйеп алысады. Абайдың сыны жалғыз елдегі надандық емес, патшалықтың қазақ ішіндегі құрылысына да қатты соққы боп тиіп жатушы еді. Елдегі Абайдың дұспаны Оразбайларға үн қосып, Семейдің жандаралы да ақынды сахарадан айдамақ боп көріп еді. Бірақ қалың ел ортасындағы үлкен абырой-даңқынан сескеніп, өзіне тиісе алмады да, тек маңындағы айдалып келген достарын алыстатты. Ел жуандары Абайға еріп, шәкірт, серік болған жас достарын қудалады. Абайдың өз басын да арыз-шағымнан, дау-шардан айықтырмай, көп әлекпен бунап жүрді. Сондай пәле-жала талқысына көп түскен шағында Абай кейін налып жырлаушы еді.

Ортаға көп салдым
Өзімде барымды.
Япырм-ау, ненді алдым,
Сау қоймай арымды? –

деп зар шағушы еді. Бірақ шыншыл, әділ, тура жанды Абай ұлғайған сайын халықтың мұңдас досы болып күшейе беріп еді. Абайдың ем болар өсиетін көксеушілер, әділ, адал билігіне ынтығушылар талай алыс қияннан кеп табатын болады. Шындық іздеген халықтың Абайдай қамқор дана досты тапқан жолы осы еді.

Өлең үлгісі болса, ол да қазақтың барлық жас ұрпағына жайыла тарап өнер серік, айт пен тойда, талап пен ойда өмір серік боп, тәрбие тәлімін үнемі беріп, үдей түсті.

Осыны көріп-сезген сайын қиянатшыл, қызғаншақ жуан дұшпандар, ел бүлдіргіштер Абайдан тарайтын үлгінің бөріне

өшігіп, Абайдың өзіне де қастығын молайтып, асыл еңбек күндерін улата бастады. Айла мен қулық-сұмдыққа шебер, сонымен көзі шыққан қу пысықтар неше түрлі жиренішті пәлелермен ақын жүрегін үнемі жаралап отырды. Жаламен өзін, жазамен жазықсыз досын, бала шәкіртін тоздырып қудалады. Еңбектен қолын, үміттен көңілін, тыныштықтан күнін, тірлігін айырды.

Осындай қастан, қатал дүниенің арасында жүрегі азап күндерінде ақынның бірнеше қимас жандары қаза тапты. Ауыр өлімнің бірі Абайдың “жаңа төлдің басшысы ол” деген, оқытқан, жақсы тәрбиелеп өсірген баласы Әбдірахман өледі. Осының артынан тағы біраз жылдан соң ел дертімен шерленіп, жаулар бүлігімен жараланып жүрген ақынға тағы бір ауыр соққы боп, тағы бір қаза келеді. Ең сүйікті ақын шәкірті және өзін жалғызсыратпай, ой серігі боп өскен ең сүйікті, талантты баласы Мағауия қайтыс болады. Сол өлімнің артынан, қырық күн ғана тірлік етіп, жаны жабыққан, жалғыздық күйігі жеңген, заманынан озып жеке-дара боп үздік шыққан жалқы азамат, жалынды ақын өзі де дүние салады...

Ұзақ жылдар бойындағы үздіксіз асыл ойдың жемісі болған ақын мұрасына қарасақ, ол бір қазақ халқының көп ғасырлық қасиетін бойына жиған ерекше бір қазынадай. Онда дана ақынның өз халқының және жалпы адам баласының өнер, ой байлығынан алған үш үлкен салалы түп-төркіні барын байқаймыз.

Бұның біріншісі – қазақ халқының есте жоқ ескі заманнан жиып сақтап, өсіріп келген өз даналығы, халықтың ауызша әдебиет қоры. Ақын Абай осы қордан көп нәр алып, сол арқылы өз өлеңін көп көркейтті.

Екінші бір қол артқан қазынасы – араб, парсы, түркі тіліндегі шығыстың көркем классик поэзиясы.

Үшінші үлкен нәр, мол азық алған зор саласы – орыс халқының мәдениеті және сол арқылы Европа мәдениеті. Осы соңғы өріске құлаш созу Абай заманы үшін әрі жаңа тарих, жаңа дәуір басы, әрі үлкен-ұзақ, кең майдан келешек еді.

Абайдың ақындық бітіміндегі ең бір ірі жағы осы айтқан үш қазынаның қайсысына барса да, құрғақ үйренуші, еліктеуші боп барған жоқ. Қайдан алсын, нені алсын, баршасында өзінің үлкен ойлы, терең толғауы ірі ақындық ерекшелігі арқылы, үнемі өз елегінен өткізіп, өз өнерімен мықтап қорытып, өзінің қайнар жүрегінен шыққан бұйым

табыс етіп, өз тәні етіп ала білді. Сондықтан бұның алған үлгісінің бәрі де ақынның көркемдік ой, саналық еңбегінің бәрін терең сырлы етіп, ерекше жарастықпен әдемі қып безендіріп отырды.

Бұндай дәрежеде үлгі алып үйренуші өз заманында Пушкиннің ескі антик әдебиетінен, орта ғасыр мәдениетінен, бергі шақтағы батыс әдебиеті өнерінен алған көп арналы үлгі табысы тәріздес. Ендеше, сол Пушкин де, Абай да өз мұрасының маңыз нәрі бойынша халықаралық ақын және сонымен қатар өз елінің тарихынан әрі ұлттық, әрі халықтық ақын.

Енді жаңағы айтылған үш салаға жеке-жеке тоқтай түсейік.

Абайдың сексенінші жыл мен тоқсаныншы жылдар арасындағы ол әндерінің көпшілігі сол кездегі ауылдың, ауылдағы қоғамның өзгеше қалып құрылысына арналған, өзінің тұсындағы қауымның тағдырын талдауға арналған. Осымен қатар, өз халқының ой қазынасы барлығын да сынап, саралап шығады. Және қоғам тіршілігіне, қоғамның тарихына жаңалық тілеген ақынның жаңа мұрат жолы, ақындық программасы да көрінеді. Міні, осы алуандас шығармаларының барлығында Абайдың мол араласқаны қазақ халқының өз қазынасы болады.

Бірақ осы кездің өзінде де ақын халық шығармасында айтылмаған тың сөзді айтады. Дүниені өзінің жаңаша тануына орай жаңаша сезім, жаңа ой айтқанда, Абайдың тіл сөздігі (лұғаты да), өлең көріктеу өрнегі де басқаша, өзгеше шығады. Халық шығармаларындағы айтқыштық оралымдылық көрікті де ақын бұрынғыдан биік белес шығарады, сапасын асырады.

Ескі ауылдың көне құрылысын, кертартпа қалпын әшкерелегенде, феодалдық, рушылдық әлек дерттің жақтаушыларын сынап-шенегенде, еңбек елінің, көпшілік бұқараның ауыр күйімен қатар қамтып отырып жырлайды.

Ел жайын біліп, қансаңыз,
Айтайын, құлақ салсаңыз:
Кейбіреуі дүрсіп жүр,
Жер тәңірсіп кер мағыз.
Кейбіреуі — зақуншік,
Оңдырмассып, берсе арыз.
Кейбірі пірге қол берген,
Іші залым, сырты абыз.

Кейбірі хажға барып жүр,
Болмаса да хаж парыз.

Міні, бұл айтқанның бәрі ел бүлдіргіш басы жуандар, атқа мінер партия басылар, молдекең, қажекендер — жиын аты. Надан дүмше кесірлер. Абайдың өмір бойы алысып өткен қырсықтары осылар басында, осылар ісінде, осылар пәлесінде.

Кітапты молда теріс оқыр,
Дағарадай боп сәлдесі.
Малқұмар көңілі — бек соқыр,
Бүркіттен кем бе жем жесі, —

дегені де солардың дүлей тобы. Осымен қатар, сол қомағай еңбексіз бай жуанның көп бейнетқорға ететін таптық, топас қиянатын атайды:

Мал жияды мақтанып білдірмекке,
Көзге шұқып малменен күйдірмекке.
Өзі шошқа өзгені ит деп ойлар,
Сорпа-сумен, сүйекпен сүйдірмекке...

Осындай құнарсыз, надан, қараңғы қанаудың шырмауында көптің қамалып жүргенін көріп, ақын қамқор азамат боп, назаланып үн қатады:

Жұртым-ай, шалқақтамай сөзге түсін,
Ойланшы, сыртын қойып, сөздің ішін...
Адасып алаңдама жол таба алмай,
Берірек түзу жолға шық, қамалмай.
Не ғылым жоқ, немесе еңбек те жоқ,
Ең болмаса кеттің ғой мал баға алмай... —

деп ғылым, мәдениетке, жаңа мұрат-мүддеге шақырады, өнімді, нәрлі еңбекке шақырады.

Сол сияқты қазақ әдебиетінде ең бірінші рет әйел халін, әйел теңсіздігін барынша қатты масқаралап, ащы мысқыл ызамен айтқанда Абай:

Есерлер жас қатынды тұтады екен,
Жас қайғысын білдірмей жұтады екен.
Ортасында бұлардың махаббат жоқ,
Тұсап қойып қашырап бұқа ма екен.

Бай қартайса, малына берер шылбыр,
Мал өмірді жаңғыртпас, құдай ұрғыр.
Біреудің қызын алып малға сатып,
Баяғыны іздеген қандай құрғыр, —

деп жерлейді. Әйел халін, жар жүрегін, жас назын, адам мұңын жырлағанда Абай бұрынғы халық шығармаларындағы әйел бейнесіндей суреттемейді. Ондағы әйелдің көбі сырт халінің қайғы тартысымен көрінуші еді. Абай сол әйелдің ішін ашып, адамдық асыл сырын суреттеп ашып, сол сыпаттарына тіл бітіреді. Теңдік беріп, сүйіп ұқсақ, ол әйел айнымас дос, асыл жан, даналық пен берік жүрек иесі, қызықты, қымбат жар, қадірін біл, қор етпе дейді.

Ақындық өнерінің өзінде де Абай тың көзбен жаңаша қарайды.

Шортанбай, Дулат пенен Бұхар жырау,
Сөзінің бірі жамау, бірі құрау, —

дегенде олардың тек ақындық олақтығын айтпайды. Күрделі тұтас ой жоқ, қоғамды жаңалыққа бастар ой жоқ, әсіресе ғасырлар бойы кертартпа-надан, мешеулікпен алысу жоқ. Қайта сол ескіліктің түбінде ықтап, айналсоқтап тұрып қалған шабандық, надандық бар деп шенейді. Ол қалыпты өзінің ақындығы үшін қанағат қылмайды. Ақындық әлеумет тіршілігінің тартысына арналсын, қоғамға азаматтық қызмет етуді өзінің ең зор, ең қасиетті қарызы санамаса, ол ақындық емес деп ұққан Абай өз өнерінің бәрін сол ғана биік мақсұтқа арнайды. Сонымен заманды өзгертпек, тарихты жаңалық туғызатын заманының кесірін кетіретін тарих болсын дейді. Заманның болып тұрған болмысына көніп ере берген адам қайраткер емес, саналы адам да емес. Заманын жаңғыртам деп еңбек, талап етсін дейді.

Әркімді заман сүйремек,
Заманды қай жан билемек.
Заманға жаман күйлемек,
Заман оны илемек, —

дейтінінің мәні сол. Осы жолда еңбек пен тартыс қана, қажырлы талап қана шын адамның серігі болмақ. Сахараның кедей бейнетқорына есе әперетін де сол еңбек пен тартыс,

білім үшін, жарық келешек күткен жас буын үшін де жөн-жосық, жол аңғар салғаны. Осы жолда берік бол да, тұрлаулы бол. Әйтпесе:

Тұрлаусыздың қолынан не келеді,
Ынтасыз қайтіп өнер үйренеді?
Еңбегі жоқ, еппенен мал табам деп,
Сендіре алмай, сене алмай, сенделеді, —

дегеннің керін құшады дейді.

Адам тірлігінің мағына-мәнісінің өзін бұрынғы қазақ ақындарынан мүлде басқа, жаңаша бағалап ұғындырады. Осы жолда өнерлі елдің бәрінен оқы, үйрен, үлгі ал. Адам баласының бәрінің тарихындағы жақсылығынан, өнерінен үйрен. Бұл жолда дін де, ата салт та, ескі құрылыс қалып та кедергі, бөгет болмасын. Болар болса, аттап өт, елең қылма. Кім білім беріп, елдігіңді жаңа белге шығарар болса, сол досың, сол жақының деп, халық, қауымға бет сілтейді.

Осы жолда ел тарихының кесірі болатын:

Сабырсыз, арсыз, еріншек,
Көрсеқызар, жалмауыз.
Сорлы қазақ сол үшін
Алтыбақан алауыз, —

болып жүрген пәлешіл, ескішіл, керенау, надан рубасыларды еңбек елінің, ел тарихының барып тұрған залалды арамтамақ паразиті деп жариялайды.

Қылып жүрген өнері:
Харекеті — әрекет.
Өзі оңбаған антұрған
Кімге ойлайды берекет? —

деп танбалайды. Осындай жұрт әлеумет тірлігіне арнап айтқан ұлы ақынның үлкен үн, қатты сынын үнемі көреміз. Сондай ұстаздық сөзінде жаманшылықтың пішін-кескінін аса жиіркенішті етіп, жалтармастан басқа сабап, жарып айтқан ақын қазақ әдебиетінде Абайдан бұрын, дәл бұндай толық боп шыққан емес.

Қазақтың елдігімен, тарихымен, бұрынғы қазынасымен жалғаса отырып, соны өсіріп, өрістетіп Абай айтқан жаңалық

бұл саналғандар ғана емес, тағы да әлденеше. Бірақ бар тарауындағы бір ерекшелік – соның бәрін, жаңа дәуірге бастаймын деген ағартушы ақын өзінен бұрынғы ақынның бәрінен басқаша айтуында. Сондайлық басқаша, тың жаңалықты Абай шығыс әдебиетінің қорына қол артқан кезде де мол тауып отырады.

Абай өзінің жас шағынан жақсы білген классик ақындары: Фирдоуси, Низами, Шейх Сағди, Қожа Хафиз, Науаи, Физули, Бабурларды өмір бойы зор қадірлеп өткен. Ерте кезде оларға еліктеп жазған шығармалары да болған. Кейінде Низами, Науаи жырлаған Ескендір жәйін, Аристотель жәйін батыс әңгімелерінен алып қосқан жаңа сарындармен көркейте түсіп, жыр дастан етеді.

Абайдың айтуынан кең сахарға “Мың бір түн”, “Шахнама”, “Ләйлі – Мәжнүн”, “Көрұғлы” сияқты үлкен асыл мұралардың халықтық ауыз әпсаналары да мол тараған.

Араб, иран мәдениетінің тарихын тереңдеп зерттеген Абай Рашид ад-Дин, Мұхаммед Хайдар, Бабур, Абулғазы Баһадур хандай арғы-бергі тарихшылар еңбегін де жақсы білген.

Мантық (логика), философия, ахлақ (мораль) философиясын да білген. Ертеден бергі шығыс ғұламаларының көп еңбектерін бергін уақыттарда да үнемі зерттеп отырған. Және тек ескі шығыс мәдениеті емес, өз тұсындағы жақын шығыс мәдениетінің халінен де хабардар болған.

Татардан шыққан алғашқы ағартушы, жаңашыл ғалым Шихабуддин Маржани еңбектерінен бастап, бергініректе майданға шыққан жалған жаңалық, діншіл саясат ағымы – исламшылдық, түрікшілдік (панисламизм, пантюркизм) үгіттерін де білген. Мысырда Мұхаммед Ғабдуһи бастап, Жалалиддин Ауғани қостаған исламшылдық үгіті кейін Россия мұсылмандарына тарай жетіп еді. Ол сияқты батыс мәдениетінен бас тартқызып, жұртшылық тарихының ілгері басар қадамын кейін шегеретін кертартпа өсиетке ден қойған қыр феодалы, қажы, молда, пір-ишан қазақ даласында мол еді. Ол ағымның өзіне тиісті газеттері, журналдары да болған. Исмайыл Гаспринский шығарған “Тәржіман” газеті Абай кезінде қазақ сахарасына да көп тараушы еді.

Бірақ өз халқының келешек табысын, болар тағдырын ұлы орыс халқының мәдениетімен жалғастырып өсіруді өмірлік еңбегінің биік нысанасы еткен Абай жаңағы жалған

жаңалыққа ермейді, елікпейді. Оны бүтін шығыстың сан заманға кейін кенже қалуына себеп болған кесір кедергінің бірі деп танып, енді бірде-бір адым бірге болмайды. Аулақ серпеді. Қауым халқына қызмет етудің жолы европалық кең еркін ойдың бетінде. Орыс классиктерінің өз қоғамына, бүтін адам баласына нұсқаған кең іргелі адамгершілік, азаттық үгіт өсиетінде деп біледі.

Абайдың сол діншілдік, түрікшілдікті өз уақытында мансұқ етуінің дұрыс екендігін Ұлы Октябрь социалистік революция анықтап ашты. Байшыл, реакцияшыл ұлтшылдықты өзіне тірек еткен бұл кертартпа ағымның залалды сырын Ленин бастаған ұлттар азаттығының революцияшыл күресі, жеңісі әшкереледі.

Абай шығыстың қорынан өзіне үлгі алғанда бұл жақтан алған жоқ. “Масғұт”, “Ескендір”, “Өзім” сияқты терең мағыналы дастандарды, “Көзімнің қарасы”, “Қор болды жаным” сияқты сыршылдық жырларды жазғанда, “Өлең сөздің сарасы” сияқты ақындық, әсем сөздің қадірін айтқанда, шығыс классик поэзиясынан тіл көрікті, жалпы ұзын ырқа саз, сарынды ала отырды. Бірақ солардың тұсында да ұлы ақын өзінің өздік өзгеше бітім бейнесін еліктеуге салынып, жеңілге сайып өзгерткен жоқ. Дүниені: әділ мақсұтты, тартыс бағытты атағанда бар ойы, бар ақындық шабыты өте терең шындықпен қабысып отырады. Сол себепті зат әлемін, адам құбылысын, қарым-қатынасын жырлағанда аспан, тағдыр өмірі деп толғамай, үнемі жер басқан адамның күнделік, тарихтық шындық болмысы етіп толғап, тебіренді. Бұл Абайдың ұлы реалистік, өзіндік, абайлық тұлғасынан туған ерекше қалып-қабілеті еді.

Сонымен, шығыстың көркемөнері мен мәдениеті де Абайда тұманды бұлдыр күйде емес, ақынның сыншы елегінен екшеліп, сұрыпталып өтіп кеп, Абай поэзиясына нәр қосады.

Ақын Абайдың орыс халқының ұлы мәдениетіне бой ұрып, өнеге нәр алуы да әлде қалай, жалаң қабат, жадағай емес. Өмірлік тұрақты негіз нанымында шығыстан батысты артық көріп, таңдап алуымен қатар, ақын өз бетімен оқып, ізерлеп-ізгегенін тереңдей отырып, орыс пен батыс әдебиетіне ұзақ жылдар бойында көп үңіледі. Пушкиннен бастап алпысыншы жылдар, сексенінші жылдардың әдебиет жаңалығына да әбден қанады. Тек ұлы ақындар емес, Лев

Толстой, Салтыков-Щедриндер тәрізді көркем қара сөз аталарын да жақсы біледі. Орысша аудармалар арқылы Байрон, Гетені де таниды. Ескі антик әдебиетімен де мол танысады. Айдалып келген достарының куәлігіне қарасақ, Абай батыс философиясы мен Спенсер, Спиноза мен Дарвин еңбектерін де үнемі оқып, көп шұғылданған дейді.

Сонда орыс классиктерінің мұраларына Абайдың баруы әр сатыда әр алуандас. Мысалы, Крыловты Абай айқын, ашық түрде таза аударушы боп ұғынады да, тек әрбір мысалдың ақырындағы үгітін өзінше қазақ ұғымына ойын жанастыра түйіп беріп отырады. Лермонтовты Абай ерекше бір қызу жалынмен өзі қоса қозып, үнемі қызығып сүйіп, сүйсініп отырып аударды. Ал Пушкинге келсек, Абайдың бұған беттеген ақындық қарым-қатынасы мүлде басқа. “Евгений Онегин” Абай жасаған үзінді аудармалар анығында аударма ғана емес. Ол Пушкиннің әсем романын шабытты ақын жырымен қайталай, жарыса әңгіме етіп беру боп шығады. Абай мақсұты солар арасындағы жүрек толқынын, адамдық шындықты қазақ жастарына барлық бусанып тұрған жанды нәзік ырғағымен түсінікті, қонымды етіп беру болады. Бұл жәй, тегінде, терендей, зерттей сөйлейтін пікірлерді керек етер еді. Бірақ осы мәжілісте “Орыс классиктері мен Абай” деген [арнаулы баяндама] жолдас Ғабит Мүсірепов баяндамасы күн тәртібінде тұрғандықтан, мен жаңағы аталған түйінге айрықша тоқтамаймын. Тек жалпы еске салатынымыз: Абай өз аудармалары арқылы және арнап шығарған әндері арқылы ұлы Пушкин мұрасына зор ықылас беріп, оның екі геройлары Онегин, Татьяна аттарын барлық сахарадағы қазақ жастарына соншалық жақын, соншалық сүйікті етіп танытты. Солардың саналы сезім жырларын бүгінгі күнде де сол сахара жастары сүйсіне күңіренеді. Өздерінің сезім мұңын наз-назымен айтар болса, сол Абайдың өзі тірі шағында-ақ ел жастары сол сонау екі жас тілімен де айта жүретін болған. Бұл айтқанның бәрі Абайдың аударушылық жағы. Оның ар жағында әсіресе бір үлкен Абай жаңалығы, орыстың классик әдебиетіне мейлінше бейіл беріп, туыса, табысқандығының негізінен туған жаңалығы — Абайдың ендігі жазған өз шығармасының әсем саны сапасынан көрінеді.

Бұрынғы қазақ поэзиясындағы екі түр — жыр мен қара өлеңге Абай қосатын он бес, он алты жаңа түр осы беттегі

соны жаңалық ізденудің айқын жемісі еді. “Іші алтын, сырты күміс сөз айт” деп, ендігі қазақ поэзиясының сыйы мен сапасы немен өлшенетінін, қалай өсетінін атап еді.

Бұл жолында Абай тағы да Пушкинге ұқсас. Бұл дүние классиктерінің бәрінде көрініп отыратын кең тыныс, ұлы шабыт бірдейлігімен ұқсас. Биікті меңзеген ой құлашының алысқа сермер ағынымен ұқсас. Аласа адыр жан жазықтан иықтары асып, бастарын бұлт құшып тұрған асқар биіктердің ұқсастығындай бір бітімдес ұқсастық.

Сондайлық дүние жүзінің поэзия мәдениетімен терең тамырлы жалғасы болғандықтан ғана Абай жылдың төрт мезгіліндей, сыршыл өлеңдеріндей, ойшыл өлеңдеріндей асыл жауһарларын тудырады. Сол орыс әдебиеті арқылы Еуропаның және бүтін адам баласының ой өрісіне, мәдениет мұрасына қолы жеткен соң ғана Абай анық өзге қазақ ақынынан үздік озық алып ақын, шын мағынасында классик ақын болады. Дәл осы және бір Абай емес, бар қазақ әдебиет тарихы емес, ХІХ ғасыр бойында бұрынғы Россияда болған көп ұлттардың көпшілігінің тарихында бір алуандас болады екен.

Армения классигі Хачатур Абовян, грузия классигі Илья Чавчавадзе, азербайжан асылы Мирза Фатели Ахундов, осетин қадірлісі Коста Хетагуров, тіпті украинаның ұлы күйшісі, данасы Тарас Григорьевич Шевченконың өзі де және татарда Каюм Насири, қазақ халқына да білікті, сүйікті Ғабдолла Тоқай, бурятта Банзаров, Хангаловтар, қазақта Абайдан басқа қажырлы Шоқан, қадірлі Ыбырай Алтынсарин – бәрі де бір бітімдес. Бірі ілгері, бірі кейінтің шыққанмен, бірінде халқының мәдениет сатысына қарай, таптық сапасының өсіп-жетілу дәрежесіне қарай революцияшыл-демократтық басым болса, бірінде ағартушылық ағым сарыны басымырақ болуларымен қатар, түгелмен өздерінің ел тарихына қадірлі, қасиетті мұра қалдыруда жаңағы айтқан Абайдай болып бәрі де орыс халқының шын алтын ғасырынан, сол ХІХ ғасырдың дүниежүзінің әдебиетіне үлгі берген даналық теңізінен суарылып барып, поэзияның құрыш болатынша шынығыпты. Бұл жөнде орыс халқының ұлы қазынасына қарыздар емес Россия ішіндегі ұлттар некен-саяқ екен.

Сонда патшалық отаршылдық қысымы бірбеткей жүріп жатса, анық орыс халқының қайнар жүрегінен шыққан асылдары сол ұсақ ұлттарға азаттық ойды да, болар жолды

да, алыс-тартыс жолын да өзі үйретіп, өзі баулып жатыпты. Бұл мәселе ғалымдық зерттеудің бір бітімдес ұқсастығы.

Сонда Пушкин, Лермонтовтар, Белинскийлер гуманизмі, ұлы адамгершілігі жаңағы ұлттар классиктері арқылы, ақындық жаңа туыс арқылы қандай түр, сапаға ауысып жатты. Чернышевскийдің азаттық үшін алысар, ағартушылық ұстаздық қасиеттері қалай ұрық беріп, қандай сара жол туғызып жатты – осы жақтардың өзінен зерттегенде де біз социалистік отандағы бүгінгі туыс бауырласымыздың, бұрынғы ұлы жүректердегі тек-төркінін табамыз. Осы жағынан қарасақ, орыс мәдениетіне сол саңылаусыз заманда қазақ сахарасынан шығып, жалғыз өзі жол тартып барып табысқан Абайдың қадір-қасиеті бұрынғыдан да артып, биіктей түседі.

Абайдан қалған асыл мұраның идеялық, көркемдік сапасын шолып өткен қысқа сөз, жалпы тексеруде біз көбінесе ақындығын, поэзиясын айтамыз. Бірақ Абай мұрасы жалғыз ақындықта емес, көркем қара сөзде де, ән-күй өнерінде де бар екені қазақ тарихына әбден мәлім.

Абайдың “Ғақлия” аталған қара сөзі де барлық құрылыс қалпымен, шебер шешен тілімен және өлеңдеріндегі ой толғауының көпшілігінің тереңдеп, еселеп өсіріп жеткізуімен біздің әдебиеттегі тағы бір соны қызықтың, жаңалықтың бірі болған. Бұнда да сыншыл, ойшыл көрінеді. Орыс әдебиетіндегі Лев Толстойдың кейбір толғау үлгілеріндей, бірақ қазақ халқының өз тіршілігіндегі күнделік болмысынан туған аса бір алғыр, жүйрік және кейде соншалық ащы мысқылы зор, кейде өте шешен орамы мол бір тың өнер көрініп отырады. Сондықтан да Абайдың өз заманында осы қара сөздерді әдейі бөлек жаздырып ап, ерекше қызығып оқитын қазақ оқушылары көп болған.

Абайдан қалған тағы бір әсерлі, әсем мұраның бірі – оның композиторлық еңбегінде, өзі шығарып кеткен көп әндерінде.

Құлақтан кіріп, бойды алар
Жаксы ән мен тәтті күй.
Көңілге түрлі ой салар,
Әнді сүйсең, менше сүй, –

деген Абай құр сүйіп, құр мүлгіп тыңдап қойған жоқ. Ақындық жолда көп іздегеніндей, ән шығаруда да жұрт

айтқанды қайталап айтпаймын деп, тың үлгі нақыс, тың бір саз, сарын, жаңаша бір сезім ырғақтарын ізденеді.

Ұйықтап жатқан жүректі ән оятар,
Оның тәтті оралған мәні оятар.
Кейі сауық, кейі мұң дертін қозғап,
Жас балаша көңілді жақсы уатар, —

деген Абай және ән мен күйді қаншалық ұлы, биік өнер деп білгенін көрсетеді. Өзінің тың түрмен шығарған өлеңдеріне ән шығарғанда анық сол зауықты, зорлықты болар әсерлі жағын ойлайды... Әнде де Абай өзге қазақ өнерлілерінен, әнші-күйшілерінен бөлек. Өзінше тың ізденуі бар, өзіндік ерекше бітім көркі бар композитор болады. Бұнда да Абай ақын... Күй толғауының ақыны... Ол ақын болмай, ақынша білінбей тұра алмайды, үйткені ол үшін ақындық барлық өмірінің тынысы да, шыны еді. Заманының ойы танымай, талап жүрген кезінде, талабы жанбай, қайғы мен арман дерті көп-көп міндетін артып жүргенде де, Абайдың айнымай, қажымай ұстап қалған бір құралы, бір досы барды. Ол — сол ақындық еді... Өзгесінің бөрінен ажыраса да, жалпы айырылмас сол серігі арқылы келер ұрпақ туар тарих жарқын күйімен тіл қатысқандай, қабысқандай болатын. Сондықтан да өзінің жан сырын айтып, келешекке жолдаған жырында өз ақындығы туралы:

Көк қанат бейіс құсындай
Қу ағашқа қонақтай,
Ол бұтақтан қозғалмас,
Өкіріп дауыл, соқса жел.
Өзгеге бола жырламас,
Ыстық күнді жоқтар ол.
Жанымның жарық жұлдызы,
Жамандық күнде жарымсың,
Сөз болсын ескі әр сөзі,
Кейінгіге қалынсын, —

деген. Бұл анық келешектің ыстық, мейірлі күнін жоқтаған, кейінгіге сырын ашқан ұлы ақынның арыздасу сөзі, соңғы бір өсиеті еді.

Мінікі, осындай сыпат сымбаты бар, бір жағынан, ел анасының бауырынан өскен, екінші жағынан, ұлы орыс

халқының мол мұрасын ой қорегі етіп өскен ұлы Абай қазір бізге өткен заманның аса бір ғажайып жаратылысы сияқты көрінеді. Ол өз халқымыз тарихындағы ең бір биік шың басына шығып, көлеңкесін, жемісін көпке жайып тұрған алып емен, тау емені сияқты.

Барынша тұтас ой ықыласымен ілгергі жарқын заманға ұмтылғандықтан, Абай өз халқының ой санасы өсу тарихында анық прогресс жолын бастаушы болды. Өз заманының, тарихтық кертартпалық бөгетінің бәрінен аттап өтіп, елі, жұртын дүниелік мәдениетке жеткізем деушінің ең алдыңғы бірі болды. Сол талап тартысы арқылы заман мешеулігін жеңіп, қазақтың еңбекші елі мен орыс халқының ой құралдарын бір араға қосып, азаттық жолындағы біріккен күрес қайраткері болды. Сондықтан да Абайдың ардақты жырлары Ұлы Отан соғысында елін, жұртын қорғап жүрген қазақ жауынгерлерінің командирлерінің сенімді серігіндей боп, бар майданда ере жүрді. Олардың барлық ұлы Одақ ұлттарының ұлдарымен жүрекке – жүрекке, білекке білек қосқан қаһармандық қимылында Абай аға дос боп құптап отырды.

Сондай боп өз халқының адал ұл-қыздарымен қатар қанды жорықтың ауыр жылдарын бірге кешіп өткен Абай біздің шын бақыт дәурені болған социалистік дәуірімізде бұрынғыдан да қадірман, ардақты боп отыр.

Сондайлық өлмес, өшпес қасиеттері ұлы Абайға қазақтың классик әдебиетінің қадірмен атасы деген, қазақ поэзиясының күншуақты алып асқар биігі деген ат, атақ бергізеді.

Алматы, 1945 ж.

К ЛЕКЦИИ “АБАЙ – ВЕЛИКИЙ КАЗАХСКИЙ ПОЭТ”

1. Тема обширная – не будем особо останавливаться на биографии.

2. Будем говорить с позиций исследований историко-литератур[оведческой науки] в свете развития общественной мысли в Каз[ахстане] в XIX веке.

3. Абай в ряду подобных поэтов разных нац[ионально]стей России: Чавчавадзе, Абовян, Ахундов, Тукай, Коста Хатагуров, Абай. В Ср[едней] Азии не было подобной фигуры. Две России – приобщение к русской литературе. Связи с Пушкиным, Лер[монтовым] освещены, но какие общ[ественно]-политич[еские] течения в России влияли на Абая? Какие соц[иально]-полит[ические] идеи, какие эстетические, этические нормы и каких общ[ественных] групп тогдашней России оказали доминирующее влияние на Абая? Рев[олюционные] демократы 40–60-х гг., одн[ако] были и народники 70–80-х гг., славянофилы, западники, были эстеты – поэты “чистого искусства” 60-х гг., было толстовство.

Одна линия – Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Щедрин. Другая линия – славянофилы, народники, толстовство – идеализм. С кем и в какой мере идет Абай?

4. Чокан и Алтынсарин. Чокан... атеист, но не революционер. Алтынсарин – школа с европейскими педагогич[ескими] принципами, еще двуязычная школа – двусторонний напор на него – церковники-мусульмане, церковники-миссионеры... Новый алфавит.

5. Абай – Пушкин, Белинский, Герцен, Чернышевский – эстетические взгляды на поэзию, роль, назначение поэта.

Абай отталкивается от предшественников, на казахск[их] поэтов – Бұхар, Шортанбай, Дулат, Шортанбай, Дулат пенен Бұхар...

Ескі бише отырман бос мақалдап,
Ескі ақынша мал үшін тұрман зарлап.
Сөз түзелді, тыңдаушы, сен де түзел,
Келейін сендерге де енді аяндап.
Мақсұтым – тіл ұстартып, өнер шашпақ,
Наданның көзін қойып, көңілін ашпақ.
Үлгі алсын деймін ойлы жас жігіттер,
Думан-сауық ойда жоқ әуел баста-ақ.

Кто такой Бухар?

Здесь и монархи[зм], национализм... Отрицание русской культуры, пессимизм, идеализация устоев прошлого, прежнего аула.

Абай против течения. Его эстетич[еские] взгляды обнаруживают родство его идей с идеями, эстетич[ескими] взглядами Белинского, Чернышевского – поэта-гражданина. Поэт-борец за общее благо. Искусство – одна из форм борьбы.

Чернышевский говорит: “Не надо нам слова гнилого, праздного, погружающего в самодовольную дремоту и наполняющего сердца приятными мечтаниями, а нужно слово свежее и гордое, заставляющее сердце кипеть отвагой гражданина, увлекающего к деятельности, широкого и самобытного”. Абай писал:

Хат жаздым Әзірет Әлі, айдаһарсыз,
Бізде жоқ алтын иек, сары ала қыз...

Мен жазбаймын өленді ермек үшін,
Жоқ-барды, ертегіні термек үшін...

Сонда ақын белін буып,
Мұң мен зарды қолға алар.
Кектеніп надан зұлымға,
Шиыршық атар, толғанар...
Ызалы жүрек, долы қол,
Долы сия, ащы тіл,
Не жазып кетсе жайы сол,
Жек көрсендер, өзің біл.

Это есть яркий пример гордого и свежего слова.

Каждое слово, стих – акт общественной борьбы.

Чернышевский: “Произведения искусства имеют значение – объяснение жизни и значение приговора о явлениях жизни”.

6. Как объясняет жизнь общ[ества] его времени Абай: искусство должно сослужить какую-нибудь пользу, оно не[бесплодное] удовольствие. Его объяснения: о современном ему общественно-правовом укладе. Управители, баи (өлендер).

Сабырсыз, арсыз, еріншек,
Көрсеқызар, жалмауыз,
Сорлы қазақ сол үшін
Алтыбақан алауыз.
Қылып жүрген өнері:
Харекеті – әрекет,
Өзі оңбаған антұрған
Кімге ойлайды берекет?
Кейбіреуі дүрсіп жүр,
Жер тәңірісіп кер мағыз.
Кейбіреуі – зәкүншік,
Оңдырмасып, берсе арыз.
Кейбірі пірге қол берген,
Іші залым, сырты абыз.
Кейбірі хажға барып жүр,
Болмаса да хаж парыз.

Муллы:

Кітапты молда теріс оқыр
Дағарадай боп сәлдесі.
Малқұмар көңілі – бек соқыр,
Бүркіттен кем бе жем жесі.

Қара сөзде: “Молдалар тұра тұрсын хұсусан бұл заманның ишандарына сақ болыңдар. Олар – фітнә ғалым, бұлардан залалдан басқа еш нәрсе шықпайды. Өздері хукім шарифатты таза білмейді, көбі надан болады. ...бұлар адам аздырушылар, хатта дінге де залалды. Бұлардың сүйгені – надандар, сөйлегені – жалған, дәлелдері тасбиғы менен шалмалары, онан басқа ешнәрсе жоқ”.

Кто бай?

Мал жияды мақтанып білдірмекке,
Көзге шұқып малменен күйдірмекке.
Өзі шошқа өзгені ит деп ойлар,
Сорпа-сумен, сүйекпен сүйдірмекке.

Здесь мы видим пример высокой нравственной деятельности писателя.

7. Орудием Абай избирает испытанные пути русской художественной литературы. От Пушкина, Лермонтова – реализм. Критический реализм тоже в пейзаже...

Добролюбов писал, декларировал:

Не льстивый бард, не громкий лирик,
Не оды сладенькой певец,
А вдохновенный злой сатирик,
Поток правдивых горьких слов
Нужны России.

...Шиллер говорил: “Тот, кто верен своему времени, легче других добывается бессмертия...” Абай был сатирик – и сатира его была обращена к настоящему. Опять он сходится с шестидесятниками.

Салтыков-[Щедрин] [вел] свою борьбу “против произвола [лжи], хамничества, предательства, пустомыслия” – все это есть и у Абая. У него острие сатиры обращено на его современников.

Если Чернышевский говорил о Щедрина: “Никто не карал их [чиновников] общественных пороков словом более горьким, не выставлял перед ними наших общественных язв с большой беспощадностью” ...Луначарский прав, когда говорит, что в этом качестве Щедрина – суть, родственность Щедрина с марксизмом...

8. Абай с яростью описывает распад и развал патриархально-феодальной среды. Как Щедрин давал незабываемые сатирические образы губернаторов, помпадуров, так Абай изобличает управителей, баев, толмачей, чиновников...

9. Абай сходен, родствен шестидесятникам в отношении понимания задачи поэта, назначения искусства. Но он не подражает, он обретает культуру, заимствует передовые идеи, – но пишет о казахском обществе, воспроизводя его специфически отвратительные черты. Это его программа, он клеймит все позорное, дикое. В этом смысле он являл собою именно нарушение “неподвижности Востока”...

10. Какова политическая программа?

Широкое европейское образование, учись у русских. Герцен “Былое и думы”: “Нет народа, который глубже и

полнее усваивал бы мысль других народов, оставаясь самим собою”...

Требует реформ в правлении степью, третейские суды [могут] разрушить устои феодализма. Равноправие женщины. Отречение от фанатизма, схоластики ислама. Не признает панисламизм, нужно осветить его усиление в этот период.

Не изолировать казахскую степь от судеб России.

Не толстовство... Нет утопии его, реакционности его.

11. Но классовая, историч[еская] ограниченность его воззрения есть... Но новое не до конца с рев[олюционными] демократами... Герцен “Былое и думы” – деспотизм или социализм – выбора нет...

Он и Чокан не отрицают царизма в целом. Не проповедует революцию. Он пришел к трудовому крестьянству, но пути его борьбы не указывает.

12. Что мешает? Он не был последовательным материалистом. В нем есть элементы идеализма – есть вера... как высшая норма морали. В понимании абсолютной истины – идеалист. В вопросах социально-исторических – материалист. В нем есть элементы дуализма – душа, тело:

Акыл мен жан – мен өзiм, тән – менiкi...

Өлсе өлер табиғат, адам өлмес,
Ол бірақ қайтып келіп, ойнап-күлмес.
“Мені” мен “менікінің” айрылғанын
“Өлді” деп ат қойыпты өңкей білмес.

“Душа бессмертна, а умирает личность” (Герцен “Былое и думы”). Как видно, здесь нет “последовательно материалистической философии и боевого революционного демократизма Чернышевского, великого русского мыслителя и революционера, идеолога крестьянской революции в России”.

Если [в истории философии] мы говорим об исторической ограниченности идеологии русск[их] рев[олюционных] демократов, также мы говорим и об ограниченности Абая. Он был против идеалистич[еской] схоластики Востока (не с Платоном), которая превратила восточную философию... в служанку богословия...

Но дуализм[его], определяемый как философское направление, противоположное монизму... Абай считает началом бытия не одну, а две личные субстанции – тленную и духовную – души и тела.

А диалектич[еский] материализм, как известно, отвергает дуализм – он считает сознание вторичным, производным от материи – этого Абай не понял.

13. Отсюда этические нормы у Абая тоже своеобразные. Высокая нравственность и нравственная личность могут исправить, изменить историю, – думал он.

Был вначале оптимистом. Но не знал, на кого опираться в общ[естве]. Как пессимист Щедрин (капитализм)...

В объяснении обществ[енных] явлений все философы до Маркса и Энгельса исходили из идеализма, из признания того, что история сводится к прогрессу идей и что основными двигателями истории являются образованные люди – “герои”, творящие историю без народа.

На этих идеалистич[еских] позициях наиболее крепко стояли русские народники (Лавров, Михайловский). Только марксизм указал истинную основу общ[ест]ва, открыв, что в основе идей лежат материальные условия жизни.

СТЕНОГРАММА ЛЕКЦИИ “АБАЙ КУНАНБАЕВ – КАЗАХСКИЙ ПОЭТ”

Тема лекции – “Абай – казахский классик”. Эта тема для одной лекции очень обширна, поэтому лекция будет обобщающей. Предполагается, с одной стороны, сообщить о творчестве, а с другой – о биографии поэта. Ввиду ограниченности времени я хочу вначале оговориться в отношении того, что я на биографии Абая останавливаться не буду, буду ее касаться лишь в отдельных случаях, когда анализ отдельных произведений Абая потребует необходимости обращения к фактам жизни. Я перед вами в данном случае буду выступать как исследователь жизни и деятельности Абая, творчества Абая, а не как автор романа об Абае, хотя, в моем понимании, и роман о творческой личности дополняет наши общие знания, представления об Абае. Так что для меня, исследователя и литератора, эти две стороны деятельности, воспроизводящие жизнь и творчество Абая, не две разные вещи, а взаимно пополняют друг друга. С одной стороны, остановлюсь на историко-литературном план[е], а с другой, до некоторой степени – [на] воспроизведении образа Абая, исходя из его жизни. Но, повторяю, я буду говорить не так, как автор романа, а у нас будет совершенно особый, специфический разговор.

Когда мы говорим об Абае, мы имеем в виду не акына... не простого представителя письменной литературы, мы всегда имеем в виду Абая как основоположника казахской классической литературы, имеем в виду Абая, приобщившего[ся] к русской и через русскую к мировой культуре поэта. И вот такой Абай в истории литературы народов СССР в XIX веке являлся не единичной фигурой. Не случайно, сейчас на пленуме Союза писателей, на страницах наших журналов наряду с Абаем в параллели приводятся имена и ряда других писателей, выходцев из других народностей, национальностей

России. В этом порядке... мы упоминаем грузинского поэта Чавчавадзе, осетинского поэта К. Хетагурова, татарского поэта Тукая, азербайджанского поэта М.Ф. Ахундова и в этом ряду упоминаем и Абая. Считаем, что эти поэты заслуживают совершенно особого нашего внимания, когда мы изучаем историю литературы народов СССР, особого потому, что они в прошлом роднили духовную культуру своего народа с великой культурой русского народа, они ориентировали историю своего народа на сближение с Россией, с русской культурой.

Чавчавадзе переводил не только Гёте, не только поэтов-классиков мировой западной литературы, но с особой любовью переводил Пушкина, популяризировал Пушкина еще в XIX веке, ориентировал свою общественность, свою среду на сближение с Россией. На смерть Пушкина он откликается взволнованными стихами, оплакивая смерть Пушкина, изобличая ту среду царских чиновников, царскую аристократию, которая довела Пушкина до [гибели].

Если мы будем говорить об Абдулле Тукае – классике татарской поэзии, то он выступил уже во время революции 1905 года как просветитель, но он поздн[ее] в сравнении с тем, что сделал и что делал Абай, внес вклад в татарскую литературу. Абай еще в 80-х годах в своих творениях обращался к великим классикам русской поэзии – Пушкину, Лермонтову, Крылову. И не только к ним. Абай являет собой редчайшее исключение. Если взять параллельно литературу... братских народов Средней Азии – узбеков, таджиков, туркмен, киргизов, татар и башкир, такого явления, как Абай-классик, в такой глубокой степени понявший роль и значение русской культуры для своего народа, в [такой] глубокой степени обратившийся к великому наследию русской классической литературы, – такого поэта среди [этих] народов мы не встречаем. И не только среди них, но даже среди восточных поэтов, классиков XIX столетия, в их отношении к пан-исламу, пантюркизму, к тому мнимому просветительству, которое в середине XIX столетия [получило распространение] в среде российских мусульман... Линия Абая, его историческая перспектива как деятеля принципиально отлична от того, что представляли эти поэты.

Конечно, большинству из вас известно о творческом развитии Абая-поэта, начинающемся с его обращения к наследию Пушкина, Крылова, Лермонтова... Он много и талантливо переводил [их], сделал популярным имя Пушкина в Казахстане еще в 80-х годах. В 1887 году он не только перевел талантливо письмо Татьяны и объяснение Онегина, но сложил свои мелодии как композитор, чтобы сделать понятной прекрасную душу Татьяны. Это означало не только обращение к любовной лирике Пушкина, но это имело большое воспитательное значение, это являлось орудием действия, если иметь в виду угнетенное положение казахской женщины в ту пору.

Абай не только переводит русских классиков, но очень много заимствует у них. Он учится литературе, поэтической культуре у Пушкина, Лермонтова, Крылова и создает свои реалистические пейзажи в стиле реалистических пейзажей Пушкина. Он учится у Пушкина-реалиста, он поет в унисон. Он обращается к Лермонтову, выбирая из Лермонтова наиболее общественно-социальные, актуальные моменты и в духе творений Пушкина и Лермонтова создает свои вещи в виде лирики природы, лирики любви и т. д. Это все, о чем я сейчас говорю, вам известно, известно товарищам, которые... интересовались в какой-то мере жизнью и деятельностью Абая.

Я сейчас могу с вами поделиться своими мыслями, результатами своих наблюдений, представляющими в нашем абаеведении более поздний этап дальнейшего исследования творчества Абая. В этом смысле я попробую осветить поэтическую деятельность Абая с точки зрения его отношения к истории развития общественной мысли в Казахстане в XIX столетии и в связи с развитием общественной мысли в России в середине и второй половине XIX столетия.

Какие общественно-политические течения в России влияли на Абая? Какие социально-политические идеи, какие эстетические и этические нормы и какие общественные группы тогдашней России оказали доминирующее влияние на Абая? Этот вопрос наиболее актуальный, на который я попробую ответить в сегодняшнем своем выступлении.

Когда мы говорим об Абае, в общих наших высказываниях [об] общественно-классовом историческом характере

его роли, творческих особенностях, мы часто упоминаем революционных демократов 40–60-х годов, а ведь 40-е годы — это Белинский, 50-е годы — творчество Герцена, 60-е годы — Чернышевский... Они не представляют собой однолинейного развития. Развитие русской общественной мысли в эту пору, в 70–80-х годах, представляет собой параллельно выраженные, взаимно переплетающиеся явления.

Наряду с Белинским, Герценом существовали люди, по преимуществу западники, но не буржуазные реакционеры, а демократы, существовали славянофилы наряду с Чернышевским и его последователями. Вся их сущность раскрыта в статьях Ленина. В 60-х годах наряду с гражданской поэзией в духе пропаганды революционной демократии Чернышевским, Добролюбовым, наряду с творчеством Некрасова, Салтыкова-Щедрина существовала целая плеяда представителей так называемого чистого искусства.

Что собой представляли Фет, Полонский, Тютчев? Это представители аристократического дворянства, поэты, которые в то время служили идее чистого искусства и создавали стихи, находясь в тиши, в удалении своей барской усадьбы...

В эту эпоху процветают одновременно с яркими носителями революционной демократической мысли, философскими, революционно-демократическими идеями в художественной литературе, в поэзии славянофильство, носители чистого искусства, одновременно с Толстым, который воспевал непотопление злу. Какое место в литературном творчестве занимает в это время Абай наряду с творчеством Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, народниками, толстовцами, реакционерами?.. Хотелось бы ответить на этот вопрос.

Прежде чем сказать об Абае, нужно сказать о его двух великих современниках. Я их называю современниками, хотя на общественную арену они вступили раньше Абая... Я имею в виду Ч. Валиханова и И. Алтынсарина. Ч. Валиханов на 7 лет старше Абая, Алтынсарин — на 3 года... Эти обе личности тоже замечательны, замечательны своей быстрой и правильной ориентацией среди этой общественно-сложной ситуации, среди исторической действительности тогдашней России. Чокан Валиханов в одной из своих исторических

записок высказывает очень интересную мысль, выражая при этом свое отношение к западникам и славянофилам одновременно. Он говорил: “Как ни гадка была Византия, она несла христианство — элемент безусловно прогрессивный, а что несут мусульманство, ислам, татарские и бухарские муллы, выходцы из средних медресе? Несут схоластику и мракобесие”. Он апеллирует к русской общественности и просит помочь киргизам... Но так отрицательно характеризуя исламизм, он одновременно не проповедует миссионерские идеи и православие. Он говорит: “Как ни гадка была Византия”, — он оценивает с позиции отрицания учения о православии, но в сравнении с мусульманством [оно] являлось, безусловно, прогрессивным элементом.

Из этих высказываний видно, что он не мусульманин и не христианин, а вообще неверующий, атеист, материалист. Но у него есть свои противоречия такого порядка, что он все-таки не дорос до передовых революционных идей, он не дошел до отрицания капитализма как строя.

Другой современник Абая — Ибрай Алтынсарин — был практически полезным для своей среды передовым, просвещенным деятелем казахского народа, он прошел мимо исламизма. В то время как ислам старался распространить в степи только мусульманскую образованность, учреждал схоластические медресе, где обучались в 20—30 лет великовозрастные воспитанники, в это время Алтынсарин открывает русско-киргизское двуязычное училище, подобные школы открыл и Абовян... который закончил Дерптский университет... То же делает Алтынсарин. Он сам создает хрестоматию на казахском языке. Он создавал свои учебники и хрестоматии по типу учебников Ушинского, сборники стихов, новелл, интересных преданий казахского народа. Они памятливы для каждого из казахской молодежи, [кто] получил образование в то время и позже. Еще он подхватил то, к чему мы пришли позднее, блуждая по различным алфавитам. Сначала был арабский алфавит, потом признали латинский, потом уже пришли к новому алфавиту на основе русской графики, а Алтынсарин создал свой алфавит, приспособленный к фонетическим особенностям казахской речи.

Надо иметь в виду, что [он] чувствовал двустороннее давление от церковников христианства и мусульманства.

Мусульмане, муллы считали, что он хочет крестить казахских детей, клеветали на него, а Ильминский, который официально помогал ему, был убежденный христианин, уверял всех, что через эти школы скорее можно провести свою идею обрусения казахов...

Алтынсарин был инспектором народных училищ, он успел за свою жизнь открыть много киргизских школ, обучал казахскую молодежь, а однажды ему удалось даже открыть школу для казахских девушек. У него была большая переписка с деятелями русской интеллигенции, с востоковедами. Как только он умер, узнав о его кончине, из города вые[хали] его друзья, в том числе и известный профессор, собиратель казахского фольклора Васильев, и в сундуках увезли его переписку. Церковники, мусульманские попы пустили слух, что русские друзья увозят кресты и иконы, которые он нес в степь, [так как] хотел обратить в христианство [казахских] детей.

Были такие предшественники Абая. Абай — не един[ичное] явление, были такие великие современники, которые тоже, как Абай, по-своему прокладывали одиночные тропы к великой русской культуре, и они миновали и славянофилов, и панисламызм, они ориентировались на ту культуру, которую намечали для России ее просветители. И как просветители, они были последовательны в этом направлении.

Абай был только на 4–7 лет моложе их, но развитие Абая было задержано, Абай приобщился к русской культуре путем самообразования, уже достиг[нув] зрелого возраста... Он начал самостоятельно заниматься и преуспел во многом. Очень многое он сумел постичь от прекрасных плодов русской культуры. Об этом говорят его переводы. Никто ему в то время не составлял подстрочников, особых оттенков, а замечательные пушкинские, лермонтовские стихи он воспроизвел с такой силой, с такой убедительностью, что порой кажется, что писал на казахском языке Лермонтов. Это идеальное качество, которого мы требуем от каждого перевода. Когда большой, талантливый художник-поэт переводит классика, то [создается] впечатление, что [он] первый... писал на том языке, на каком вы читаете. Это дает нам основание предполагать, что Абай действительно в огромной глубине, во всей тонкости постиг все те богатства русской литературной речи, и из этого следовало многое —

история развития общественной мысли в Европе, начиная с Сократа, Платона, Аристотеля.

Широкие познания у него были в области всеобщей истории и т. д. Естественными науками он также интересовался. И в результате всего этого — как же складывается его отношение к шестидесятникам? Что он заимствовал у Пушкина идею служения народу — это безусловная вещь. Молодой Абай абсолютно не похож на того Абая, [когда] он выступает поэтом-гражданином в 80-х годах...

С [самого начала] своего подлинного обращения к письменному литературному труду он становится известным в своей среде. Он абсолютно не похож на акынов — своих современников. Наоборот, от них он отталкивается. При этом отталкивании... мы наблюдаем диалектический процесс отрицания того, что было до него, и при этом он усваивает позднейшие взгляды на поэзию, на значение и роль поэта, на эстетические взгляды Чернышевского и Белинского, отталкивается от своих предшественников...

Шортанбай был предшественником Абая, популярным поэтом середины XVIII века. Творчество Дулата относилось к этому же времени. Популярнейшим поэтом XVIII столетия был Бухар. Этих трех китов в своем стихотворении изобличает Абай, их поэзию называет лоскутной поэзией, в смысле скудности общественных идей, в смысле реакционности этой поэзии. Дальше он говорит:

Ескі бише отырман бос мақалдап,
Ескі акынша мал үшін тұрман зарлап.
Сөз түзелді, тындаушы, сен де түзел,
Сендерге де келейін енді аяңдап.

Почему Абай отталкивается от них? Потому что они представляли собой отсталую идеологию... Вот эта идеализация деревни, идеализация прошлого, отрицание русской культуры, пессимизм, идеализация всех укладов прошлого — это было то, что они несли в качестве своего убогого идейного багажа.

Абай идет против течения. Его эстетические взгляды обнаруживают родство его идей с эстетическими взглядами Белинского, Чернышевского, и при этом искусство — одна из форм борьбы...

Он не хочет писать занимательных поэм.

Мен жазбаймын өленді ермек үшін,
Жоқ-барды, ертегіні термек үшін.
Көкірегі сезімді, тілі орамды
Жаздым үлгі жастарға бермек үшін...
Сөз айттым Әзірет Әлі, айдаһарсыз,
Мұнда жоқ алтын иек, сары ала қыз...
Әсіре қызыл емес деп, жиренбеңіз,
Түбі терең сөз артық, бір байқарсыз.

Наоборот, в духе учения Чернышевского и Белинского он говорит: "...не о дураках я пишу и не с золотым шестом подвиги я воспеваю". Восточные преувеличенные образы женской красоты... не представляли ничего реалистического. Тогда все драгоценные камни, все блистательное, ценное, материальные ценности, — все это приобщалось к лику женщин.

...Его поэзия, каждое его стихотворение — это акт общественной борьбы, поэтому он не хочет для тех слушателей, которые недостаточно понимают общественное значение поэзии, превращать ее в занимательно-фантастическую, религиозно-фантастическую, сказочно-фантастическую и т. д. Поэзия должна учить жить, поэзия должна стать орудием общественной борьбы для отрицания существующего строя ...Чернышевский говорит, [что] произведение искусства имеет значение... приговора явлениям жизни. Этот самый приговор явлениям социальной жизни его времени мы видим в каждом цикле стихов Абая. Так описывает жизнь общества его времени Абай. Искусство должно служить какой-нибудь цели, это не... удовольствие. В его описаниях современного ему общества есть цикл об управителях. Я думаю, все помнят целую серию стихов о волостных управителях (на казахском языке), массу стихотворений, которые покрывают позором поступки волостных управителей, причем каждый из этих волостных управителей действует в его стихотворениях. Эти известные нам стихотворения, хотя не называют адресата, как будто анонимные произведения, однако... перед нами воскресает... отвратительный облик какого-нибудь обиралы, взяточника, подхалима перед властями и т. д. Он высмеивает точно так же баев: как баи стремятся получить влияние в обществе, как иногда, кроме того, что непосредственно вмешиваются

в родовые интриги, напускают на себя набожность и едут пилигримами в Мекку для того, чтобы еще больше усилить свой авторитет. Он говорит в своих стихах о муллах, о тех, которых осуждал Чокан Валиханов: "...татардың діни ағзамдары біздің пиғылымыз бен ниетіміздің азғындауына әсер етті, пара алды, екіжүзділікке үйретті, ортаазиялықтармен қосылып аңқау қазақты алдап соғуда. Аңқау елге арамза молда деген осы..."

Бізде молданың көпшілігі татарлар, олар шетінен алдамшы келеді. Бұлар өз жазуын әрең игерген, барып тұрған білімсіз дүмшелер болса да, рақымсыз қараңғылыққа, тағы нанымға шырмалған тақуалар... қараңғылық тұйығына түскен жандар..."

(Ш. Уәлиханов. Таңдамалылар. Алматы, 1985. 149-б.)

Кітапты молда теріс оқыр,
Дағарадай боп сәлдесі.
Малқұмар көңілі – бек соқыр,
Бүркіттен кем бе жем жесі.

(1977. I том. 165-б.)

Или возьмите его "Карасозы". Это нельзя назвать художественной прозой, потому что это не новеллы, это носит характер мирной беседы в виде чтения, у Льва Толстого имеются прозаические рассуждения. Что он пишет в этих рассуждениях?

"Молдалар тұра тұрсын, хұсусан бұл заманның ишандарына бек сақ болындар. Олар – фитнә ғалым, бұлардан залалдан басқа ешнәрсе шықпайды. Өздері хұкім шарифатты таза білмейді, көбі надан болады... бұлар адам азғырушылар... Бұлардың сүйенгені – надандар, сөйлегені – жалған, дәлелдері тасбиғы мен шалмалары, онан басқа ешнәрсе де жоқ" (1977. 2-том. 205-б. 38-қара сөз).

Он говорит: вы будьте осторожны. К народу он обращается. И об этом прославленном святом ишане говорит: это подлинны лъстецы, кроме вреда, кроме зла, от них ничего не ждите. Они считают себя аскетами. Так назывались приверженцы мусульманского учения суфизма. Аскетами себя считают и поэтому они думают, что блага того света они дарят. Но они опираются только на невежество народа, все, что они говорят, – сплошная ложь. Их сила, их опора только

в четках да в чалме. Ничего, кроме этого, нет, все пустое. Вот это изображение, объяснение жизни, то объяснение жизни, о котором говорит Чернышевский, объяснение господствующего зла того времени — здесь мы как раз и видим пример высокой нравственности [в] деятельности поэта-писателя.

Что он избирает орудием для себя при этом объяснении жизни, при этом вынесении приговора? Если он в свое время воспринимал критический реализм Пушкина и изображение картины зла, то там, где ему нужно более остро отточенное оружие в социальной пропаганде, тогда он обращается к Салтыкову-Щедрину, к сатире, которая была в творчестве Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина. Эта сатира была самым отточенным народным оружием, и Абай его избирает, но не в виде подражания.

Его убеждения проникнуты идеями из русской общественной жизни, которые в нем настолько [органично] переплетаются, что ни в одном случае вы не заметите прямого подражания.

Подражание — это признак слабого таланта. Талантливые поэты друг у друга учатся, оставаясь на высоком уровне поэтической культуры. Пушкин учился у западных классиков, но Пушкин всюду оставался Пушкиным независимо от подражания. С такой меркой надо подходить к Абаяу.

Абай избирает сатиру, и когда он начинает сатирически изображать своей богатой палитрой волостных управителей и позорных лиц прошлого, почти не подозревается, что тут очень много родственного Салтыкову-Щедрину, русским сатирикам, но родственного, отнюдь не подражательного, так как ему нужно исправить зло, искоренить зло, исправить общество своего времени. И Абай становится поэтом злободневным... Если возьмете его поэмы, за исключением написанных на восточные мотивы, то вы увидите, что Абай писал исключительно о явлениях современной жизни, выражая свою творческую реакцию на современную жизнь.

Относительно современных поэтов, которые связаны со своей современностью, Шиллер сказал, [что] тот, кто верен своему времени, легче других добывается бессмертия. Бессмертен Абай по своей глубокой, разносторонней связи со своей средой, с реальной повседневностью. Он избличает пороки своей среды. Так как Абай был сатириком, то его

сатира была обращена к настоящему. В этом смысле он вновь сближается с шестидесятниками. Салтыков-Щедрин определял свою борьбу каким образом? Он был против произвола, двоедушия и т. д. Все это есть и у Абая.

Если мы приведем цикл стихов Абая об аксакалах, которые придерживаются старых обычаев в семейном быту, которые стараются жениться на молодых девушках вторично или третий раз, где он бичует тех, которые держатся за старые обычаи, где он говорит о баях, которые отдают своих детей в русские школы и интернаты не [для того], чтобы они служили народу, а с той целью, чтобы они стали толмачами или адвокатами. Абай при этом говорит — вы их хотите сделать толмачами и адвокатами, а не думаете о том, как их изображал Салтыков, как изображал Толстой, конечно, тут он имеет в виду Толстого-реалиста, критика современной жизни, а не Толстого-толстовца.

Если Чернышевский говорил о Щедрина: “Никто не говорил об общественных пороках слов более горьких, не выставлял перед нами наших общественных язв с большей беспощадностью”, то, по-моему, это же самое делал и Абай. Вот эту черту Салтыкова-Щедрина Луначарский назвал чертой, роднящей Щедрина с марксизмом, беспощадное изобличение уходящего буржуазно-капиталистического строя, а в данном случае патриархально-феодалного строя. Эта черта и составляла одну из наиболее значительных для нас особенностей Абая. На них-то я и хотел в первую очередь остановиться в сегодняшней своей лекции.

Всей этой суммой активной политической направленности своей поэзии Абай представлял собой незаурядную фигуру. Я думаю, что всем вам понятно, что в одной лекции трудно охватить все стороны большой, многогранной, политической деятельности Абая. Поэтому я веду одну линию — установление внутренней идейной связи поэзии Абая с социально-общественным содержанием.

Абай в данном случае выступает всей суммой своего творчества с неким опровержением Л.Н. Толстого, который в отношении Востока имел представление довольно скудное и считал, что Восток неподвижен. Абай как раз дает пример того, что эта неподвижность наружная, и в этом смысле Абай всем своим наследством подтверждает мысль Ленина,

когда он раскрывает ошибки Толстого, который Восток неподвижный, азиатский противопоставлял растущему капитализму. Толстой стоял за устои русской деревни, за самобытность русской общины. Абай не одобряет этого. Абай проповедует в своей программе совершенно иные вещи – широкое европейское просвещение. Причем он различал две России: Россию царскую и Россию гуманистическую, с революционно-демократической культурой, любовью к труду.

Абай раскрывает устои семьи, общественно-бытовой, правовой уклад, требует реформы в управлении степью. Он ждет, что на смену старому должно прийти новое. Хотя он сам вышел из среды феодальной знати, он пошел к трудовому крестьянству, скотоводческому, земледельческому трудовому крестьянству, к тому, которому принадлежит будущее. Поэтому все, что являлось пережитками, остатками прошлого, он крушил и ломал. Он требует равноправия женщин, и в этом смысле его стихи, так называемая любовная лирика, это не просто эстетическая поэзия, он в духе казахской молодежи хочет [провести] идею эмансипации и равноправия в семейной жизни, идею любви, брака по любви, по свободному выбору, и в этом смысле интересно, что даже объяснение[М] Татьяны, изображая роль героини, языком сердечных излияний Татьяны Абай пробуждает молодежь, отрывает ее от феодализма и схоластики ислама.

Панисламизм в эту пору как в России, так и за пределами ее во всем исламистском Востоке принял широкую, новую окраску, начиная с турецкого пантюркизма. Этот панисламизм, с одной стороны, подогревался английским и германским империализмом. Если вы прислушаетесь к высказываниям об исламе таких буржуазных ученых, как английский Томас Корней Вашингтон, [то] он в это время особенно подчеркивает мнимые преимущества ислама перед всеми другими религиями, это вызывается необходимостью легче проводить им свою политику на Ближнем Востоке. С другой стороны, с другого полюса, где-то у каирских мусульман, появляется ученый Махмед, который проповедует панисламизм как лозунг объединения всех мусульман. И вот их идеи просачиваются в среду российских мусульман. Еще в 80-х годах начинает издаваться

в Бахчисарае газета “Переводчик”, она проповедует идеи панисламизма среди российских мусульман... обратной стороной медали является отрицание российской культуры и всякого сближения с русскими... в угоду английскому империализму преподносит ориентацию на Турцию, на халифа багдадского, на Мекку и т. д., она распространяет негодную макулатуру. В Казани, Уфе, Оренбурге появляется много поэтов-книжников, в том числе татарские муллы. Вот почему Абай пишет, что не Хазрета Али я буду воспевать. Его отталкивание мы наблюдаем в отрицании панисламизма, который тогда превозносился на Ближнем Востоке, и он в положительной своей программе проповедовал не изолированное исторически существование казахской степи, а он считал необходимым связать судьбу своих родных степей с судьбой России. Не толстовство он воспринимает, а реализм Толстого. Однако говорит ли все это о том, что у Абая не было противоречий? Нет, у Абая были противоречия.

У Абая в его взглядах мы находим много того, что обусловлено социально-историческими условиями этой эпохи. Он не отрицает царизма, не проповедует то, что проповедовал Герцен. Он пришел к труду крестьян, но пути их борьбы он не может указать...

Что мешает Абаю быть последовательным революционным демократом, каким был Чернышевский, на которого он много оглядывался, у которого он заимствовал духовную пищу? По-моему, ему мешает то, [что]... у него есть элементы идеализма, у него есть вера как высшая форма морали, у него есть элементы дуализма — душа и тело как два субстрата живут самостоятельно:

Ақыл мен жан — мен өзiм, тән — менiкi,
“Менi” мен “менiкiнiң” мағынасы екi.
“Мен” өлмекке тағдыр жоқ әуел бастан,
“Менiкi” өлсе өлсiн, оған бекi.

(I том. 265-б.)

Если апологеты ислама говорили, что есть две субстанции, два начала — телесное и духовное, то же самое говорит Абай, только добавляет разум. Душа — это я, а тело — это мое я. Это две разные вещи.

Өлсе өлер табиғат, адам өлмес,
Ол бірақ қайтып келіп, ойнап-күлмес.
“Мені” мен “менікінің” айрылғанын
“Өлді” деп ат қойыпты өңкей білмес.
(I том. 165-б.)

Умирает природа, но человек не умирает. Природу он называет телом. Это дуализм.

Как видите, здесь нет последовательности материализма и революционного демократизма Чернышевского — великого русского мыслителя, идеолога крестьянской революции в России. Здесь как бы до Чернышевского не дорастает. Если мы говорим об исторической ограниченности идеологов русской революционной демократии, также мы говорим об ограниченности Абая. Он был против схоластики, против тех проповедников, которые насаждают это учение. Он осуждает их за то, что они повторяли восточную философию. По истории философии мы знаем, что она заполняла большое звено между античной философией и западноевропейской. В X—XI веках появилась на Востоке интересная философия, которая доходила до атеизма...

Абай знал наиболее ярких представителей, оспаривавших основы философии Аристотеля, у них были отдельные элементы исторически неверных заявлений. А потом этот Восток отошел в долгую спячку. Эта неподвижность Востока, тяну[вшаяся] долгие века, нарушенная только начиная с середины XIX столетия деятелями типа Абая, [была] прекращена. Эта спячка длилась очень долго. Были только переводы, пересказывания, перепевы всего того, что писалось раньше, в пору расцвета философии. Все это было известно Абаю, и Абай в восточных переводах ислама видел только превращение философии в исламское богословие.

Был у него дуализм как философское направление, противоположное атеизму. Абай считал, что человек состоит из двух неразделимых субстанций — души и тела. Абай не понял... материализма, который отвергает дуализм, само существование вселенной признает материалистически. Отсюда и дуализм был у Абая своеобразным. Всякая высоконравственная личность может исправить, изменить историю, — думал Абай. Между прочим, как мне представляется, домарксов-

ские философы, многие философы тоже так думали о роли, что высоконравственная личность может изменить историю. Поэтому Абай был вначале атеистом, а в 90-х годах он впадает в пессимизм, как и Салтыков-Щедрин.

В годы, когда он был атеистом, он не знал, на кого опереться в обществе. Есть у него одно стихотворение, в котором он неправильно понял Белинского и буквально мысль Белинского повторяет, что высоконравственная личность — это единица, а остальной народ — это нуль. Что значит нуль, если бы не было единиц на своих местах. Между прочим, Белинский это говорил в отношении личности в обществе, он говорил в отношении отдельных наций и народностей. Белинский говорит, что есть нации и народности, которые пришли и ушли, не оставив ничего. Они подобны нулю. Вот это Абай фиксирует и переносит в определение роли личности. Все философы до Маркса исходили из этого идеализма, из признания того, что история сводится к прогрессу идей и что есть образованные люди, герои, творящие историю без народа. На этой идеалистической позиции наиболее крепко стояли русские народники Лавров, Михайловский.

[Вот] то, что сегодня намеревался я сообщить в отношении общественно-философских взглядов, этических и эстетических взглядов Абая, то, о чем мы до сих пор не говорили в опубликованных статьях. Я хочу остановиться на некоторых особенностях отдельных видов творчества Абая. Вы знаете, что Абай писал стихи о народе, о молодежи, по женскому вопросу, о чиновниках, причем о чиновниках волостного управления и, если он прямо не отрицал царизм, то чиновников царизма, волостных управителей он бичевал с такой же силой и ненавистью, как и Салтыков-Щедрин. Он писал о хозяйственной экономике, быте, природе казахского аула, казахской степи. Вы знаете, что у него есть замечательные переводы русских классиков.

Я хочу остановиться на другом виде его творчества, на его поэмах. У него есть две поэмы, особенно выдающиеся в числе других его произведений. Правда, до них надо упомянуть об особенностях его переводов. Абай в переводе Пушкина не следовал тому методу, которому он следовал при переводе Крылова, Лермонтова, а письмо Татьяны он перевел несколько в ином плане. Он хотел вывести другого

героя, не того Евгения, который нарисован Пушкиным ...Абай из Евгения Онегина делает положительный персонаж. В высказываниях Белинского есть такая мысль, что, когда видишь прекрасную душу Татьяны, кажется обидным, что Пушкин связал ее судьбу и прекрасную русскую душу с таким человеком, который не признал ее прелести, как Евгений Онегин. И Белинский заявляет — на самом деле Евгений Онегин не таков, каким он кажется на первый взгляд. Евгений Онегин — москвич в гарольдовом плане. Поскобли, за этой внешней оболочкой у него сидит русская душа. Но русская душа у Татьяны в проявлении, а у Евгения Онегина в возможности без проявления.

И Абай исходит из этого суждения Белинского. Евгений Онегин после объяснения у Абая кончает самоубийством, и, исходя из этой концовки, он остается верным любви, исходя из этой концовки, отношения у Абая трактуются иначе. Он хотел для казахской молодежи того времени представить людей равноправных, равноправно выражающих свои чувства, равноправно стремящихся друг к другу, но затем их не соединил, это было более близко для общественного деятеля — Абая того времени.

С другой стороны, на Востоке существовала такая литературная традиция назира: это не перевод, а перепев, поэт поэта перепевал, на одну и ту же известную тему классической поэзии, один известный сюжет, поэт одного века вступал в какое-то творческое соревнование с поэтом другого века, поэт одного языка вступал в соревнование с поэтом другого языка. На Востоке существовала такая традиция. Вот почему, когда вы читаете Низами и Навои, вы видите все повторяющиеся одни и те же названия, например Фархат и Ширин. Если читаете поэтическую лирику... или о Александре Македонском, это есть у Низами и у Навои, все берут эти классические сюжеты и перепевают, и чем более талантлив поэт, тем больше он [вкладывает] в эти темы. Вот такая традиция существовала на Востоке. Это ни в коей мере не ущемляло авторских интересов, никто не думал тогда насчет плагиаторства, подражательства, потому что каждый из них был равноправен, пел на другом языке, в другую эпоху, Низами не урезывает языка Навои и чагатайского языка.

Абаю эта восточная традиция назира как-то тоже подсказала написать свое обращение к Пушкину плюс к тем соображениям, которыми мы толковали идею трактовки Онегина и Татьяны.

В 1887 году, зимой, Абай перевел письмо Татьяны, и в 1887 году по всей Семипалатинской области все акыны старались перепеть эту песню. Этим популяризовались имя Пушкина и образы Татьяны и Онегина – героев поэмы, рядом с Козы-Корпеш и Баян-Сулу. Абай не только перевел, но сложил мелодию, и она пошла распространяться не в том виде, как перевел Абай, акыны перепевали в разных вариантах. Абай в творческом соревновании назира выступил со своей поэмой “Искандер”, Искандер выступает с Низами и Навои. Среди всех шахов, царей, властителей мира восточные классики особенно выделяли Александра Македонского. Властителей они развенчивали, но перед одним лицом они благоговели, это перед памятью Александра Македонского. Они были поэтами феодальной эпохи, образ правления шаха считали скромным и поэтому искали идеального царя. И этого идеального шаха нашел Низами в лице Александра Македонского. Александр Македонский у него великий, идеальный, ищет всех благ, счастья для всех людей и как будто находит среди северных народов, которые все равны и у которых почитается только труд и труду все подчинено. Северные народы он находит и среди них получает такое преклонение.

И в поэме Навои эта же тема.

Александр Македонский, покоритель мира, попадает в пустыню, от жажды начинают погибать его люди. Каким-то образом они находят ручеек и по этому ручейку попадают в ущелье, там ворота. Александр Македонский стучит в эти ворота, хочет, чтобы перед ним эти ворота раскрылись. Оттуда раздается голос: “Сюда нет доступа подобным тебе”. Александр Македонский говорит: “Как же я вернусь к своим людям?” Тогда сверху бросают сверток, он разворачивает и видит, что там только сухие кости. Он оскорблен, он хочет подняться по стене. Тогда Аристотель его останавливает. Когда они подходят к стене, Аристотель достает весы и на одну чашу кладет эти кости, а на другую доспехи Александра Македонского. Кости перетягивают. Александр удивлен и поражен. Обращаясь к Аристотелю, говорит: “Что это за

чудо?” Тогда Аристотель берет горсть земли, бросает на чашу и кости поднимаются. Аристотель разъясняет, что эти кости – глазные впадины человека, что человек ненасытен. Пока глаза его видят, пока он зрячий, пока он влачит земное существование, в это время он беспредельно жаден и все, что видит, он хочет взять себе. Здесь прямой намек на Александра Македонского, который не насытился одной победой, разорением городов, покорением стран и т. д. Только тогда, когда эту глазную кость покроет земной прах, тогда человек познает, насколько суетно было его существование. Это Аристотель говорит такие вещи. Таким образом Александру он разъясняет, что тот действовал грубой физической силой, без разумного начала. Тут мы видим понимание роли личности самим Абаям, что высоконравственная личность должна исправить общество. Такая его трактовка, когда, вступая в назира, в творческое соревнование, в перепевы, он скрещивает свои идеи с ... классической восточной поэзией и развенчивает... идеализированных героев. Это одна из особенностей данной поэмы Абая.

В другой поэме “Масгут” – о роли и назначении женщины в человеческом обществе – он ставит женщину выше всего. Молодой человек спасает от смерти старика, на которого напали вечером на улице грабители, и старик просит молодого человека завтра прийти к такому-то кургану, где старик его встретит, чтобы отблагодарить. Вот, когда молодой человек туда приходит, старик показывает ему три растущих плода – белый, желтый и красный плод, в восточном понимании этот старик Хизир. Он говорит: “Что ты хочешь? Белый плод – это олицетворение власти, желтый плод – это безмерное богатство, красный плод – женская дружба и любовь, выбирай что ты хочешь”. Тогда он подумал и выбрал красный плод. Старик говорит: “Я не осуждаю тебя, чего ты хочешь, то получишь, но объясни, почему твой выбор пал на красный плод”. И Абай объясняет устами своего героя – в руках только мудрых людей расцветает эта власть, в руках немудрого – порочит его и опасна для подчиненных его. Богатство портит всех – того, кто владеет богатством, оно губит все, что его окружает. Красный плод я выбираю не ради того, что чувствую сладострастное влечение, а потому, что женщины составляют половину человеческого

общества, я буду иметь дружбу людей, буду ценить среди людей, и у каждого моего врага есть дом, мать, жена и сестра, которые будут умолять его усмириться в отношении меня. Таким образом, применив такое решение в такой простой, небезынтересной трактовке восточного предания, Абай поднимается на высокую нравственную, моральную ступень, а это в целом составило такую особенность Абая, какую мы ни у одного современника [его], особенно предшественников Абая, не видим. Предшественники Абая были люди образованные, например Шортанбай, но он не выходил за рамки ограниченного схоластичного восприятия вопросов морали. А Абай далеко выходит за эти рамки, перерастает свою среду. Но вы знаете, что эта была эпоха безвременья, это трагическое время в судьбе великих классиков прошлой эпохи. Поэтому все то, что было прочувствовано, продумано Абаем, все это не находило надлежащей почвы, и Абай в конце концов становится пессимистом.

В последних произведениях Абая мы встречаем начало горьких излияний [о том], что он не хотел бы жить, что бесследны его труды, что не на ту почву разбросаны его творческие, поэтические семена. Все это с такой большой болью показано им самим как результат пройденного пути. Это объясняется безвременьем, он был трагическим одиночкой. Если даже он был бы в своем росте человеком, дошедшим до последовательности материалистов, революционных демократов, едва ли в тех исторических условиях отсталости степи, в условиях, когда там даже крестьянских общин, которые были в России, не было, когда нарождающийся капитализм в России был далек от Казахстана, товарно-капиталистические отношения только начали возникать в казахских степях в виде богатых русских скупщиков скота, тогда не было роста казахского народа, и поэтому Абай был... почти не признан своими современниками. И только сегодня, в наши дни, он звучит всеми своими струнами, которые должны быть поняты нами не только единолично, но и всем своим родственным окружением, которое нашел он не только в национальной среде казахского народа, а нашел в общественной среде всех передовых людей.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ В КОЛОННОМ ЗАЛЕ
ДОМА СОЮЗОВ 24 СЕНТЯБРЯ 1954 г.
В МОСКВЕ,
НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ,
ПОСВЯЩЕННОМ 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
СМЕРТИ АБАЯ КУНАНБАЕВА**

В настоящие юбилейные дни память о поэте чувствуется в родном районе, носящем его имя, в городе Семипалатинске, где он учился, искал, обретал многое, в городе Алма-Ате — центре республики его возрожденного народа и, наконец, в Москве — в этом великом источнике того света, которым был очарован он и [к] коему рвался, как к живой воде, — всюду в эти дни чувствуешь одно особенное, необычайное — это ощущение явной, столь ясно зримой близости Абая для нас, потомков.

Вот он родной, так тепло осязаемый всеми его высокими порывами, его мечтой, его горькими думами, особому горячей тоской, — так близко придвинулся к нам.

Как никогда, именно в эти дни он стоит, ярко освещенный, ясно понятый нами, будто оживший по-новому. Так, мне кажется, бывает с небесными светилами в пору их максимального приближения к нашей планете, когда они наилучше познаются людьми. Подобно им, и все великие личности прошлого, обретшие бессмертие и сопутствующие истории своих народов, как светила, спутники поколений, наши дорогие предки, предки советских людей — этих достойных наследников всего лучшего в истории человечества — становятся в дни их юбилейных дат по-особому понятными, трогательно близкими.

В такие дни чувствуем их живыми, с теплом дыхания их могучих грудей, со светом сияния их зорких очей, [слышим] пламенные слова их вещей уст... порою так прямо

и безошибочно направленные в наш век, и даже в наше сегодня. Таков и Абай в своем прозорливом слове тысяча восемьсот девяносто восьмого года, в этом своем поэтическом завещании – стихе “Когда умру”, обращающийся к людям будущего и как бы говорящий с нами, минуя все пределы, все времена.

В этом стихе Абай обратился к людям той эпохи, когда будет рассеян мрак невежества и дикости, когда придет новая смена человечества в лице просвещенных поколений, и люди, подобные ему, так жадно искавшие света знания и ведшие борьбу с тысячами невежд, могут показаться загадочными... Однако высказываясь так, он великолепно и ясно понимал, что в лице тех именно своих собеседников он найдет самых близких себе, для которых он будет наиболее понятен и родственен всем своим существом, всеми своими сокровенными думами, устремлениями. Он непоколебимо верил, что [проложенная] им в его “жестокий век” тропа к русскому гению разрастется в великие пути-дороги к великой русской культуре, и люди будущего, с которыми он ведет задушевную беседу в своей заповеди, – это будут люди, усвоившие его лучшие заветы, унаследовавшие его лучшие традиции и продолжающие дальше вглубь и вширь, в иные счастливые эпохи пути – восхождения народа к вершине человеческой культуры – в великом братстве сроднившихся народов.

Знаменательно и так многозначительно наше настоящее торжественное заседание в Колонном зале Дома Союзов, когда мы чествуем память великого поэта, дальней мечтой, великой верой которого было приобщение к русской культуре его родного народа. И ныне, когда писатели, ученые, деятели искусства его народа пришли в родную Москву и среди дорогих друзей всех наших народов, среди родных москвичей и среди многих и многих представителей всех братских народов Великого Союза чествуют память Абая, так и кажется, что он в своей исторической судьбе встречает ответное чувство любви и почитания его великих заслуг... Он обретает благодарное чувство признательности советских поколений всех наших социалистических наций за то, что трудился не во имя разобщения, а во имя елиания всего лучшего, светлого и сокровенного в народах. Тем он и

заслужил бессмертие, тем он почитаем во всеобщей истории социалистической культуры нашей Родины.

Вот в таком качестве он мнится живым, и в таком облике он пришел в этот зал первым из всех... деятелей культуры и искусства казахского народа!

О таком именно великом нашем предшественнике и мечталось, и хотелось писать, творить всем нам — композиторам, художникам, скульпторам, театральным коллективам, поэтам и писателям Казахстана!

Чувство глубочайшей признательности не покидает нас всех, пишущих о нем, за то, что он так безошибочно правильно ориентировал кочевой караван своего народа в светлую историческую перспективу!

С этим неизменным чувством признательности и благодарности великому человеку, поэту, мыслителю и склоняем мы наши головы перед светлой памятью его!

О ЗНАЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В пользу русского языка разносторонне и многократно высказывался Абай.

Одно из его высказываний особенно памятно для меня.

Обращаясь к казахским отцам, матерям того времени, он говорил: “Не жени своего сына, не наделяй его долей наследственной, а вместо всего этого обучи его русскому языку”.

Что значит для казаха-отца того времени не женить сына, тогда как он обязан был, женив сына, выплатить калым за невесту? Этим Абай освобождал отца-казаха от уплаты калыма, от первостепенной обязанности отца перед сыном. Каждый отец, по обычному праву казахов, обязан был перед сыном наделить его долей наследства. Лишение этого наследства означало большое отступление от утвердившихся правил, от многих религиозных, моральных устоев косного прошлого. Абай же призывал благоразумных отцов к тому, чтобы они отступили от всех этих “непреложных” жизненных правил лишь для того, чтобы обучить детей русскому языку. А сам Абай, колоссальным, напряженным трудом овладевший русским языком в результате самообразования, после того, как овладел тайнами русской книги, говорил, что для него кааба перекочевал с Востока на Запад, имея в виду притягательную силу русской духовной культуры, и прежде всего, русской книги. Поэтому мы, потомки Абая, всех последующих поколений, исключительно благодарны памяти его, Ибрая Алтынсарина, Чокана Валиханова за то, что они за много времени до нас сумели достойно оценить значение русского языка для всех последующих поколений их народа. Они правильно ориентировали кочевой караван своего народа на русскую духовную культуру, на скорейшее приобщение к русской книге всего передового в своем народе. И сами

они не стали бы теми, кем они стали, если бы не овладели русским языком, русской культурой в свое время.

Я думаю, что, несмотря на недюжинные способности и высокое дарование, сам Абай не приобщился бы к сокровищницам русской духовной культуры, если бы не овладел русским языком и остался бы он лишь даровитым акыном того времени. Скажем, было до него таких сто, стал бы сто первым, было до него 500, стал бы пятьсот первым. А Абая таким, как он есть, Алтынсарина, Чокана Валиханова такими, как они дороги для нас, сделала русская культура, а русская культура была ими достигнута опять-таки через великий русский язык...

А мы, признательные потомки, и ныне повторяем: спасибо, великое спасибо той русской книге, которая обучила Абая первой букве русского алфавита. Великое спасибо тому русскому учителю, который научил Абая, Алтынсарина, Чокана первому русскому слову...

ХАЛЫҚТЫҢ ҚАДІРДАН ҰЛЫ

Халқының қадірден ұлы, қамқоры, беймезгіл замандағы ауыр күндер қайраткері қазір ол бізбен бірге және біздің нәсілдерімізбен бірге болашаққа қарай қадам басқалы келеді. Сол болашақ, ұлы бақытты болашақ жөнін бұл ақын өзінің көрегендік, ақындық қиялымен бұлдыр сағым арасынан да аңдаған еді.

Я, бұл ақын жөнінде шынайы зор алғыспен айтарлық бір зор шындық бар. Ол шындық бойынша Абай мынау осы көрініп тұрған бейнесіндей өзінің бар шығармаларымен де енді бізбен бірге жасайды.

Ал осы шаққа, бізге Абай немен жетті, қалай жетті?

Ол бұрынғы шөл ғасырлардың еңбек елі кешкен зар мен шерді бізге танытпақ боп ап келді. Ол бізге сол замандар аналарының, қыздарының қайғы-қасіретін әкелді. Сахарада жыртқыштар заңын орнатқан рубасылары, надан дүлей әкімдер атаулыға сол күннің халқы айтқан қарғысты, соларға арнаған жиіркенішті танытпаққа ап келді.

Өз заманындағы қоғамның білім жарығына ынтық болған, құштар болған адал арманын алып келді бізге ол. Ол бізге және де ескі жол-жора, әдет пен шариғат орнатқан қорлық заңдарды қарғаған азат жүректер бақыты деп көкसेген жастар күйлерін, махаббат мұңдарын жеткізді. Ол және де қалың халық көпшілігі барынша жиреніп айыптаған қомағайлық, мансапқорлық, жағымпаздық, арамтамақтық сияқты тағы талай жиреніш қылықтарды әшкерелеп келді. Және сол Абай өз заманындағы орыс халқының озғын ой парасатынан барынша зор махаббатпен құрмет көрсеткенін баян етіп келді. Ол бізге асыл мұра қалдырды. Сонау бір халықтар мен халықтар арасы шалғай қайшылықта тұрған заманның өзінде де ол бізге орыстың гуманистік демократтық мәдениетіне бұлжымастан сенуді, сүйенуді, сүйеніп өсуді уағыз етті. Ол бізге Пушкиннің даналығын білуді, сүюді, Лермонтов, Толстойдың мәңгілік еңбектерін қадірлеуді уағыз етті.

Біздің бала шағымызда, жас күнімізде ана тіліміз – қазақ тілінде Пушкиннің толғаулары мен Лермонтовтың элегия, сыр мұңдарын, лирикасын оқытып тәрбиелейді.

Және оның тарихтық ең зор еңбегінің қасиетінің бірі – біздерді, қазақ жазушыларын, өзінің артындағы нәсілін, мұрагерлерін шынайы толық көркем шығарма жазуға, ірі дәрежедегі мәдениетті көркем шығарма тудыруға баулып, тәрбиелеп кетті. Сол үшін ол орыстың және дүниежүзілік әдебиеттің классикалық үлгілерін бізге ұстаз етіп жырлап берді.

Осылайша, тек қысқа ғана, үстірт қана атап өткеннің өзінде де Абай қалдырған рухани мұраның айқын тұрған бір зор қасиеті аңғарылады. Ол Абай жанының биік зор сапасын, Абайдың ой дүниесінің терең интеллектін танытатын айғақтар. Бұл сипаттағы Абай жаманшылық атаулының қасы болатұғын. Ал ақын-азамат ары қандай десеңіз, Абайдың ары халқының арымен барабар еді. Оның жүрегі сол сыпатта қалыптанған ұлы жүрек болғандықтан, сол жүректен туған қасиет атаулының барлығын заман тоздырмай сақтап келді.

Міне, енді бүгін ол біздің бақытты тарихымыздың жаңа буындарына жүзбе-жүз келіп, ауызба-ауыз сөйлескендей. Осы буынмен ол сонау бір шақта, өзінің кейбір өлмес өлең жолдарымен де үн қатысқан еді. Енді бүгін ол бізбен бірге біздің қуанышымызбен қуанбақ үшін, біздің мерекемізді мерекелемек үшін келіп тұр.

Тегі, Абай біздің нәсілдеріміздің, буындарымыздың асыл аталарының бірі. Ол – біздің енді алға қарай, биікке қарай өрлей басар сапарларымыздың айнымас серігі... Сол себепті бүгін Абайға арналған ескерткішті ашқан сәтте біз және де оның ұлы әруағының алдына бас иеміз. Жүрек құшағын оған қарсы кең жаямыз.

Осы айтылғандармен қоса көңіл толы зор алғысымызды өзіміздің партия мен өкіметімізге арнаймыз. Халқымыз сүйген ақынның әруағына осындай құрмет еткені үшін оларға зор, зор рақмет!

АБАЙ ТАНУ ЖАЙЛЫ ЕҢБЕКТЕРГЕ ПІКІРЛЕР

СӘБИТ МҰҚАНОВТЫҢ “АБАЙ ҚҰНАНБАЕВ” АТТЫ МОНОГРАФИЯСЫ ТУРАЛЫ

Алты бөлімді монография атты кітаптың әр бөлімі туралы, бөлім ішіндегі әр кезең пікірлері мен қорытындылары туралы нақтылы сынды, нақтылы күдікті және қажет дауды еңбектің беттерін көрсетіп отырып, төмендегідей пункттеп жаздық.

Ол кітапты басынан түсіп зерттеп, қарап отырып жазылған, кітап ішіндегі материалдың ізімен айтылған тұспа-тұс пікірлер. Сондағы жиылған деректерге, түсінігімізге, дәлелдерімізге сүйене отырып, кітап туралы жасайтын қорытындымыз:

Б і р і н ш і – Сәбит бұл кітаптың көп жерінде Абайды тану мәселесіне көп елеулі, күрделі еңбек еткен. Осы еңбектің тұсында шығыстан, батыстан, орыстың классик әдебиеті мен Белинский сияқты сын білгіштерінен және Маркс, Ленин ғылымынан орынды қолданған жерлерінде көп құнарлы деректер беріп отырған. Онысы еңбегін құнды етеді, кең тынысты, шалымды етіп көрсетеді. Және, әсіресе, тағы айтамыз (орынды пайдаланған жерлерінде) Абай туралы қазақ оқушысына білім нәрін береді.

Е к і н ш і – бұл еңбек өз ішіндегі кемшілік, қаталық, керексіз артық жерлерінен (оның бәрі төменде нақтылы көрсетілген), зерттеу олқылықтарынан арылғаннан кейін, тағымды бөлімдерінің негізіне құрылып, басылып шығуы керек.

Ү ш і н ш і – кітапқа негізгі тақырып боп, нақтылы желі болатын бөлімдерді екшеп алып (соларды төменде көрсетілген кемшілік, шикіліктерінен арылтып) болған соң, осы қалпында артық боп тұрған бөлімдерді шығарып тастау керек. Сонда негіз болатын бөлімдер: 1) Абайды тану

туралы; 2) Абайдың дүниеге көзқарасы; 3) Абай және қазақ өмірі; 4) Абайдың әдебиетке көзқарасы. Бұл бөлімдер ішінде қазіргі қалпында түзетусіз жарайтын бөлім – “Абай және қазақ өмірі”. Аз түзетумен жарайтын “Абайды таңу” бөлімі. Онан соң бас жағын, алғашқы 65 беттей жерін, 293-беттен 360-бетке дейінгі жерді қысқарта отырып, түзей отырса (кемшіліктері төменде көрсетілген), қалған жағы түзеусіз жарайтыны – “Абайдың әдебиетке көзқарасы” деген бөлім. Бұл аталған төрт бөлім ішінде, бас жағы жақсы болғанмен, негізгі, түйінді жерлерінде көп кемшілігі бар және көп еңбек етуді керек ететін бөлім: “Абайдың дүниеге көзқарасы” деген бөлім. Ол жауапты, қиын бөлім, бұл қалпында татымды, терең боп, ғылымдық кең, даусыз өріске жетіп тұрған жоқ (нақтылы кемшіліктері төменде аталып айтылған).

Т ө р т і н ш і – сол аталған төрт бөлімнен басқа кітапқа кірген екі бөлім “Абайдың ата-тегі” және “Абайдың өмірі” (33-беттен 139-бетке дейін) деген бөлімдер бұл кітаптан шығарылу керек. Себебі ең әуелі монография, биография (өмірбаяны) емес. Ол бір мәселені немесе екі-үш қана мәселені жекелеп алып, тереңдеп, ғылым етіп, қадала зерттеу болады. Абай жайындағы бар мәселені шолмасам монография болмай қалады екен деп Сәбит қорықпасын. Монография болуға келістіріп, тереңдеп жазылса, осы кітапта алынған бір-ақ тақырып: “Абайдың дүниеге көзқарасы” деген тақырыптың өзі де жетеді. Барды қамтиым деген талап жақсы болғанмен, Сәбиттің қамти алмай қалқып кеткен, немесе тіпті жанамай да кеткен Абай жөнінде талай мәселесі әлі толып жатыр. Мысалы, Абайдың эстетикасы, Абайдың педагогикалық көзқарасы, Абайдағы психологизм, Абай жөніндегі ең қызықты, ең соны және әдебиеттік прогрестік ретіндегі ірі мәселе – Абайдың ақын шәкірттері, Абай тәрбиелеп өсірген мәдениетті жаңа орта (среда), онан соң Абайды зерттеген еңбектердің, Абайды көркем түрде суреттеген еңбектердің (көркемөнерде, әдебиетте) барлығы да қамтылмай қалған. Бұл мәселенің әрқайсысы да кейінгі толық зерттеулерге, немесе айрықша монографияларға тақырып болатыны даусыз.

Ал Абайдың ата-тегі мен өмірін айтқан бөлімдердің Сәбиттің бұл еңбегіне кіруі қажет еместігі: бұл бөлімдер нашар жазылған, қаталықтар да бар, артық, керексіз материалдармен де бос үстемелей берілген.

Ата-тегінен, Арғындай арғыдан бергінің бәрін шығарсақ (олар керексіз екені төменде дәлелденген), Шоқан, Ыбырайларда көп созып айтуды шығарсақ, сондай тағы көп Абайға керексіз материалдарды шығарсақ, ар жағында не қалады? Ар жағында көптен-көп жерде, бұрын Мұхтар Әуезов жазған ата-текті, өмірбаянды өз сөзімен екінші рет қайталап жазу қалады. Бірақ өмірбаяны Әуезов жазуынша бір вариант емес. 1933 жылдан бергі зерттеулер, түзеулер арқылы өсіп, өңделіп келе жатқан зерттеу еңбек. Онда материалды сұрыптау, Абайды таныту, ортасын таныту, ортасы мен ақынның қарым-қатысын таныту құр есітілген материалдардың тізбегі емес. Зерттеу, зерлеу мәселесі. Оны Сәбиттің өз сөзімен жаза салып, ала салуы және “биографтардың айтқанына сенсек” деп қыжырта отырып әр жерде пайдалана отыруы, кейде тіпті жақшаға алып, дәлме-дәл Әуезов жазған сөздерді алып, сонда да кімдікі екенін танытпағысы келулері бәрі де орынсыз, лайықсыз. Кейінгі: ...“Абайдың өмірі” деген бөлімде айттық деп өзіне өзі көп сілтетеді. Сондағы түсінік, дерек талдаудың көбін Сәбиттен бұрын айтушылар болған, оны атамайды. Бірақ кемшілік үлкені бұл емес. Сәбит Әуезов жазған өмірбаянның ескі вариантын қолданған. Сол ескі варианттарда бар қаталарды да қайталаған...

Көрсетілген көп кемшіліктерге, дәлелдерге қарап, ол екі бөлім кітапқа кірмесін дейміз.

Жалпы бір талап: кітап автордың өзінен басқа Абайды зерттеушілерге істелген мінезсіздіктен арылу керек (мысалдары төменде көрсетілген). Оқта-текте кезіксе де, оқушыға өзін көлденендете беретін сияқты арзан мақтаннан да арылу керек (мысалы төменде). Мұндай кітап ғылымдық кітап болса, жазушы өзіне де, еңбегіне де, орысша айтқанда, “со строгим сердцем, справедливым сердцем” келу керек. Болмаса Абай жөйін жаза жүріп, сонымен қатар, біреумен қыжылын, біреумен қырбайын әр жерден шаңдата жүрсе, онда құдайдың ондағаны болат та.

Сонымен, кітаптың бүгінгі тұрған қалпын алып, басынан түсіп, өзіміз байқаған нақтылы фактілеріне келейік.

“Абайды тану”. 1. Мүрсейіт пен Кәкітай турасындағы 6, 7, 8, 9-беттердегі мәліметтер қатты қысқартылу керек.

2. Абайдың өлеңдері жазылған жылдарды сөз қылған

10, 11, 12, 13-беттер керексіз. Оның ішінде, “қартайғанда “Көзімнің қарасы” сияқты өлеңді қалай жазады?” деген пікірлер мүлде қате. Өзге өлеңдер туралы “Жас шағында жазғанға ұқсайды” деген сөздер ғылымдық дәлел емес. Нақтылы, жаңа жылдарды көрсеткен дерек болмаған соң, бұрынғы жылдарды ойша топшылап, жалпылап сынға алу керексіз болады. Бұрынғы жылдар бір топ Абай шәкірттерінің (Көкітай, Мүрсейіт, Тұраш, Махмұт), көшірушілерінің куәлігімен әуелі 1908 жылы, одан кейін 1927 жылы қойылған. Солай етіп мектеп оқиды, зерттеулер жазылады. Енді оны жаңадан, дәл жылын таппай тұрып, құр мансұқ ету орынсыз және түк пайда бермейді.

3. “Ата-анаға көз қуаныштың” жылы турасындағы (14, 15-беттердегі) дау да керексіз. Оны өлеңнің түрі айтады. 80-жылы жазылуы керек деген әншейін еркін топшылау. 80-жылдарда Абай ондай жаңа түрлі өлең жазбаған. Бұндай 7 жолды шумақ – өте жаңа түр, ол Абайда кейін туады. Және мазмұнына қаралсын: “жасында күтті, дәме етті, босқа өтті” немесе “балалық өтті, ержетті, не бітті” дегенді жас балаға айтпайды ғой. Ал 27-дегі жасқа айтуға әбден болады.

4. “Қартайдық, қайғы ойладықты” (15-б.) жас Абай да жазуға болады. Үйткені бұл ел қамқоры көрі ойшыл, мұңдар адамдар атынан жазылған, жәй бір кең толғау деп түсінілу керек. Қартайған ақын жастықты, ғашықтықты жазбайды (Абай жазған), сол сияқты.

5. Крылов мысалдарына Тұрағұл, Көкбай қойған жыл 1898. Бір жыл ішінде түгелімен Крыловқа қызығып, шұғылданса ғажап па? Оның несі даулы (16-б.)?

6. “Қараша, желтоқсанға” кірген екі шумақ туралы Сәбит қатты адасқан (17, 18, 19, 20, 21-беттер). Бұнда көп қияс сұрақтар да, өзінше ұғындырам, “түсінем” деуі де ап-айқын өлеңнің айналасында бос сарпалтақ болып, босқа жан қинау. Орысша айтқанда, “екі түп қарағайдың арасында адасу”. “Ең әуелі бұл шумақтар Абай өлеңінің стиліне жатпайтын, топас жазылған” дегені өлеңнің көркін танымайтын үстірттікті көрсетеді.

Әкесі мен шешесі баланы аңдыр,
О да өзіндей ит болсын, азғыр-азғыр, –

дегені бай мен бәйбішеге арналған. Олар — баласына “тысқа шықпа, кедей балалары жеп қояды, оларға бермей, өзің же, үйде отырып же” деп аздырып, азғырып отырған Тәкежан бай мен соның қатыны, Абайдың жеңгесі Қаражан. Бұл екеуінің үйіне келіп, Шөпіш деген немере баласын осылай тәрбиелеп отырғанын көріп, Абай осы екі-үш шумақты соларға арнаған. Бұны (Сәбит байқамаған, атамаған) 1933 жылдың баспасында Абайдың шәкірттері Көкбай мен Тұраштың көмектері бойынша жаңағыдай түсінікпен бастырған мен болатұғым. Екі шумақты айтып берген Көкбай, Тұраш ерте күнде Тәкежандар араз боп өкпелеп кетеді деп, өздері (көшірушілер) бұрынғы қолжазбалардан әдейі алып қалып жүргендерін айтқан. Тәкежандар ол шумақтарда суреттелген әке-шеше өздері екенін таныр еді. Үйткені Абай осы екі шумақты оларға көзбе-көз үйлерінде отырып, ұрсып айтып берген. Осы жәйін еске алғанда “Қараша, желтоқсан” өлеңінің әуелгі, ең тұңғыш шумақтары сол Тәкежан үйінде туған деп ұғынсақ тіпті орынды болар еді. Сол пікірдің айналасына, жалпы осы өлеңде айқын көрінетін таптық қайшылықты қоссақ және Абайдың кедейге достығын, қанаушы байға қатал сыншы, айыптаушы екенін қоса тексерсек, қоса ұғынсақ, онда бұл қымбат шумақтарды “топас” деп жалаламаған болар ек. Жұртты теріс бұрмаламай, анық қадірін, сырын ашқан болар ек.

Асын жөндеп іше алмай қысылады,
Құрбысынан ұялып өңшең жалбыр, —

дегені байдың кішкене баласы туралы айтылған. Ол жас бала, әлі ит бола қойған жоқ, онда әлі ұят бар, құрбыларынан ұяла біледі. Ойнауын бірге ойнап, тамағын олардан ұрлап жегені үшін ұялады. Бірақ “оны да өзіндей ит қыларсың, тек үстіп азғыра бергейсің” деп сараң байды кекетеді Абай. Бұдан артық қатал сын, қатты шабуыл бола ма байға? Бұдан артық кедейге дос, байға қас, айқын ашу сөзі Абайдың қанша өлеңінде бар еді? Соның сырын өзі ұғынып, жұртқа ұғындырудың орнына Сәбит Абай шығармасына залал болатын сөздерді сөйлейді. Түсінік бергенге тоқтамай, редактор еңбегінен әдейі бір құбыжық табам деген кісіше қисая сөйлейді. Ал дұрыс шындықты дәл ұғынып, дәл көрем деген кісіге бұл

екі шумақ “топас” емес, қазына екенін қазақ жазушысы Сәбиттен де осы өлеңді орысшаға аударған Шубин әлдеқайда терең ұғынып, соншалық зор таптық сананы көрсеткен. Өлеңді аударып, сөзбе-сөз дәл боп шықпаса да, сол даулы екі шумақтың мағына, мүддесін, стиль көркемдігін, әсіресе қоғамдық, таптық мазмұнын Мұхтар Әуезов қарап шыққан подстрочник бойынша, Шубин былай берген: “И батрачонок целый день обязан быть при нем, И со слезами на глазах ублюдка забавлять”.

Ал Сәбит осы еңбегінің кейінгі көп жерінде “редакторларға сенуге де болмайды” және “өмірбаянын жазушыларға сенсек”, – деп екі сөзінің бірінде айтып отырады. Өзі сүйте тұра, “Абайдың ата-тегі”, “Абайдың өмірі” деген бөлімдерінде түгелімен (керексіз, артық бос қоспаларын алып тастағанда) сол өмірбаяндағы негіздерді, зерттеулерді түгел қайта көшіріп шығады. Өмірбаянды жазу ғылымдық еңбек, зерттеу болатын. Оны оп-оңай ала салып, тізе салған кісі жоқ. Сондықтан 1927 жылдан бері қарай қайта-қайта үстеліп, түзеліп келеді. Дұрысталып өсіп, тереңдеп келеді. Осының бәрін жоққа санағандай, зая қылғандай ұнамсыз, мәдениетсіз және өз бойына оңай тағып алғыш мінез Сәбиттің бұл еңбегінде көп жерде көрінеді. Болмаса жәй қарадүрсін емес, ғылымдық еңбек жазам десең, өзіңнен бұрын ол пікірді айтып, ол зерттеуді жүргізген кісілердің еңбегін көрсетпеу әділет пе?

9. “Өнер – өнер үшін” деп тексерген қазақ зерттеушісі кім? Осыны айтқан сыншыны атау керек емес пе (21-бет)?

10. Төлешевпен дау және Белинскийдің қатасын мысалдау керек емес (30-бет, “Социалистік Қазақстан”).

11. 32-беттегі “қалам алдым”, “монография жазбақпын” деген сияқты сөздер, “түгел қамту мақсұтым” дегеннің бәрі де ғылымдық еңбекке сыймайтын өзін-өзі ұсыну. Осындай арзан мақтан неге керек?

“Ата-тегі” деген бөлім. 12. Абайдың ата-тегін Арғыннан бастап айтқан сөздер орынсыз, керексіз, ғылым жолынан да алыс бір ұзақ сонар. Арғын деген – саны талай жүз мыңға жеткен елдің легендалық атасы. Шамасы, осы күнгі Қазақстанның алты облысындай ел Арғын аталады. Оны Абайдың атасы еді деп сөз бастау, славян тұқымынан Великорусты Пушкиннің атасы еді деп сөз бастаған сияқты

болар еді. Ата-тек, ақын өскен ортаны екі-үш атадан бергі заман арқылы көрсетсе болады. Одан Арғының ақын өмірбаяны үшін түк қажеті жоқ...

Кітап дәлді, нақтылы өз мақсатына жақын сөйлеу керек. Левшиннен, Аристовтан, “Қазақ һәм хандар шежіресінен”, әр жерден естіген мағлұматты орынсыз тізе беру тарих кітабы емес, басқа мақсұтты кітапқа қажет емес.

32-беттен бастап “Қазақ һәм хандар шежіресі” айтқан жарымы шын, жарымы өтірік дегенде әңгіменің бәрін “монография” атты ғылымдық еңбек болам деген кітапқа сынсыз, жаңа мағлұматсыз жия береді. Арасында “Қалқаман – Мамыр” әңгімесі де жүр. “Айпара” легендасы да жүр. 33-беттен 44-бетке дейін қысқартылу керек те, әңгімені Ырғызбайдан бастаса да болады. Одан бұрынғы аталар, бір Абай емес, бес болыс елдің, сан мың жанның аталары керек емес. Ондай боп ешкімнің, ешбір ақынның өмірбаяны тексерілмейді. Бұл құр ғана ата санаған шежіреге сынсыз, ғылымнан тыс қызығу. Әйтсе де сонау Арғыннан басталған 10 беттік жортпа үстірт мағлұматтардан Абайдың өмірі, не ақындығы үшін не таптық? Не қорыттық? Зерттеуші өзі қандай қорытынды, деректер алды?

13. Қодардың өлімі туралы Құнанбайды сонша ақтау не қажет (55-бет)? Қодардың жерінде Құнанбайдың үлкен әйелі Күнкенің қыстауы орнағанын қайда қоямыз?

14. Құнанбайдың төртінші әйелі Нұрғаным айтылмаған (57-бет).

“Абайдың өмірі” деген бөлім. 16. Абайдың көп жас оқушы, шала оқушы туралы айтқан сын сөзінің бәрін оның Абайдың өзіне тақатып тексеру мүлде қате (61, 62-беттер). Анығында Абай аса жақсы оқыған.

17. Медресе туралы 63-беттен 69-бетке дейін айтылған, Абайға дәл жанасы жоқ, татар молдалары жайындағы және “жаман түркі” шалағай бастауыш кітаптар, “Бақырғандар” жайындағы сөздер тағы ғылымдық емес, құр “қызық ермек” үшін айтқан сөздердің бәрін қысқарту керек.

18. Абайдың “әкесі жасаған қиянатқа ортақтасқан” дау дәлелсіз. “Біржан – Сараның” Әріп қосқан сөздерін келтіру тіпті теріс (74, 75-беттер). “Қаны қара бір жанмын, жаны қара” 1898 жылы жазылған. Ол кездегі терең ойшыл Абайдың ауыр мұңын бұлай түсіндіру Абайға ауыр жаза (74, 75-беттер).

19. Байкөкшенікі қалжың өлең. Оны “парашыл Абай” болғандыққа дәлел ету орынсыз (77-бет).

20. Абай губернатормен мәжілістес болған емес (78-бет).

21. Әрхам, Қатпалар 1872 жылы туған да жоқ. “Өзінің қиянат істерін көріп”, – деп Абайды қайта қаралайды. Қиянат шын болса, 12 іс те жала емес тағы. Бұл сияқты қайшы пікір айтпай, екінің бірін ұстау керек қой (79-бет).

22. 82-беттен 108-бетке шейін кең жайылған Абайдың өмірбаянына қатынасы жоқ Махамбет, Шоқан, Ыбырай жайындағы сөздер қатты қысқартылу керек. Екі-ақ бетке сыйғызу дұрыс. Оның керексіз екенін 106, 107-беттерде Сәбит өзі ашып береді. Бар мағлұматты, көпшілікке белгілі мағлұматтарды ұзақ созып, қайтадан кеп осы Шоқан, Ыбырай мен Абайдың таныс болғаны-болмағаны белгісіз деп бітіреді. Ендеше, соншалық не мақсұтпен кетеді? Ыбырай өлеңдері мен Абай өлеңдерін байланыстыру мәселесін де Ыбырай әсерінен деуге де бара алмайды. Үйткені ол да дәлелсіз сөз болар еді.

23. “Екі томның редакторларына сенуге де болмай-ды”, – деп дәлелсіз, қарадүрсінмен соғып, өзгенің көп еңбегін балағаттау да ғылым ба? Әрхам “Ата-анаға қос қуаныш” туралы қата айтады. Оны жоғарыда жазғамыз.

24. Сүйімбай керек емес. Өлеңі де бұл тұсқа дәлелсіз келтірілген.

25. Әйгерім – Біржан жақындығы деген өсек сөзді несіне келтіреді? Оны Қатпа қайда жазыпты?

Абайдың дүниеге көзқарасы. 26. “Әһлі тарихат” жөніндегі Абай сөзін теріс ұғып, теріс қорытынды жасаған (106-бет), “Иманның тазалығын жақсы ұқтырмай” деген өлеңді де мүлде теріс ұғынған (161-бет). “Махаббатпен жаратқан адамзатты” деген өлеңде Абай мұсылман имамдарынан бөлініп кеткен деп теріс ұғынады. Сол Абай айтқанды ислам ғаламында екі философтың бірі (“Әһлі тарихат”, “софизм” жолындағылар былай тұрсын), “ұждан”, “ахлақ” мәселесін қозғаған ғұлама атаулының бәрінің сөзі содан келеді. Ислам дінінің нені үгіттеп, нені философиялық тақырып еткенін Сәбит жете білмейді. “Алланың сегіз сифаты, иман бес парыз ғана” ислам логикасының философиясының мазмұны деп, соншалық саяз ұғынады. Қазақтың шығысты білмейтін оқушысына арналған шолақ, үстірт хабарлар. Болмаса осы бөлімде ислам

тарихынан, философиясынан Сәбит жазған сөздерді исламият жолын білетін татар, өзбек, әзербайжан адамдары сияқты шығыс интеллигенциясы оқыса, күлкі етеді... Мұндайлық үстірт хабар, шала-шұрпы еміс деректермен жүріп Абайды ұғындыру да (дін көзқарастарын), шығыстың философиясын ұғыну да мүмкін емес. Тек оңай жол, “упрощению” кетеді. “Бес парыз, сегіз сифат, молда” дегеннің айналасындағы исламды ғана сөз қылу содан туған. Ал бұнда қанша философия бар? Қай ақынның болса да жарқын жағы бар да, мінді олқы жағы және бар болады. Ол Пушкин басында да бар-ды. Бірақ бүгінгі ұрпаққа Пушкинді, Абайды бағалы етіп ұғындырам деген адам мәселені осындай олқылық жағынан алар ма еді? Және “Абайдың дүниеге көзқарасы” деп бір үлкен күрделі мәселені айтпақ болып, сол жәйді осынша ұзақ уақыт тек дінге саяр ма? Абай діні қанша айтқанмен белгілі. Бұны айтқанша, өзге көрнекті жемісті, жарқын жағын неге алмайды (151–161-беттер)? “Отыз сегізінші сөзді” де, ондағы мәселе тариқат жөні екенін де теріс ұғынған (163-бет).

27. “Төбесінен тұрған материализм” үшқары, дәлелсіз. Абайдың өлеңдерінен (сол 163-бетте) келтірген мысалдардың бәрі бұл қорытындыға қарсы.

28. Абайдың діннен шығып, материализмге ауысуы дәлелсіз, кішкентай дәнекермен оңай қанағаттанады. Діннен қанаушы байды шығарып алған жері де әлсіз. Абай “дүниеге достың иманы түгел емес” дегенде жалғыз малға досты айтпайды, өзге де неше алуан дүниелік, нәпсілік қызық қуғанды айтады (166, 167-беттер).

29. 168-бетте Ленинді атап, Ленин сөзін айтып кеп (бір бет бойына), Абайға байланыстыра алмаған.

“Адам бір боқ көтерген боқтың қабы”, – деген өлеңнің тапқыр жолмен ешбір ішкі де, сыртқы да жалғасын көрсете алмаған.

30. “Единица мен нольді”, “Көп ит пен көк итті” мүлде теріс ұғынған. Ол өлеңдер Сәбит ойлаған ойға дәлел болуға үйлеспейді (171-бет). “Көк ит – әкім” деу өрескел қате. “Көп ит” – халық дегені тіпті теріс түсінген, үлкен, орасан теріс пікір. Абайды халықтың досы етем деп отырып, сол халықты оған “ит” дегізсе, қарық қылады екен. Абайдың бұндағы “көбі” Пушкиннің “чернь” дегенімен тектес, ол “чернь” халық емес болатын. Абайда да “көп” бұндай жерлерде “чернь”, “толпа” мағынасында. Бұны дұрыс түсінудің көп мағынасы бар.

31. “Сенбе жұртқаны” да теріс ұғынған. Бұндағы жұрт тағы халық емес. Әйтпесе Абайды ақтау қиын болады. Берекелі елдің әкімін Абайдың болысты мазақ етіп айтқан өлеңінен тапқаны тағы қате. “Елі жөнді болыстар” мысал емес (173-бет). Әділ биді тапқан деп теріс айтады. “Қайрауы жеткен қатты би” – әділ би емес... Бұл тұста Абай “Әділ әкім билеген елді көрді”, артынан “жаманды көрді, сонымен қайшылыққа ұрынды”, – деп келтірген мысалдың бәрі басқа мағынада. Теріс ұғылған.

32. “Жамандар қыла алмай жүр адал еңбек...”

Мың күн сынбас, бір күні сынар шөлмекті” де шала, теріс ұғынған (183-бет).

33. Лениннен алған үзінді, қисын жағынан, осы араға келетін орны жоқ. Толстой мен Абайды ұқсас ету де орынды емес. “Екеуінің үндестігі бар, ол бір саяси халде, бір экономикалық жағдайда характер етуінен”, – дегеннің бәрі аса даулы мәселелер, көп дәлелді керек етеді. Бұлай механикалық түрде салыстыра салумен болмайды. Ленин еңбегін орнымен пайдаланбаған. Толстой ортасы мен Абай ортасы бірдей емес. Аралары мүлде кереғар. Абай натуральдық шаруаның көлемінде тұрған бектік-феодалдық ауылда күн кешті. Толстой – капитализм үдеп, жұмысшы табы қаулап өсіп, крестьян тіршілігінің қатты тартысқа жеткен кезде шыққан жазушы. Патриархалды крестьян қарсылығының тұрғысынан қоғам тартысына, қоғам қайшылығына кертартпа пікірімен қараған Толстой мен Абай бір емес. Бұл Абайды теріс тану, тонап таныту.

Есінде де жоқ олардың
Салтыков пен Толстой, –

деген өлеңді тіпті теріс ұғынған. “Толстой мен Абай белгілі нысанаға шейін бірге барады”, – деп, соған осыны дәлел ету тіпті орынсыз. Өлеңді “үзіп-жұлып” алып, әуелгі арналған мазмұн, мағынасынан ажыратып алудың залалы. Ол екі жолда Абай Толстой бол деп пе екен?

Я тілмаш, я адвокат
Болсам деген бәрінде ой...
Ойында жоқ олардың
Салтыков пен Толстой, –

дегені – тілмаш болғың, шенеуник болғың келеді, олардың бейнесін Салтыков пен Толстой қалай масқаралап суреттеген, соны көрсенші дегені емес пе? Бұнда Толстойдың Каренининің өзін еске алсақ та болады. Абай өлеңдерінің бірде-бірін тұтас күйінде алып, сондағы таратқан ой толғауымен, қоғамдық адамдық көзқараспен тұтас алу Сәбитте жоқ. Барлық Абайдың дүниеге көзқарасы деген соншалық жауапты бөлімде Абайдың ойын іздемейді, әуелі өзі бір схеманы долбарлап алады да, соған Абайдың әр өлеңінен екі жол, үш жолды үзіп алып дәлел етеді. Бұл бөлімнің ғылымнан, терең сыннан шалғай жатқан үлкен өрескелдігі осында. Көріп шықтың – не дін, не қоғам, не еңбек, не адамгершілік, не “толстойлық” жөнінде Абайды тұтас бір өлеңімен сөйлеткен (цитатаны айтпаймыз, ол керегінен тыс, көп жатыр) сын бар ма?

Шын ғылымдық тексеру бір өлеңді, не бес өлеңді алады да, сондағы ақын пікірінің бас-аяғына шейін айтып шығады. Мысалы, Пушкиннің крестьян мәселесіне көзқарасын айтпақ болсақ, кем қойғанда тұтас “Деревняны” алады. Декабристер қозғалысына көзқарасын айтса, тұтас “Послание в Сибирьді” алады. Бұнда біз бір өлеңді тұтас атаған Сәбитті көргеміз жоқ. Сондықтан шын тұтас желілі пікір, көзқарасын айтқан, ашқан Абайды да көре алмаймыз...

190-беттегі қорытындылары Абайды Толстойдан мүлде басқа қып шығарады. Ендеше, алдағы сөздер, беттер неге керек? Сәбит өзіне-өзі қатты қайшы пікір айтқанын байқаймыз. Салтыковқа ұқсайтыны рас болса, Абай Толстойға мүлде ұқсай алмайды емес пе? Кейінгі бөлімдерінде (соңғы бөлімде) Ыбырай мен Абайды “халықшыл демократ” ақын деп байлау жасайды. Ендеше, Толстойдың Ленин айтқан мінді жерлеріне Абайды апарып қосақтау, оған Ленинді орынсыз пайдалану, орасан каталық емес пе?

V. Абай және қазақ өмірі. 34. Жақсы жазылған. Бағалы, сапалы бөлім. Тек өлең цитаттары өте көп, аса ұзақ-ұзақ алынған, соларды қысқарту керек.

VI. Абайдың әдебиетке көзқарасы және ақындық шеберлігі. 35. Билерді айту, Гомер, Асанды, Сыпыра жырауды айту бұнда себепсіз, орынсыз келтірілген. Қысқарту керек (306, 307, 308-беттер). Қожа Ахмет Йассауи, Бұхарлар да сондай орынсыз келтірілген (309-бет). Жазба

өдебиетінің ақындарын табу, фольклор ерекшелігін талдау сияқты пікірлердің бәрі де ұшқары долбар. Абайдың Бұхар, Дулаттарды сынағанын да дұрыс түсінбеген. Қайым өлеңдері көп болғандықтан деуі дұрыс емес. Бұлардың ақын жолын қабылдамауында Абайлықтың терең сыры жатыр. Оны ғылымдық, тарихи дәлелдермен басқаша шешіп, ұғыну қажет. 313-бетке кейінгі “талқылаудың” бәрі керексіз.

36. Абайдың халық өдебиетімен байланысын Бұхар, Шортанбай, Ыбырай арқылы, мақал арқылы ғана айтып, байланысы осы деп доғарады (330-бет). Бұл анық тереңдеп тексеретін мәселе, мардымсыз ұшқары айтылып, жеткіліксіз боп қалған. Анық байланысын басқадан іздеу керек еді. Бұл мәселенің бәрі, көп сөз айтылғанмен, жадағай шешусіз қалған.

37. Исламды өзбек, қазақ, түрікпен, татарға араб емес, парсы әкелді деуі өрескел, тарихи қата (330-бет). Ислам тарихын қарау керек.

38. “Абайда жеке сөздер болмаса, не идеялық, не көркемдік жағынан ешбір шығыстың әсерін таба алмаймыз”, – дегені (342-бет) теріс. “Қор болды жаным”, “Көзімнің қарасы”, “Өлең – сөздің патшасы” және Сәбиттің өзі осы еңбегінде айтқан “Ескендір”, “Масғұт” поэмаларын қайда қоямыз? Жаңағыдай деп күр сілкіп тастап, жеңіл “құтылғанша”, тереңдеп тексеріп, қалай қорытып алғанын ашу керек еді. Ол жоқ.

39. 343, 344, 345, 346-беттерде шығыстан келерлік әсер үш түрлі болу керек деген пікір тар, дәлелсіз.

40. Белинскийден толып жатқан цитатаны, Сәбит өзіне жаққан цитатаны алады да, “соның бәрін оқыған Абай” деген оймен топшылайды. Одан да Белинскийдің айтқан бір пікірімен Абайдың шығармасында тоғысқан жерін алып салыстыру, дәлелдеу орынды емес пе? Сонда ғылымдық тексеру шығар еді. Мынада тағы да Абайды үндетпей қойып, Сәбит өзі дайындап алған пікірлерге Абайды куә қылғалы келе жатқан сияқты. Бүйтіп тексеруден Абай ақынды тану шыға ма? Оқушыға қажеті Абай ғой. Абай мен Белинский қалай тоғысты, сол ғой. “Таба алсаң, соны айтып берсеңші” деген оқушыға осы еңбек қашан жауап береді, қандай-қандай жауап береді (347-беттен 354-бетке шейін сөздер)? Соншаны айтып кеп, 354-бетте “Белинскийді ұстаз көргенмен, Абай оның айтқандарын түгел қабылдай бермейді”, – дейді.

Ендеше, Белинскийді несіне өуреледік?

Сәбит “абаеведение” бар екенін, онда өзінен бұрын бірталай пікір айтушылар бар екенін еске алмайды. “Онегин, Татьяна” туралы (бұрын 362, 363-беттердегі пікірді) айтқандарды атамайтыны дұрыс емес. Бұл пікірдің бәрін өзі айтқан кісі боп шығуы ғылымдық еңбек жазам деген кісіге лайық емес. Бұдан да көп “нәзира” жолын айтқан көзқарастар бар, оны Сәбит біледі. Бірақ атамайтыны ғажап, ілгеріде Абай мен Салтыковтың байланысын көп-көп айтады. Ол пікірді де зерттеу арқылы алдымен айтқан Сәбит, бұрынғының бәрі бүктемеге түсіп кету болмайтын, сіңбейтін нәрсе.

41. “Зерлеу” халық тілінде жоқ (394-бет) деу қата. “Сонырқау жоқ” дегені де қата. “Шардақ”, “арын”, “алқын” бәрі Абай сөзі емес, халық сөзі.

Алматы, 1945 ж., июнь

ҚАЗАҚСТАН ОРТАЛЫҚ ПАРТИЯ КОМИТЕТІНІҢ АГИТАЦИЯ-ПРОПАГАНДА БӨЛІМІНЕ, Ж. ЖҰМАҒАЗИНГЕ, ҚАЗАҚ ССР ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ ПРЕЗИДИУМЫНА

Қазақстандағы әдебиет, көркемөнер, ғылым, мәдениетті жаңа шаралармен, жаңалық істермен дамытып, көркейту жөнінде ойға келген біраз пікірлерді, кейбір ұсыныстарды және тағы біраз мәселелер жөніндегі өзіме түсініксіз жайларды партия басшылығына айтпақты мақсұт еттім.

Әдебиет туралы

Көркем әдебиеттің көп мәселелерінің ішінен қазір бір ғана саланы айрықша бөліп алып, арнаулы сөз етіп көрейік. Ол – Қазақстандағы совет әдебиетінің ойдағыдай өріс алуына, көркейіп дамуына бірден-бір зор себепші, көмекші болатын сын мәселесі жөнінде.

Бізде жұртшылығымыз бен әдебиетіміздің өсуі талап ететін, анық мағынасында мәдениетті, ғылым құралымен құралданып, марксизм-ленинизм теориясына байланысты дамыған сынның жоғын үнемі айтамыз. Бұл жай әсіресе Қазақстан Орталық партия Комитетінің қаулыларында, қазақ совет әдебиеті турасындағы нұсқауларында аса орынды, әділ түрде анықтап айтылады. Сын бүгінгі совет әдебиетінің жетекші көмекшісі болмақ керек. Совет жазушыларының творчестволық тәжірибесіне большевиктік әділ, объективті, терең мағынасында партиялық сын өз көмегін көрсететін мезгіл әлдеқашан жеткен. Партия нұсқауларында біздегі әдебиеттану ғылымының бұл күнге шейін болған сыңаржақтығы да анық, айқын көрсетілген-ді.

Ол сыңаржақтық әдебиетті зерттеуші еңбектің бәрі қазақ әдебиетінің тек қана өткен күніне арналғандықтан болатын. Ұлы Октябрьдің анық өз жеңісі боп туып, өсіп келе жатқан қазақ совет әдебиетін зерттеуге арналмайды деп көрсетілген болатын. Анығында, совет әдебиетінің өсу проблемаларын: көркем прозадан, советтік поэзиядан, советтік драматургиядан үлгілер алып отырып, соны тереңдеп талқылап, ғылымдық анализге кең жол беріп шешкен бірде-бір зерттеуді көре алмай келеміз. Бұл уақытқа шейін біздің сыншымыз деп жүрген үш-төрт адамдарымыздың өзі де толық мағынасында сыншылар емес. Олардың сын деп жазғандары да газет мақаласының көлемінен көп аспайды. Журналдар бетінде шыққандары болса, оның да көлемі мен кенеуі аз. Көп мақалалары құнарлы сын айтпай, өзіне шығарма еткен әсерді ғана айтады. “Өзіме ұнайды”, “ұнамайды” дегендей примитив қалпындағы, субъективтік және арзан вкусовщина болып бітеді. Бір жазушыны ұнаса, өсіре мақтап, бір жазушыны ұнамаса, асыра тұқыртып, шенеп шығады.

Сөйтіп, бүгінгі совет әдебиет туындылары сыналмай тұр. Сынай аларлық сыншы шыға алмай тұр. Осыған әуелі, өнімді және жоспарлы түрде көмек шара бар ма? Менің ойымша, сол шара жоқ емес, бар. Ең алдымен, бұл күнге шейін сыншы атанып жүрген бірен-саран адамның күшіне сену жеткіліксіз. Қазақтың совет әдебиет туындыларын тексеру жолына біз көп кадрды, ғылым әзірлеп келе жатқан жас кадрларды тартуымыз керек. Бұлар кімдер? Ол — қазіргі күнде ғылым жолында кандидаттық диссертациялар әзірлеуге кірісіп жүрген әдебиетші жастар мен аспиранттар, филология ғылымдарынан докторлық диссертация әзірлеуге кірісіп жүрген докторанттар болмаққа керек. Олар және жалғыз қазақ жастары емес, орыс әдебиетіне, батыс әдебиет тарихына маманданып келіп, қазақ тілін әзірлеп оқып, сол қазақ әдебиет тарихының тақырыбына диссертациялар жазбақ болып жүрген орыс ғылым қызметкерлері де болу керек. Осы топтар қазір бізде ай санап, жыл санап жоғарғы дәрежелі, арнаулы білімдер алып, көбейіп келеді. Араларында әзірше сыншы атағын алғандары аз болса да, бұрынғы біздің сыншы деп жүрген кісілерімізден әдебиеттану ғылымы, сын теориясы жөнінде анық, деректі білімі, ой құралы артық адамдар.

Осы кадрларға қазақ совет әдебиетінің қай мәселесінен болса да диссертациялық тақырыптарды сеніп тапсыра беру керек. Олардың біреулері кей жазушының кесек бір ғана шығармасын алсын. Кейбіреуі аз жазған ақын жазушы болса, соның бар шығармасын түгел алсын. Тағы біреулері арнаулы жанрлардың көлемінде әдебиет мәдениетінің шамасын, нәрін тексерсін, енді бірі – Горький, Маяковский сияқты ұлы жазушылардың революциялық, көркемдік әсерін зерттесін. Социалистік реализм әдісі қазақ жазушыларының шығармасында қаншалық терең, үлгілі түрде өнер тауып жатқанын зерттейтін болсын. Осы іс аспиранттар мен докторанттардың ғылымдық тақырыбы болған соң кең көлемді боп, ұзақ толық тексерілмеске шарасы жоқ. Екі жыл, үш жыл бойында жас ғалым қызметкерлері бір шығарма, немесе бір топ шығарма, болмаса бір жазушы айналасындағы барлық мәселелерді еріксіз толық білуге міндетті болады. Зерттеу үлкен сын қорытындыға соғатын болғандықтан, алған тақырыптар жөнінде ойлану мол, орнықты, көлемді болады. Қорытындылар дәлелді, қонымды болуға қажет болады. Әрине, бұл күштер саны көп болғанмен, әлі ғылымдық, сыншылық зерттеуге түгел ысылмаған, төселмеген де болатыны рас. Бірақ оның орайына бұның істеген ісі үнемі көмекші, жетекші адамдардың консультация кеңесіне сүйеніп отырады. Зерттеу ісінің нәтижесі жауапты, ғылымдық, сыншы кеңестің талқысымен ғана танылады. Барлық алған, бөлінген тақырыптар бұл ретте орындалмай қоймайды. Өйткені әрбір кандидаттық, докторлық диссертацияның кесікті мезгілі бар. Ол сын мәселесін, қажетті болған совет әдебиеті жөніндегі сын мәселесін, жәй сыншылардың кең еркіне, көңіл шабытына беріп қоюмен тең емес және журнал мақаласында, газет мақаласында шығармалар, жазушылар туралы біржақты ғана жайды тексеріп, жеңіл қалқып, үстен шолып, шолақ қайырып айтатын жәй бұнда жоқ. Жақсы боп шықса, диссертациялар орташа сыннан жоғары болатыны даусыз. Олар не шығарма, не жазушы туралы алғаш тізілген көлемді, өнерлі сын. Тіпті монография болып кетуге де мүмкін.

Әрине, бұл айтылғандай мақсұттар орындалу үшін диссертация жақсы жазылған болу керек. Ал соның жақсы жазылу шарты жетекшілерде, оппоненттерде, ғылымдық кеңестерде болады.

Партия, совет басшылығы, Жазушылар одағы жаңағы адамдар мен үйірмелерге бұл жөнде айқын бағыт беріп, көмектесу шарт. Басшылық, бағыт беретін ой қажет. Сол бағыттың ең үлкен бірі шарты тағы бар. Совет жазушыларын, олардың шығармаларын зерттеуге бергенде, диссертация сол жазушылар туралы тек мақтау, мәдіктау, арзан популяризация жасау жолына түспесін. Бүгінгі тірі жазушыға керексіз зиянды апологетика жасамасын. Әділ, қатал, зор талап қойып, тереңдеп сынасын. Бұндай еңбектерден ешбір жазушының шығармасы сыртта қалмауға керек. Егер, бүгінгі тірі совет жазушысының не жеке шығармасын, не барлық шығармалық еңбек нәтижесін зерттеуді, ол жазушы үшін тірі күнде орнатқан ескерткіш есебінде ұғынсақ, дұрыс болмайды. Біз, жазушылар, терең ғылымдық сынға ұдайы мұқтажбыз. Күнде мұқтажбыз. Сол себепті әдебиеттану ғылымның советтік ғылым жасау жолындағы күшін бүгін жазып келе жатқан жазушыларға қолма-қол көмекке жұмсайық.

Сонымен, бізде жоқ сынның олқысын, орнын толтырайық. Жаңа тақырыпты зерттемей жүрген әдебиеттік ғылымның саяси бағыттық олқылығын да түзейік. Осымен қатар, жасамыз ақын, жас ақын болсын, бірде-бірінің шығармасы диссертация ретінде зерттеуден сыртқары, қақас қалмасын. Тегінде, сынау үшін, зерттеу үшін бүгінгі жас жазушы шығармасын алуды сол жазушыға берген артық баға деп ұғыну болмасын. Жазушыға сен беру деп бағаласақ, ол қата түсінік болады. Зерттеуші шығарманың, диссертация тақырыбы болуы үшін, классикалық шығарма болуы тіпті де шарт емес. Кейбір зерттеулер кей шығарманың, кей жазушының әсіресе кемшілігін, қаталығын, олқылықтарын қадағалап, дәлелдеп тексеретін болуға да мүмкін. Бұрынғы Белинскийден басталған ұлы сыншылардың барлығының еңбек тәжірибесіне қарасақ, олардың үлкен ғылым тудыруға себепші болған үлкен сындарының тең жартысы жақсылықты айту емес, кемшілік пен мінді нақтылап көрсету арқылы пайдалы болғанын есте тұтайық. Өстіп сын жөніндегі екі жақты олқылықты тәртіпті ұйыстырушылық жолына бағындырып, өнімді өріске беттетіп отырып, жоюға жұмылайық дер едім.

Қазір сын жөніндегі олқылық бір Қазақстанда ғана емес, кейбір республикалардың әдебиетінде де аталып, айтылып жүрген олқылық. Ол ғана емес, орыс совет әдебиетінде

де сын ойдағыдай өрісіне жете алмай келеді. Бірақ орыс әдебиеті көлемінде бұл мәселе мүлде басқаша, кең, терең талқыланады. Онда сын жоқ емес, сыншы да көп. Тек сынның сапасы өзгеріп, өссін дейді. Қалың журналдар бетінде сан сындар басылып жатқанын көреміз. Бірақ сонда да, сол орыс совет әдебиеті көлемінде де, жоғарыдағы біз көтерген мәселе ерекше орын алады. Онда жоғарғы дәрежелі мектептерге совет әдебиетін жақсылап талдап, терең сынап танытатын еңбектер туғызуды, сын еңбекті дамытып өсіруді кімге тапсырады? Ғылымдық зерттеу жасаушыларға тапсырады. Диссертациялар, ғылымдық монографиялар совет жазушыларының шығармаларын талқылауға арналсын дейді. Бұл жөнде бүкілодақтық Орталық партия Комитеті, Институт мировой литературы, Литературный институт им. Горького, МГУ, ЛГУ сияқты университеттердің филология факультеттеріне айрықша міндеттер артып отыр. Совет әдебиеті жөніндегі сын үлкенін әдебиеттану ғылымы айтсын деп отыр. Бұл біз айтқан ұсынысты орынды ете түсетін қосымша деректер.

Музыка туралы

Қазақстандағы көркемөнер туралы да көп жайлар айтуға болар еді. Бірақ мәдениетіміздің сол саласы туралы арнаулы кеңестер болар да, ұсыныстарды сонда айтысамыз. Әзірше БҚ(б)П Орталық Комитетінің музыка турасындағы соңғы қаулысынан туған бір ғана ойды айтып өтейік. Ол Қазақстандағы кейбір композитордың қазақтың халық музыкасына істеп жүрген зорлығы мен үлкен қаталығы турасында. Нақтылы айтқанда, Брусиловскийді атамақшымын. Оның елу әнді “Қыз Жібекке” кіргізіп, сексен әнді тағы да түгелімен халықтан алып, “Тарғынға” кіргізіп және сол операларды жалғыз өзінің опералары деп атауына көңіл ешбір көнуге болмайды. Тарихи әділет тым құрмаса, арнаулы халық композиторлары Біржан, Ақан, Жаяу Мұса, Құрманғазы, Дәулеткерей сияқты қадірлі таланттардың аттарын, осы жаңағы аталғандай, бірнеше операларда бұдан былай атап беруді талап етеді. Ал Брусиловский болса, өткен 47-жылы Мұқан Төлебаевты мақтамақ болған “Қаз. правда” газетасында жазған мақаласында, біздің бүгінгі

мәдениеттік тарихымыз қадірлеп, атап жүрген барлық күйші, әнші-композиторларымыздың бәрінің жекешелік, авторлық мұраларын күдікке алып, жоққа сайғандай пікір айтты. Олардың шығармалары, Брусиловский айтуынша, заманында нотаға жазылмағандықтан, сақталмаған тәрізді. Бізге жеткен ән мен күйлер көп өзгерістермен жеткен тәрізді. Бірақ өзгерістермен жетсе де, Біржанның әндерін бізге жеткізген замандар, әншілер тек сол Біржандікі деп көне, Жаяу Мұсаныкін тек сол Жаяу Мұсаныкі деп көне жеткізген жоқ па? Рас, бір әннің, я бір күйдің сол авторларын атаумен бірге, бүгінгі айтушы, орындаушы бізге жеткізгенде біраз басқашалықтармен жеткізетін шығар. Оны біз бір шығарманың вариациялары деп неге дұрыс түсінбейміз? Халық ұмытпаған авторлықтарды, халық жаза баспай, жаңылмай, аттарын ұмытпай, пәлен ән Біржандікі, пәлен ән Абайдікі, пәлен күй Құрманғазынікі деп келгенде, Брусиловский неге ұмытады? Ұмытуға қандай хақысы бар?

Жай ғана білмес адам болса бір сәрі. Қазақстанның ең үлкен, ең жауапты композиторы болып отырып, қазақтың халық музыкасына осындай зорлық жасау білместіктен туып отырған жоқ. Әділетсіз қиястықтан және өте ұнамсыз, өзімшілдіктен туып жүр деп білемін. “Шала молда дін бұзар” болса да бір сәрі еді. Бұндай олай емес, “суын ішіп құдығына түкіру ме?”, “тамағын жеп, табағын теп” деген бе? Болмаса, қарт Крыловтың мысалындағы еменнің тамырын тістелеген сона біреу жануарға ұқсау ма? Осындай, бір жағынан, үлкен пайдалы еңбегі бар, екінші жағынан, үлкен, орасан әділетсіздігі мен қаталығы бар композитор ісі де партия басшылығының әділ, сыншыл таразысына түсуі қажет қой деп білемін.

Мұралар туралы

Екінші бір айтпақ мәселем біздегі бір-екі музей жайында. Олар “Абай” мен “Жамбыл” музейлері. Осы екі музейді, екі ұлы ақынның жүз жылдықтарына аса зор бейіл беріп, мән беріп партия мен үкімет өз қаулыларымен, көп қаражатымен туғызған еді. Бірақ осы күнде сол екі музей де ескерусіздікке түсіп барады. Көркейіп, ісі ұлғаю орнына ай санап кейіндеп барады. “Абай” музейі туралы Министрлер Советі қаулы шығарып, Академияға қаратып берді. Әрине, Академия өз

колынан келген шараларын ету шарт. Бірақ бұл музейлерді тек ведомствоға тапсырумен өкіметтік міндет ада болып, біте қалатын, сәл орындар емес. Музейдің екеуін де, бір жағынан, өкімет өзі ерекше сүйемелдеп, мол түрде іске асырмаса болмайды.

Менің ұсынысым: осы екі музей де кішкене ғана үй-музей (бүгінгі қалыптарындай) болып қалу дұрыс емес. Екеуі де үлкен, әдебиет музейіне айналсын. Мәдениетті және әдебиет ғылымын дамыту, өсіруде үлкен творчестволық іс істеп отырып, әрі музей, әрі зерттеуші орын болсын. Өзінің еңбектері болып отыратын Қазақстанда Академия, университеттер үлгісіндегі кең міндетті, мәдениет орны болсын. Сонда “Абай” музейі бір Абай емес, барлық XVIII–XIX ғасырдағы, XX ғасыр басындағы және тіпті әзірше совет әдебиет тарихының бар дерек материалдарын өз ішіне жиятын “қазақ жазба әдебиет тарихының” музейі болсын. Және бұл музей Семейде емес, өзіне арналып салынған үлкен дүкен үйімен, өзінің сапалы штатымен Қазақстан астанасында болсын. Қазіргі Семейдегі үй-музей осы Абай атындағы әдебиеттік үлкен музейдің филиалы болсын.

Жамбыл атындағы музей де әдебиет музейі болғанда жазба әдебиет емес, ақындар, фольклор (совет фольклоры) музейі болсын. Онда да бір Жамбыл емес, материалы табылса, баяғы Жанақ, Сүйімбайлар жайындағы деректерден бастап, кешегі Нұрпейіс, Доскей, Исаларға шейін бәрінің де белгі, мұралары, өмірбаяндық, творчестволық фактілерінің бәрі жиылуы керек. О да, бір жағынан, жинаушы, бір жағынан, зерттеуші ғылымдық орын болу керек. Бұдан былайғы уақыттарда қазақтың советтік фольклорын көркейтіп, дамыта беру жөнінде басшылық ой, ұйымдастырушылық көрсетіп отыратын қадірлі орын болу керек. Бұл музей де Абай музейімен қатар, Алматының алдағы мәдениеттеніп өсу жолында, біздің астанамыздың да, жалпы советтік социалистік мәдениетіміздің де үлкен бір мақтанышы және көркі болып тұру керек. Осы екі музейдің де өздеріне ғана арнаулы, ықшам, көркем, шебер архитектурамен салынған үйлері болу керек. Сонда қазіргі Жамбыл музейі үй-музей болып, мынау үлкен музейдің филиалы болып қалсын.

Абай мен Жамбыл жөні сөз болғанда, осы екеуіне байланысты тағы бір-екі мәселені айта кетейін.

Екі алып ақынның жүз жылдықтарын тойлағанда, біздің Министрлер Советі бүкіл жұртшылыққа әйгілеп салмақты қаулы шығарып еді. Екі ақынға және Амангелдіге Алматы қаласында ескерткіш орнатамыз деп еді. Сол аталған үш ескерткіштің әзір біреуі де орнаған жоқ. Орнамақ түгіл, ұмытылып та қалды. Осы мәселе енді еріксіз қапаланып айтатын жайға айналды. Жұртшылық ұялатын салақтылық. Бір жағынан, астананың көркі де сол ескерткіштер болар еді. Екінші жағынан алғанда, біздің жұртшылығымыз өткен тарихымыздағы осы үш адамнан басқа кіміне ескерткіш орнатпақшы? Рас, оларды олқысынып жүрген кісі жоқ шығар. Бірақ осындай кешпестей салақтық үшін ұялмауға бола ма?

Біздің Алматының қалалық басшылары ескерткіш қоюды соншалық бір қолдан келместей, мүлік жетпестей, орасан қиын іс деп білсе керек. Бейне бір фараондардың пирамидасын орнатқандай ұзақ, ауыр еңбек керектей түсінеді. Бұл тек білместік пен тоғышарлық қой. Азербайжан бір Низамиге екі бірдей тамаша ескерткіш орнатып отыр. Москва, Киев, Ленинградта ай сайын бір ескерткіш орнайды десе жалған болмас. Ертең Науаи юбилейі болғанда Ташкент, Самарқанд екеуінде де ескерткіш орнайды. Тіпті қасымыздағы кішкене Фрунзенің өзінде қазірде үш ескерткіш орнатылды. Біреуі – Панфиловқа, біреуі – Ленинге, тағы бірі – жақында өлген қырғыз ақыны – Жомарт Бөкенбаевқа арналған ескерткіштер. Лениннің ескерткішін осы [19]48 жыл январьда, бронзыдан құйып, Қазақстанның қызыл гранитінен биік постамент жасап, Фрунзе қалалық советі зор салтанатпен орнатты. Ал біз болсақ, кейбір өздігінен еңбек етіп, жақсы эскиздер жасап жүрген суретші-скульптордың еңбегін қарап, тиісті баға беруге де бейіл бере алмай жүрміз. Бұған Урманченің тәжірибесі куә.

Жалпы ескерткіш деген соншалық мол қаражатты да керек етпейді, 300-400 мыңға бронзыдан құйған үлкен ескерткішті молынан жасауға болады. Осы олқылықты жою ретінде менің ұсынысым: алысқа жібермей, дәл осы 48-жылдың декабрінде үш ескерткіш бірдей қойылатын бір қажырлы қаулы алынса екен.

Тағы да Абай мен Жамбылға байланысты бір мәселені айта кетейін. Сол жүз жылдықтарда Министрлер Советі ақ қағазға қара сиямен жазған жақсы қаулысында тағы

бір ізгі ниет, асыл уәде айтып еді. Қазақтың бүгінгі совет әдебиетін дамытуды мақсұт етіп, “Абай мен Жамбыл атына арналған жылдық премиялар болсын” делініп еді. Сол қаулының біреуі шыққалы үш жыл, екіншісі шыққалы екі жыл өтті. Өкімет орындары біздің әдебиеттен түк табысы жоқ болса, тым құрмаса соны айтып, “биылғы жыл бәйге беруге татитын шығарма тумады” деп қойса болмай ма? Әйтпесе, жұртшылық болып елеуге, ескеруге татитын шығарма болса, онда неге басшы жұртшылық өзі уағда қылған бағасын бермейді. Осындай зор мағыналы істерді, тек социалистік мәдениетіміздің ардақты тарихы ғана туғызып отырған жақсы, жаңа дәстүрді қайтіп ұмытып кетуге болады? Рас, бұл істің жөнінде Жазушылар одағының өзі де кінәлі болу керек. Оның кінәсы осы жайды өкіметтің есіне салмағандығында ғана. Одан арғысы Министрлер Советінің өз жауаптылығында, өз міндеті.

Қысқасы, Агитация-пропаганда бөліміндегі жолдастар сол Абай мен Жамбылдың, Амангелдінің мерекелерінде Министрлер Советі шығарған қаулыларды тапқызып алып, танысса екен. Және тиісті басшы жолдастарға сол қаулыларды апарып, төменгі орындардың орындамай жүрген жайларын естеріне салса екен.

Сондағы қаулылардың бірінде Абайдың зияраты жақсылап салынсын делінген еді. Ол зиярат қаладан алыс ауданда тұрғандықтан ба, жөнді ешнәрсе істелмей қалып қойды. Ал Низамидің қабірі ескі Ғанжа шаһарының орнында, ай далада жапа-жалғыз тұр. Ескі шаһардан бір кірпіш те қалмаған. Атырабында ел де жоқ. Бірақ жапа-жалғыз тұрған Низами мавзолейі қазір Одақтағы аса бір көркем архитектуралық ескерткіш боп тұр.

Ұлы адамдар памяты алдында берілген уәдені біздің буын ұмытпауға міндетті емес пе? Осы аталған жайларды мен: жолдас Шаяхметов, жолдас Оңдасынов, жолдас Омаров есітіп білсе екен деп өтініш етіп отыр едім.

Және осы айтылған мәселелер туралы Қазақстан Ғылым академиясы өз жауаптылығын төтенше түрде ескеріп, нақтылы ұсыныстармен өкімет орындарының алдына мәселе қойса екен.

**ҚАЗАҚ ССР ОҚУ МИНИСТРЛІГІНЕ,
С.М. КИРОВ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ
МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ҚАЗАҚ ӘДЕБИЕТІ КАФЕДРАСЫНЫҢ
БАСТЫҒЫНА (МӘЛІМЕТ ҮШІН)**

Сіздің 1951 жылы 19 майда № 8—579 тапсырмаңыз бойынша, қазақ әдебиетінің бұрын жарияланған программалары туралы төмендегі пікірлерімді білдіремін.

XVIII—XIX ғасырдағы қазақ әдебиеті. ...мұнан кейінгі зерттеулерде, тарихтық, саясат-саналық, мәдениеттік қасиеттері жағынан бағалағанда, Шоқан, Ыбырай, Абайларды біз тек қана қазақтың жекешеленген тарихы көлемінде талдап келген тар көлемді шеңберден шыға тексеруіміз шарт болады. Бұларды өз халықтарының өз дәуірлеріндегі шындықтарын айқын көрсеткен озғын ойлы қайраткерлер деп бағалай отырып, екінші жағынан, олар бүкіл Россия тарихына да жалғасы бар адамдар деп тануымыз қажет. Сонда әсіресе халықтарымыздың Лениндік достығының тарихтық іргесін нығайтушылардың бір тобы осылар дейміз.

Абай жөнінде, араб, парсы деген жалпы сөздер орнына, советтік елдер классиктерімен әр дәуірде, әр алуан байланысты болғанын ашу керек. Жалпы бұл бөлім (10—11-беттер) менің Абай дискуссиясында жасаған баяндаманың Абайдың өзіне арналған бөлімдерінен пайдалана отырып жасалса, дұрыс болар еді. Және Абайдың жас дәуірі жоқ деушілердің пікірі теріс екендігі аталу керек.

Менің өз тексерулеріммен орыс тілінде жазылған: “Идейные искания Абая”, “Абай и русские классики”, “Жизнь и творчество” (1945 год), “Традиции русского реализма и казахская литература” деген мақалаларым, қазақша “Абай мұралары туралы” деген мақала және ең соңғы жазған “Абай Құнанбаев” деген монографиям пайдалануға жарарлық еңбектер деп айтар едім.

*Сәлеммен, профессор М. ӘУЕЗОВ.
1961 жыл 26 июнь*

Ә. ЖИРЕНШИННИҢ “АБАЙ ҚҰНАНБАЕВ” ДЕГЕН КІТАБЫ ТУРАЛЫ ПІКІР

Бұл кітап жөніндегі көп сын, пікірлерді дәл қазір мен ұзаққа созып айтпаймын. Өйткені кітап бұл қалпында жарыққа шығатын еңбек емес. Толып жатқан ғылымдық, саясаттық, шындыққа шалғай шикілік, өрескелдіктері болғандықтан, бұл қалпында басылуға болмайды деп білемін. Сол себепті таратып созып, кең мағынадағы сын пікірлер тізіп жатудың әзірше қажеті жоқ деп білемін. Егер аса қажет болса, төменде өте қысқа түрде айтылатын жеке фактілер мен сындарым туралы арнаулы мәжілісте ауызша таратып, молырақ дәлелдер келтіріп, қалыпты ұзақ сын пікірлер айтып беруіме болады. Осындай жалпы жайды ескертуден соң, жеке-жеке бөлімше етіп, Ә. Жиреншин¹ кітабында бұл қалпында басылуға болмайтын орасан жайлар туралы қысқа-қысқа атап, тізіп өтемін.

1. “Автордан” деген қысқа сөз түгел керексіз, мұнда орынсыз мақтан, өз еңбегін тұрпайы түрде дәріптеу бар.

2. Он екінші бетте Абайдың “Жаз” өлеңін аударушыны теріс айтқан.

3. Сол бетте Нәзипа жайы керексіз.

4. Сол бетте Сұлтанмахмұттың² Нәзипаны мақтағаны оның ең ұлтшыл, алашордашыл өлеңінен алынған залалды үзінді.

5. Он үшінші бетте Біржан Абайды мақтағандардың тізімінде жүр.

Абай ақындық атаққа ілінбес бұрын қайтыс болған Біржанды бұл топқа қосу – тарихи шындық емес.

6. Он төртінші бетте Абайды зерттеушілер қатарына Нұрышев орынсыз, текке қосылған.

7. Жиырма жетінші бетте Абайдың бір ауыз тұрпайылау өлеңін ұзақ сөз ету орынсыз.

8. Отыз үшінші бетте Абайды былық істерге “белшесінен батады” деп сыпаттау – қиянат.

9. Отыз алты – отыз жетінші беттерде бұрын Абай мен Қаратай, Құнанбай арасында болған үлкен бір шешен бақас

турасында қалыптанған толық және дәл әңгіме бар-ды. Соны мына беттерде Төлеудің аузымен беріп, реңін кетіріп, қайта бір версия жасаудың қажеті жоқ.

10. 37-бетте Изғұтты – Құнанбайдың баласы деген бекер.

11. 38-бетте “Абай мен Құнанбай арасы алшак болмаған” деп және Құнанбайдың Меккеге бару сапарын дәріптеу кімге керек? Оны Құнанбайдың әруағына осы күнге шейін тауап қылатын құнанбайлықтардың тоғышар теріс саналы нәсілдерінің сыбағасына беру керек. Абай жөніндегі біздің дәуір кітабынан ондай мадақтауларға орын тимейі керек.

12. 45–46-беттерде Тұраш³ сияқты Алашорда мүшесі және 28-ші жылы конфискеленген феодал туралы келтірген дерексымақтар керексіз.

13. 54-бетте “Қарашекпен” деген Қрылов мысалы Абай аудармасы болмауға керек.

14. 55-бетте “Күмісті кавказдау” немесе Өтепке ер жасату сияқты болымсыз жайларды өмірбаянға кіргізу орынсыз.

15. 56-бетте “Михаэлис Абай аулына келіп, айлап-жылдап жататын” деген сөздер шылғи бекер. Михаэлис Абай аулында болған емес.

16. Сол бетте Мағауияға байланысты Көкбурыл ат жайын Абайдың жаулары шығарған сөз деу керек.

17. 57-бетте “Қанағат” жайындағы ұсақ оқиға өмірбаянға кірерлік материал емес.

18. Сол бетте тағы да Тұраш жайы саяси қаталық.

19. 58-бетте “Ақылбай қалада оқыды” деген бекер.

20. 62-бетте Оразбайдай Абайдың ең жауыз дұспанын “Қолы жетіп есе тимей келген” адам етіп мінездеу – теріс тенденция.

21. Осы 62-беттен 68-бетке шейін, жеті бет бойында Абайдың сабалуды турасындағы фактінің бәрі теріс тұрғыдан, Абайдың жаулары айтатын тұрғыдан қарап талданған. Бұл беттер Абайды әдейі оның жауы болған және халық жауы болған қара жүзді феодал жуандардың біреуі етіп көрсететін, халық намысына тиетін және масқара қорлық айғағы. Абайдың болашақ заман нәсілдерінен зор, терең жарқын сыр ашып, тілдескен “Өлсем, орным қара жер” дейтуғын мәңгілік өлеңінің мазмұн сыры өте теріс, саяси қаталық мазмұнда тексерілген. Ол өлеңді туғызушы, объективтік түрде алғанда

да, бұл кітап бойынша, Абайды сабаған жаулардың әсері болды. Сүйтіп, өленді залалды түрде пайдаланудан туған.

22. Осы беттерде, түгелімен жойылатын беттерде Абайдың жаулары тегіс саналғанда, оның ең бір сұрқия, айлакер және тынымсыз пәлеқор жауы – Жиренше мүлде аталмайтыны өрескел, орынсыз.

23. 71-бетте “Абайдың өлердегі өлеңі” деген бір-екі жол “Сарыарқаның самалы-ай” деген өлеңсымақ Абайдыкі емес, мүлде өтірік қоспа.

24. 92-бетте Чернышевский, Белинскийлердің әлеуметтік идеясын Абайға Михаэлис жеткізеді деу ғылымдық, идеологиялық қате.

25. 93-бетте Абай аулына Михаэлис барған деген мәлімет бекер.

26. 94-бетте және Абайды бастаған Михаэлис болады.

27. 95-бетте Абайдың көзқарасы материалистік көзқарас деп кесіп шешу ұшқары.

28. 102-бетте Абай әңгімесіндегі “Сократ пен Аристодим” дейтұғын шәкіртінің арасындағы әңгімені өрескел ұшқарылықпен Жиреншин “Сократ пен Аристотель” арасындағы әңгіме етіп шатасады. Сократ 399 жылы өлген, Аристотель 384 жылы туған. Сократтың өлімінен соң 15 жылдан кейін туған Аристотельді текке былықтырып, теріске лағады.

29. 140-бетте және 149-бетте Нысанбайды Махамбеттер қатарына қосып, саяси қаталық жасайды.

30. 143-бетте Ақылбай поэмасындағы Ибрайымның шешесін жаңылыс түрде басқа бір герой – Жебрайылдың шешесі дейді.

31. 148-бетте әл-Фарабилерді қазақтың оқымысты қайраткері есебінде көрсетпек болған сөздері де орынсыз.

32. 169-бетте Сұлтанмахмұт 1919 жылы Абай ауданында бала оқытқан деген бекер.

33. 189-бетте Көкбайдың “Сабалақ” атты поэмасын тексергенде, Көкбайдың да, Абайдың да Кенесары турасындағы қаталығы, қайшылықтары ашылмайды, сыналмайды. Бұл күнде ол саяси қата.

34. 158-бетте әлеуметтік ойдың дамуы турасында орынсыз адамдарды, Нармамбет, Мәшһүр Жүсіп сияқтыларды сол әлеуметтік ой тарихының қайраткері етпек болады. Ол орынсыз.

35. Енді бұл көрсетілген жекеше жайлардан басқа кітаптың ішінде екі бөлім турасында, сол бөлімдерді керексіз дейтін пікірім бар. Бұл – Сұлтанмахмұт турасында және Нармамбет турасындағы бөлімдер. Нармамбет біздің осы күнгі оқу құралдарымыздан, программаларымыздан шығарылған, саяси салт-санасы кертартпа ақын есепті танылады. Абайға оны шәкірт етіп танудың жөні жоқ. Ендеше, оған арналған бөлім алып тасталыну керек. Ал Сұлтанмахмұт турасында оны Абайдың шәкіртіне қосу орынсыз. Жақсы болсын, жаман болсын, бұл ақын басқа дәуір, басқа тарихтық, әлеуметтік салт-саналық жәй-жағдайлардың өзінше бөлек, өзінше бір үлкен екі өкілі. Оны Абайдың шәкіртіне қоссақ, революцияға шейінгі қазақ әдебиетіндегі басқа барлық жазушыларды да Сұлтанмахмұтша Абай шәкіртінің қатарына тізе беруге болады. Абайдың әсерін көрген ақындар десек, ол жайды басқаша бөліп, басқаша дәлелдеп, өзінің қатарындағы және бірнеше ақындарымен қоса тексеру керек.

Осылайша көп жері саяси қаталыққа, ғылымдық, тарихтық қаталыққа соққан Жиреншиннің кітабы түзетілумен кітап болып шығатын болса, айтатын ұсынысымы мыналар:

Жоғарыда нөмірлеп саналған қаталық, кемшіліктердің аса өрескелдерін сол беттерді жыртып алып, қайта түзеу керек. Кішілеу қаталары болса (жоғарғы саналуда ондайлар да бар), бұлардың жөнінде автор кітабының аяғына қосымша послесловие жазып, түзетулер беру керек. Ал Нармамбеттің бөлімін мүлде алып тастап, оның орнына сол көлемде Абайдың ақын шәкірті Әріпті жазып кіргізу керек. Сұлтанмахмұтты шәкірттерден бөліп алып, “Абай әсерін көрген кейбір ірі ақындар” деген жік жасап, оны кітаптың ең соңғы жағына салып, Сұлтанмахмұтқа қоса Сәбит Дөнентаевты беру керек. Және осы бөлімнің алдына өзіне бөлек аз кіріспе қосып, шәкірттерден бұл тексерілетін топтың бөлек екенін айырып айту керек. Абайдың әсерін көрген ХХ ғасыр басындағы қазақ жазушыларының кейбір тобын санап өту, жалпылай шолып өту керек. Содан соң Сұлтанмахмұт турасындағы бөлімнің бұл кітаптан орын алуы лайықты түрде дәлелденген болады.

*28 март 1951 жыл,
Алматы қаласы*

КРАТКИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЗЫВ О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ М.С. СИЛЬЧЕНКО НА ТЕМУ “РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ В СТИХАХ И ПЕСНЯХ АБАЯ”

Прочитанные мною четыре основные главы из докторской диссертации М.С. Сильченко, а именно “Отношение Абая к устно-поэтическим традициям”, “Абай и Лермонтов”, “Абай и Пушкин”, “Абай и Крылов”, в целом свидетельствуют об огромной исследовательской, научно-критической работе, проделанной диссертантом за долгое время его добросовестного изучения наследия казахского классика Абая Кунанбаева. Особо ценной в диссертации я считаю новую в казахском литературоведении постановку вопроса о взаимосвязи творчества Абая с народными источниками его эпохи, а также тщательную, глубоко обоснованную и конкретно сравнительную исследовательскую работу по вопросам русского влияния в лирике Абая.

Существовавшие до сих пор обзорно-критические работы по указанным вопросам ограничивались общими ссылками и выводами без конкретных и детальных подтверждений на фактах.

М.С. Сильченко привлекает значительное количество фактического материала, ранее не включавшего[ся] в круг исследования отдельных сторон творчества Абая. При обращении своем к источникам народной поэзии и к образцам индивидуально-книжной поэзии у казахов в середине – конце XIX века диссертант последовательно разрабатывает и постепенно раскрывает одну плодотворную научную мысль – выявить пути и методы одоления Абаем фольклорных канонов и также идейно чуждых народным чаяниям реакционных традиций феодально-байских акынов прошлого.

В этой же главе автором убедительно раскрыты моменты и этапы постепенного освоения Абая культурных влияний русской литературы. Наряду с заметными длиннотами и частичными излишними обращениями к некоторым биографическим материалам (о чем будет сказано ниже) — вся эта глава составляет весьма ценный и важный раздел настоящей работы и она же свидетельствует о глубоком знании автором многостороннего литературного процесса исследуемых эпох.

Особо ценными являются и главы, посвященные вопросам влияния на Абая творчества Лермонтова, Пушкина и Крылова. Продуктивно и убедительно изучается проблематика этого влияния по разделам переводов и непосредственных отражений их на самостоятельном творчестве Абая. Здесь автор обнаружил широкую эрудицию знатока особенностей переводов Абая и высказывает много ценных мыслей для пушкиноведения и лермонтоведения с точки зрения их плодотворных влияний на развитие одной из национальных литератур в России.

Замеченные недостатки в данной редакции диссертации указаны автору со ссылкой на отдельные страницы рукописи.

Наиболее важными из них, требующими дополнительной доработки, являются замечания относительно группы юношеских стихов Абая, пропущенных в исследовании. Работа требует редакционных сокращений по части излишних обращений к деталям биографии поэта, они разрывают исследовательскую мысль, создают досадное впечатление измельченных невесомых мотивировок автора.

В настоящей редакции не выверены тексты (оригинальные) и также имеются нежелательные факты неточных переводов на русский язык этих текстов.

Спорными являются положения автора в определении идейно-классовой сущности наследия ряда казахских поэтов, [таких] как Кудери, Ахан-сэре и т.д. Так же требуют пересмотра утверждения диссертанта относительно ценности в фольклорном стиле ряда лирических произведений и переводов Абая. Несмотря на наличие в данной редакции указанных недочетов, настоящий труд М.С. Сильченко является весьма ценным вкладом в историко-литературную науку и вполне заслуживает представления его в качестве докторской диссертации.

ОТЗЫВ О СТАТЬЕ тов. ТАЖИБАЕВА Т.Т. НА ТЕМУ “ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АБАЯ КУНАНБАЕВА”

Настоящая работа является весьма ценным, свежим и новым словом в абаеведении.

Как литературовед — исследователь жизни и деятельности поэта-классика Абая, я нахожу, что данная статья тов. Тажибаева, рассматривающая, изучающая отдельные образцы творчества Абая с точки зрения... психологии, кладет начало весьма оригинальному и важному анализу наследия великого классика с новых интересных позиций. Изучая художественно-поэтические, идейно-исторические особенности творчества Абая, мы, литературоведы, нередко упоминаем о том, что в своих сатирических стихах, посвященных степным правителям, баям, феодалам или отдельным сутяжникам, ханжам из этой же среды степных воротил, Абай обнаруживает недюжинные способности тончайшего психолога.

Но эти [наши] высказывания носили лишь эмпирический, интуитивный характер. А обращение к тому же наследию Абая представителя психологической науки, в данном случае т. Тажибаева, помогает нам, литературоведам, да и вообще всем читателям, ценителям наследия Абая осмыслить и освоить многое в более обоснованном, научно-историческом, глубоко мотивированном виде.

Исключительно ценны мысли автора статьи т. Тажибаева... построенные на анализе различных видов творческого наследия Абая. Не вдаваясь сейчас в подробности этих свежих, впервые печатно высказанных суждений, анализов конкретных произведений поэта, скажем в целом, что данная статья вполне достойна для опубликования ее в трудах КазГУ.

С.М. КИРОВ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІНІҢ ФИЛОЛОГИЯ ФАКУЛЬТЕТІНІҢ СТУДЕНТІ ЕСБАЕВ ҚҰЛМАҒАМБЕТТІҢ ДИПЛОМДЫҚ ЖҰМЫСЫ ТУРАЛЫ ПІКІР

Тақырып: “Абай поэзиясының халықтығы жайлы”.

Бұл дипломдық жұмыстың тақырыбы, мазмұны, мәні де бір диплом жұмыс көлеміне оңай сыя қоймайтын ауыр да, қиын да жайлар еді. Соған орай дипломант Есбаев ұзақ уақыт көп жұмыс істеді. Ізденіп зерттеу кезінде кейде көлемді, ұзақ түрде жазған бөлімдерін түгелімен қайта карап, тыннан өзгертіп жазуға қажыры, талабы да, орамы да жеткілікті болып көрінді.

Есбаевтың үлкен ықыласпен мейлінше табандылық көрсетіп, тырыса жазған еңбегі осы соңғы редакциясында ойдағыдай боп өте жақсы шыққан.

Алғашқы беттердегі кіріспе мен бірінші тарауда, Абайды қазақтың халық поэзиясы шамасынан биікке көтеріп, жоғарылатқан тарихтық сапалы себептер қысқа көлемде, дәл, дұрыс тексеріледі. Орыс классик поэзиясы мен жалпы демократтық халықтық бағыттағы ойшылдардың еңбектері Абайға зор пайдалы әсер еткенін дәлелді, деректі етіп, жақсы талдайды. Кейінгі бөлімдер Абайдың сатирасын, әлеуметтік-азаматтық лирикасын, көңіл-күй лирикасын, табиғат лирикасын және махаббат лирикасы мен аудармалардағы ерекше еңбектерін халықтық тұрғыдан жақсы шолып өтеді.

Тексеру, зерттеудің барлық бойында дипломант университет курсы көлемінде айтылатын, зерттелетін тың да деректі талдау-тексерудің баршасын ойдағыдай жақсы ұғынып, орынды түрде қонымды етіп пайдалана біледі.

Халықтық сипатты тек халықтық фольклор іргесінен тауып талдамай, Абайды терең, сырлы, ірі көркемдік үлгісіндегі барлық эстетикалық қазынасынан тауып қорыту – зерттеу жолындағы ең соны, ең өнімді пікір. Осы жайды Есбаев жақсы ұғынып, Абайдың тілімен де халықтық жаңа сапалы, жаңа үлгілі қасиеттер таба біледі.

Дипломдық жұмыстағы сәл ғана кемшін жай, Абай өлеңдерінің түрлерін жекелеп талдағанда, өзді-өз тұсында халықтық жайдың жеке-жеке түйіліп, қорытылып отыруы керек еді. Оның орнына бұл турадағы қорытпа пікірді Есбаев өз жұмысының соңында кеп қысқалау жазып кеткен.

Жалпы диплом жұмысының тағы бір жақсы қасиеті, жазылған тілі ұғымды, орамды, мейлінше ашық, айқын әдебиеттік зерттеу тілі болып қалыптасқан. Осы айтылған жайлардың барлығына сүйене отырып, дипломант Есбаевтың бұл жұмысын “өте жақсы” деп бағалау лайық деп білемін.

Жетекші профессор – М. ӘУЕЗОВ.

Алматы, 19 апрель 1956 жыл

ӘРХАМ ЫСҚАҚОВТЫҢ “АБАЙ ӨМІРІ” ДЕГЕН АТПЕН ЖАЗЫЛҒАН ҚОЛЖАЗБАСЫ ЖӨНІНДЕ ПІКІР

Бұл еңбекті авторы жай Абай өмірбаянына қосымша материалдар деп, бұрынғы өзі тәрізді Абай туыстарынан шығып, естегілер берген, Абайды көрген үлкенді-кішілі адамдар тәрізді жазса, бір сәрі болар еді. Мынау қолжазбаның авторы Абайдың өмірбаянын жаңадан жазбақ болады. Сөйтіп, Абайдың жақын атасы Өскембай, әкесі Құнанбайдан, шеше тегінен бастап сөз қозғайды. Өзінің жазуларын Абайдың бала шағы, жас күні, ержеткен кезі, қартайған дәуірі, ақыры өліммен аяқтайды.

Әр кезде Абайдың айналасын, кейбір тартыс жайларын баяндайды. Абайға білікті болған алыс-жақын таныстарды тереді. Туысы жақын адамдардың барлығын санап өтеді. Осымен, қорыта айтқанда, бұл жазба жай материал емес. Абай өмірбаянына берілген қосымша деректер емес, өзінше Абайдың жаңа жазылған өмір жолы болмаққа арналған. Ал еңбекті басынан аяғына дейін оқып шыққанда Ысқақов сыпаттаған өмір жолы бар Абай кім боп шығады? Бүгінгі Абайды орта мектептен вуздарға шейін оқытып түсіндіріп, жариялап жүрген қалыптасқан ғылымдық, тарихтық көзқарастармен осы еңбектің сарыны қабыса ма, жоқ па? Бұл еңбектің таптық, саналық, тарихтық арман-мүддесі нені көксеген, қалай боп шыққан? Енді соны осы еңбектің өз ішіндегі нақтылы, дәл керек фактілеріне сүйене отырып атап қана шығайық.

Сонда бірінші тақырыбымыз Құнанбай жайы болсын. Екіншісі, Абай жайы. Үшіншісі, Құнанбай тұқымдарының жайы дейік. Ең әуелі Құнанбай басына келсек, бірінші, Құнанбайдың Қодарды өлтіргенін жасырады. Екінші, Борсақтың жерін тартып алғанын атамайды. Үшінші, Құнанбайдың Бөжейді сабағанын, Тоқмамбетке шабуыл жасағанын бүркемелейді. Төртінші, Мұсақұлда Бөжейдің көшіне

шауып, төбелес жасағанын жеңілдетеді, Жігітектің он жеті кісісін айдатқан Құнанбай емес, Тәкежан болады және айдалу себебі Жігітектің өз кінәсінен деп баяндалады. Бесінші, Құнанбайдың пара алатыны, оны Шөже, Сүйіндіктер өлеңмен әшкерелегені жасырылады. Алтыншы, Абаймен арасында түк қайшылық болмағандай, тілмен жалағандай, жамау-жасқау жасайды. Абайды Құнанбайдың “орысшылсың” деп кінәлағаны да сиырқұйымшақталып, жоққа сайып кетеді.

Осының бөрінің орайына Құнанбайды “медресе салған” деп көтермек болады. Онысы ауылда сол замандағы барлық бай, билердей, жуан феодалдардай дін сабағын оқытатын молданы қолына ұстағаны.

Сөйтіп, Құнанбай дәріптеледі. Ал шынында Абай өзінің ақындық, азаматтық, тарихтық жаңа жолын тапқанда алысумен тапқан. Сондағы оның алдында тұрған тарихи қайшылықтың ең үлкені құнанбайлықтың жиын бейнесі болатын. Құнанбайдың зорлықшылдығын, көпке істеген қиянатын “оның өзі істеген жоқ. Майбасар істеді” деп жалтарту тарихи зерттеуші ойды теріске, жаңсақ жолға салудың ниетінен туған. Сол арқылы Құнанбайды арғы-бергі заманда Тобықты ішінде “жарықтық” деп, “қажеке” деп, “мырза” деп дәріптеп келген қаз-қалпы шыға келеді. Көп феодалдың, рубасының және соларға атасын дәріптетіп келген Құнанбай тұқымының бергі кездегі атқамінер, жуандарының ауыздарындағы сөздер, ұғым-нанымдар көрінекке шығады. Қысқасы, үстем таптық, феодалдық-патриархалдық салт-сана түгелімен Ысқақов аузымен қайталанып отыр (қолжазбаның өзіне жазған нақтылы беттердегі пікірлерге қараңыз).

Екінші, Абай жайына келсек: онда толып жатқан ерсілік, қайшылық, өрескелдік Абайдың бейнесін бүгінгі нәсілге жат етпесе, дос етпейді. Есі кіргеннен бастап Абай Құнанбайдың қосымша сойыл соғары, бөрінің бөлтірігі бола береді. Есейген кезінде Құнанбайдың бар жуандығын, күдіретін, рубасылық беделін Абай өз қолына жиып алады. Құнанбай тұғырдан тайған соң, ендігі құнанбайлықты ұстайтын Абай болып шығады,

Мұның сол кезде кіммен достасқаны, кіммен құдалықтар жасағанын алсақ, бұл шақта да Абайдың кедейден, жылаған жандардан жақыны болғаны көрінбейді. Қайта ол қаланың байымен, елдің толып жатқан жандарымен қым-қуыт

араластан басқа ел-жұртты көрмейді. Оның жас шағында Тоғжанға ұшырасуы қазақы, дөрекі түрде айтыла салады. Ол да бұрынғы атқамінер ортасының аузында жүретін жеңіл сөздің бірі бола алады. Әсіресе үлкен пошлость, сорақы әңгіме Әйгерім айналасына құрылады. Абай онымен жақын болып, Әйгерім екіқабат болып қалып, оны айттырып отырған жері тастап кетіп, сондайдан соң барып Абай алуға міндеткер боп қалғандай баяндалады.

Абайдың Еркежанды алғанын соншалықты тамсанып тұрып, нашалана созып әңгіме етеді. Онда Абайға масқаралық, қорлық деп саналатын жала жабылады. Абайдың өзінен туған бала Ақылбай Еркежанды тоқал етіп алмақ боп жүреді. Сол жәй көпке мәлім болады. Бірақ туған баласының аламын деген жесірін әкесі Абай өзі алады. Сонда Ысқақов Абайды қайда апарып қойды? Бұл Достоевскийдің романындағы “Әке Карамазов-Федордың бала Карамазов-Дмитрийден Грушеньканы” тартып алғанынан қанша артық боп шығады? Ал Достоевскийдің Карамазовтары болса, осы мінездерімен әлем жүзіне әйгіленген, масқара сорақылар емес ие еді? “Мораль жүзіндегі қылмыстылар” деп таңбаланбап па еді? Абайды осылай қорлық халге апара әңгімелеп отырған Ысқақов Әрхам сол Абайдың тірі кезіндегі оның ең үлкен жауы болған және бауырынан шыққан жыландай жауы болған көп Құнанбаевтардың сұмдық жаласының бірі емес пе?

Абай жөнінде жазылған өмірбаянның ішінде ақын Абай мүлде жоқ деуге болады. Егер ақын Абайдың өзі қалдырған өлең сөздеріне сүйеніп отырса, ақынның бар өмірі жақыннан да, жырақтан да шыққан надан жауыздармен алысумен өткенін анық көрмеске болмас еді.

Бірақ мынау автор ол жақтың бәрін жауып қояды. Абайдың “жалғыз болдым, жылап өттім. Жауыздықпен бітімсіз алысып өттім” деп жырлайтын жан сырының, аршынының бәрін Ысқақов жинап сыпырып қойған. Сөйтіп тұрып Құнанбайлар, кейінгі екінші Құнанбай Абайдың өзі болып, өзге рубасыларымен сол рубасының бірі есебінде жағаласады. Бұл ретте Құнанбай тұқымының бар бала, бауыр, жақындарының бәрі де Абайдың қолтығында, қойын-қонышында жүреді. Олардың ешқайсысымен, бастығы Құнанбайдың өзімен болған Абай басының араздығы, қарсылығы, бар тартысы көрінбейді. Бұлардың көбі шетінен Абайдың досы, қанат-құйрығы болады.

Әрхам жазған еңбекте Абайдың кедейден, зорлық көрген еңбек адамынан тапқан тұрақты досының көрнекті боп аталған ешқайсысы да жоқ.

Ендігі бір мол өрескел жайлар: осы еңбекте Құнанбай тұқымының шежіресі басым болуында. Жиыны жеті баспа табақтай қолжазбаның ішінде Өскембайдың бар өрен-жараны аталып өтеді. Құнанбайдан тараған өрен-жаранның бәрі саналады. Құнанбайдың өзі мен балаларының (тарих үшін аталуға да тұрмайтын), бауырларының барлығы кімдермен құда болғаны тегіс теріледі. Әрбір бала, немерешөберелерден туған ұл-қыздардың аты-жөндері аталады. Көбінше сол құнанбайшықтардың бәрі де жаман емес, жақсы адамдар боп, әр алуан үлкенді-кішілі сипаттарымен жақтала мақталып, ауызға алынады.

Бұл тұста және де осы күнде әр жерде шашырап азып-тозып қалған Құнанбай тұқымының, бұрынғы өлгендерінің бәрін ендігі қазақ баласына мадақтап, бұрынғы “күпілдек мақтан” есебінде ардақталғаны көрінеді. Мұнда да феодалдық салт-сана “мен мұндалап”, одағайлап тұрғанын тану қиын емес. Тағы бір жерде Кенесарының жайын Көкбайға Абай тапсырып, жыр жаз деп айтты дейді. Бұл Көкбайдың өзі таратқан сөз. Абайдың өз жазбасынан, не ауызша әңгімесінен мәлім болған жәй емес болатын. Соны зерттей келе, Абайды тану ғылымын жасаушы жұртшылық бұл жөндегі бұрын болып келген қателіктерді түзеткен еді.

Ал Ысқақов тағы да Абай үшін керексіз, зиянды сол бір сөзді қайта сүйретіп әкеліп отыр.

Қысқасын айтқанда, бұл еңбек Абайдың өмірі деп аталса, сол тақырыбын ақтай алмаған, көп-көп беттерінде теріске мезгеп кеткен көп қателікке толған еңбек. Ішінен іліп алар жайлар болса, Абайдың інісі Халиолланың жайындағы сияқты кейбір деректер. Онда да Халиоллаға Омбыда кадетский корпусқа жүргенде Шоқан ақыл айтып, көмек берген деген құр долбар, мүлде дерексіз жайлар бар. Халиолла 1848 жылы туған. Ол мұсылманша оқып, орысша кадетский корпусқа түсерліктей өзiрлік бiлiм алып, Омбыға барып жеткен шақтар 1861–1862 жылдар болады. Сонда ол тек 14-15-тегі бала. Ал Шоқан бұл жылдарда кадетский корпус маңында да, Омбыдан да аулақта жүрген.

Жалпы алғанда, [...] бір үзінді материал етіп, Құнанбай тұсының кей мәліметтерін, Абай өмірінің кейбір фактілерін және Кәкітай сияқты адамның біраз естегілерін теріп-теріп алуға болады. Сол материалдың шамасы екі-үш баспа табақтан артық болар деп сену қиын. Оларды да тек өмірлік фактілер, нақтылы деректер есебінде ғана алу керек.

Ал жалпы бұл кітап осы қалпында жоғарыдағы аталған: идеялық, тарихтық, таптық тұрғыларынан қарағанда, өте мол кемшіліктері, қателері бар еңбек болғандықтан, баспаға ұсынуға жарамайды.

Қосымша айтатын бір жайым: мен Абай жөніндегі романдар авторы есебінде бұл қолжазбадан сол романдарыма келерлік зәердей зарар, нұсқан көргенім жоқ. Роман “Абайға” бұл қолжазба сөздерінің келтірер залалы жоқ. Бірақ ақын Абайға, дәл ұлы Абайдың өз басына анық үлкен залал келтірерлік жазбаның бірі осы деймін. Абайды Құнанбайдың Абайы, Тобықтының Абайы, сәл ғана либеральдығы бар феодал Абай етіп көрсетеді.

Ең соңғы бір-екі сөз қолжазбаға 1957 жылдарда жағымды баға берген екі жолдас жөнінде. Олар – Есмағамбет Ысмайылов пен Ханғали Сүйіншәлиев. Бұл жолдастардың екеуі де Ысқақовтың қолжазбасын аса үстірт аңқаулықпен және сонан да ары асқан жауапсыздықпен текке дәріптеген. Бұл жайға жеке дәлел айтудың керегі жоқ. Осы еңбектің жоғарыда аталған, бадырайып тұрған талай міндерін, терістіктерін сол жолдастардың танымағанына таң қаласың, қарның да ашады.

4 октябрь 1960 жыл

“АБАЙ ЖОЛЫ” ЭПОПЕЯСЫНЫҢ ЖАЗЫЛУ ТАРИХЫНАН

К БЕСЕДЕ (О РОМАНЕ “АБАЙ”) (“АБАЙ” РОМАНЫ ТУРАЛЫ ӘҢГІМЕГЕ)

1. Роман — две части, теперь справедливо воспринимался как одна книга.

2. Формирование личности, становление поэта — задача двух книг.

3. Роман и исследование, есть ли принципиальная разница? Нет. Познавательны. Дополняют друг друга взаимно, но по-разному.

4. Исходя из этих задач роман должен быть каким? Биографическим или романом о творческой личности?

5. Биография его не ясна — это раз. Второе — не важен его точный путь, календарный со всеми годами, деталями. Это ли делает ценным Абая для нас? Он ценен творениями. Он ценен не биографией в целом, а тем, что звучит для нас, для грядущего в его биографии.

6. Значит, всю биографию писать не надо. Значит, это не биографический роман.

7. Нужен роман о творческой личности... Два их вида — на Западе и у нас. Это жанр новый.

8. Советский роман — [это] роман о творческой личности, — в этом смысл.

9. Гоняюсь ли за нарочитым сюжетом, картиной? Нет... Не нужно искусственных приемов. Близок путям русской литературы — классической, современной.

10. О первой книге немного — по части ее критики. Критерии. Выход к русскому читателю. На русском: “Новый мир”, № 2 — 48 г. “Звезда”, № 9 — 46 г. “Новый мир” — за 46 г. “Литгазета”, “Известия”, “Большевик Казахстана”, “Со[ветский] Казахстан”.

11. Абай рос медленно – нельзя перестроить жизнь его. Отбирать из его [жизни] факты только можем.
12. Русская культура, классовое сознание.

Вторая книга

...Жизнь народа – процессе распада феодализма... и русская культура. На это нацелена вся книга... не хотел давать разменно, в первой.

12. Вторая книга – две линии (екі линия бойында да ақын көрінеді. Қияспай, Айгерім), общественное – личное, как поэтически личное...

14. Линия Кияспая Даркембая до конца книги...

15. Линия вторая тоже.

16. И они переплетаются, Оралбай, Амир, Абай – это проявление борьбы против устоев феодализма.

17. Стихи Абая. Творческая психология... Много стихов о любви. Татьяна – утверждение независимого, свободного чувства. Это был тоже акт общ[ественной]борьбы.

18. Входило в эстетику Абая, часть его программы.

Личная любовь. Тогжан, Айгерим.

19. [Кияспай, Базаралы... джатаки].

20. Борьба за них, против феодалов – прогрессивно. Значит, он слил свою судьбу с будущим, с теми, кому принадлежит будущее. И так до конца романа...

21. Русские – не только Пушкин – Лермонтов, но эстетика Черн[ышевского], Добролюбова, Салтыкова-Щедрина.

22. Конец жизни – другой роман. Будет разочарование.

23. Пять романов...

К ВЫСТУПЛЕНИЮ О РОМАНЕ

1. Роман об Абае как об истор[ической] личности переходит из личности самого Абая.

2. Как оценивается сейчас (Фадеев...)? Как воспринимает наше поколение Абая?

3. Правда, это не Амангельды... И среда его — среда социальных верхов. Но он пришел к народу... Его жизненный путь, борьба и судьба его — есть путь, запечатленный в его творчестве...

4. Мы пишем роман о творческой личности, а не биографич[еский] роман... Это новый жанр.

6. Какими материалами я располагаю? Мало биографич[еских]данных... Нет письменных источников.

7. Метод моего творчества — метод социалистич[еского] реализма... Диалектическое отрицание, отец и сын — два поколения. Это смена исторических перспектив.

8. Правда, классовая борьба в феодальном обществе. Феодальный гнет среди родов. Убийство Кодара — джут... одна цель. Это изболитительная линия романа. Осуждение реакционных феодальных устоев прошлого. Отрицает это Абай.

9. Становление нового через него... Пробуждение соц[иально]го классового сознания... Поиски путей для народа. Ориентация на русскую культуру.

10. Это в первой книге дано как начало... нового, не сказанного в нац[иональной] лит[ератур]е времени...

11. Упреки... Идеализация — ошибка. Увлечение показом быта байского аула — правильно. Абай еще недостаточно показан — неправильно — он в этом возрасте только так должен быть показан. Он поэт-борец... накапливает для будущего все впечат[ления]. Отсюда роман психологичен. Здесь вопрос психологии творчества... И все, что способствует обогащению его эмоциональной природы, важно в ближайшей и дальней перспективе романа.

Вторая книга

1. Ее главы.
2. Что учтено из критики?
3. Чем заканчивается?
4. Главная цель – духовное, интеллектуальное обогащение Абая – и через него всей культуры каз[ахского] народа – благодатное приобщение к русск[ой] культуре...

Второе – тема дружбы наших народов... Из прошлого народов это то, что живет, действует и сегодня...

Дорога память о тех, кто соединил духовное оружие народов в прошлом. Тема об Абае и прошлое, и настоящее (Абовян, Хетагуров, Ахундов).

5. Тема дружбы советских народов – моя коренная тема и сейчас... “Толеген”, “Асыл нәсілдер”... Здесь же выход из замкнутой темы – казахи пишут о казахах...

К лекции об “Абае” и “Пути Абая”

1. Несколько слов об общих чертах, идеях и задачах романов... об авторском задании.

2. Роман исторический, но о творческой личности.

3. Как историч[еский] роман[он] отражает эпоху, повествует о народе... Освещает соц[иально]-экономич[еские] условия той эпохи с позиции нашего матер[иалистического], марксистско-ленинского понимания всякого историч[еского] процесса.

4. Но это отражение. жизни народа через данного деятеля имеет свою специфику, огромное своеобразие. Это не госуд[арственный] деятель типа Петра... преобразователя и не борец типа Разина, Пугачева...

5. Истори[я] народа, эпох[а] и все передовое и реакционное в жизни народа должн[ы] быть [через] него изображен[ы] в особом плане...

6. Изображать идеи, действительность реальной жизни – через него... через его чувства, мысли и дела. А затем, главным образом, через дела – его творчество.

7. Психология творчества.

8. Знающий творчество Абая должен узнавать из романа биографич[еские], жизненные исторические события его среды, эпохи и т.д.

9. Должен в этом же ряду указать опять как на общие для всех книг черты, [так и] на особенности материала и на условия их собирания, изучения и использования мною.

10. Нет записанного...

11. Воспоминания... потускневшие... противоречия... множество вариантов... Друзья-недрузи... лицо Айгерим...

I том

[1]. Действительный материал. Роды, люди, урочища. О детстве Абая — учился... отрывочные воспоминания, очень скудные... 13 лет... взято... от детства к отрочеству... Пуля в сердце... [рана] на всю жизнь... Бабушка — воспоминания Абая... мать... полигамная семья, их гуманизм из отрицания законов, насилия Кунанбая, тип — прототипы. Кунанбай... легенда о Кодаре... Мое раскрытие, развенчание легенды... Первые поручения Абаю, спорит внутренне...

2. Вначале он видит, слушает, чувствует, мыслит наедине... разрывает[ся] [в противоречиях], протест...

3. Личная жизнь, любовь к Тогжан... Сватовство... Дильда, воспоминан[ие]. На м[огил]е Камчат это было...

4. Вражда с жигитеками, было избиение Божея, я связал с казнью Кодара...

5. Джуты... не точно, но бывали...

6. Спор с отцом в эти годы... Здесь Абай раскрылся в основном...

7. В целом [том] I — книга формирования личности, II — становление поэта, III — путь ставшего.

8. В первой больше романтики отрочества и ранней юности, добро и зло резче ощущаются в[контрастах]. Родина, аул, быт аула — все ему представляется романтично... но постепенно раскрываются глаза... однако до критики всего он еще не дорос... Другое во II книге...

Вторая книга романа

Главы: 1. Перед бродом — Айгерим. 2. На джайляу — Оралбай. 3. Взгорьями — жатаки. 4. По рытвинам — Амир, Кунанбай. 5. На перевале — буран — Тогжан, Михайлов, дети, учеба, жатаки. 6. На распутье — Балкибек, враги Абая —

родные, бывш[ие] друзья. 7. На вершине – Татьяна – день с Пушкиным. Эпилог – песня в народ.

1. Роман в этой части – роман о становлении поэта. Это длительный процесс. Данный положительный герой взят в движении, он растет, меняется...

2. Процесс двухсторонний: [Абай] растет, меняется как личность, растет, меняется как поэт...

3. Название глав – [обобщенно] воспроизводит этот процесс движения, изменений. Образная аналогия взята географически, касательно рельефа, пейзажа...

4. Как во всей книге, так и в каждой главе опять даются жизненные, реалистические основы, жизненные истоки его творчества. Есть биографически точные и дополненные воображением.

5. Эти жизненные предпосылки распадаются на факты: 1) строго личные, интимные; 2) на семейные; 3) на общественные... 4) на народные, иначе, исторические события...

6. Часто они же даются в переплетении, как и должно быть в любом произведении, и в реалистическом романе... Пример первой главы Кунанбай, Абай и тут же Даркембай, Кияспай – “Я в долгу...” семейные, общественные и исторические...

7. В первой же главе интимно – свои мечты, своя тоска о Тогжан переходит в семейное... Дальше переходит к встрече с Айгерим... Здесь дана индивидуальная психология поэта в моем условном понимании ее у Абая... Сон, песня... рядом песня, что услышана во сне... там пела Тогжан, а здесь поет девушка ту же песню, и была очень похожа на Тогжан... Происходит смятение. Усталость в пути... неровный сон. Здесь нет мистики... и в этом смятении воспаленной душ[и] [воспламененной души] Абай принимает решение... жениться. В этом же смятении он творит – личные, семейные, общественно-исторические [дела].

8. Много любовных песен у Абая... Здесь даны их жизненные истоки. Но “Жарк етпес” особого значения... В моем понимании такая песня “Исповедь” может быть сказана не вообще... а конкретно обращена к своему постоянному и одному адресату... Это, по-моему, к той, к которой на всю жизнь сбережена, и через всю жизнь про[несена] большая любовь, любовь с такой чистой правдой и жертвенност[ью]...

9. “На джайлау” – Оралбай, песня – это не любованье – это островок среди темного моря мутных вод... Это молодежь – как возможность эпохи, народа... талантлива, увлечена искусством... Абай и Биржан – тому причина, раскрываясь для песен, искусства – их души раскрылись и для любви... Но это дано в возможности, а не в проявлении ее. И они гибнут, как нетронутый цветок под холодным дуновением смерти...

Это все также истоки песен Абая... Дальше “Взгорьями” жатаки... народ... за него... в столкновении со степными воротилами и царскими сатрапами.

10. Психологически подготовлен Абай через личные страдания людей на протест против степных волчьих законов. А тут народ... жатаки, и он несет знамя борьбы на время... О зле волостных, чиновников, баев, о страдании бедноты – опять истоки его стихов. Песни протеста социального, песни осуждения, борьбы.

11. “По рытвинам” – об Амуре, Кунанбае... Возврат к личному конфликту с отцом против законов... за законы... обновления – здесь и семейное, и личное, и исторически обществен[ное]...

12. Конец охоты, встреча с Тогжан – личное горе... на охоте стихи... Зерно стиха.

13. “На перевале” – Михайлов, дети, учеба, жатаки. – Светлое, программное... Истоки оптимистического, зовущего вперед...

14. “На распутье” – Балкибек – враги, из родных и бывш[их] друзей. Салиха – стихи, стихи о волостных.

15. “На вершине” – Пушкин, Татьяна... Молодежь... Она была, но это не ученики... Моя ошибка, справедливая критика...

16. Эпилог – образ корабль.

“Путь Абая”

1. “Абай-ага”. 2. “Мечь”. 3. “Черные сборы” – Абиш.
4. “Горечь” – Оспан – Оразбай. 5. “Схватка” – жатаки.
6. “В кольце” – наследство, губернатор...

1. Общая идея данного романа определяется идеей всей серии романов – через Абая показать полувековую жизнь

казахс[кого] народа, показать через передовое и через его борьбу со всем косным, реакционным...

2. Потому в романе этом выделены не частные стороны жизни Абая, а отобрано соц[иально]-значительное – связь с народом, борьба за народ, столкновения его с насильниками народа...

3. Тут главным образом он сталкивается со своими родными, бывшими друзьями [из] феодал[альной] среды. Отсюда его отход от своего класса.

4. В романе еще одна линия имеет особое значение. Это о тех новых передовых силах, которые приходят [на] помощь Абаю. Базаралы – определенно выросший из народа, Даркембай – классово-непримиримый с феодалами. Абиш – воплощение всего нового – даже в сравнении с самим Абаем... Русские люди: Павлов и крестьяне-переселенцы тоже новое, небывалое в истории степи...

5. С другой стороны, силы реакции, консервативного тоже выступают объединенно. В начале романа Оразбай и Такежан... а в конце они сошлись... Уездный Казанцев – губернатор... Ласовский...

6. Первая глава “Абай-ага” – поэты – это не ученики, а среда – мою ошибку поправила общественность. Идиллия... но суровое испытание Абаем Дармена...

7. Абай и бедный аул – там Иса...

8. Абай – отношение к мусульманству, он мыслитель.

КАК Я РАБОТАЛ НАД РОМАНОМ “АБАЙ”

Моя работа над романом “Абай” продолжалась довольно долго. Художественному воспроизведению образа поэта-просветителя Абая Кунанбаева предшествовала длительная работа по собиранию материалов о его жизни и деятельности. Кроме того, я внимательно знакомился с опытом создания исторического романа в советской и мировой литературе и особенно романа о творческой личности.

Я учитывал требования нашей критики к такого рода произведениям: воспроизводя жизнь и деятельность того или иного поэта или писателя, не следует ограничивать круг идей своего романа только личностью героя. Надо также отражать эпоху и народ в его исторических устремлениях в грядущее.

Мне хочется рассказать о своем, несколько необычном методе создания своего произведения. Дело в том, что я начал писать роман не с первой главы, в которой моему герою только тринадцать лет, а с последней главы второй книги романа, когда моему герою уже сорок два — сорок три года. Эту главу я написал в 1937 году к столетию со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина. Глава была опубликована на казахском и русском языках, называлась она “Как запела Татьяна в степи”. Речь шла о пушкинской Татьяне Лариной.

Почему еще тогда, двенадцать лет тому назад, имея разработанный план своего романа, я начал с последней главы? Потому, что эта глава полнее и конкретнее раскрывала основную идею романа и образ моего героя, казахского классика Абая Кунанбаева. Главной исторической заслугой жизни и деятельности Абая явилось стремление к скорейшему приобщению казахского народа к передовой демократической и революционной культуре великого русского народа.

В наиболее тонком социально-историческом определении путей развития народов бывших окраин царской России

мне помогли труды Ленина по национальному вопросу. Я пользовался также историческими исследованиями казахских историков, осветивших прошлое Казахстана в свете марксистско-ленинского понимания исторических процессов.

Только после этой предварительной работы я начал писать роман в хронологической последовательности.

Романом “Абай” не исчерпывается вся тема творческой деятельности казахского классика. Сейчас я пишу новую книгу о последнем периоде жизни моего героя. Здесь Абай выступает как признанный поэт-мыслитель, глава новой, созданной им школы поэтов. Представители этой школы, как и ее глава, в своем творчестве обращаются к культуре русских классиков, учатся у них мастерству и создают произведения, идейно и художественно совершенно новые в истории казахской литературы.

Эта книга является самостоятельным произведением о последнем, наиболее плодотворном периоде деятельности великого человека, верно понявшего историю развития своего народа, человека, прокладывавшего первую тропу к великим наследиям русской культуры.

Абай был одним из тех великих поэтов, которые, по определению Белинского, создавали бессмертные произведения о своей эпохе, а своими идеалами и устремлениями уходили в будущее. Этим будущим для Абая стала ленинская эпоха раскрепощения и великого возрождения народов. Абай глубоко созвуч[ен] нашей эпохе, понят[ен] и близ[ок] нашим поколениям, то есть [показать] таким, как он есть в своих бессмертных творениях, — самая благородная и ответственная задача моего творческого обращения к его личности.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ “ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ”

...Основное русло моих творческих устремлений за минувшее десятилетие и на ближайшие годы определилось моими романами о столетнем периоде жизни казахского народа. Полвека дореволюционного прошлого из этой истории я связываю с именем поэта-классика Абая. Через его личность и общественные идеалы, через длительную его борьбу со старым миром и судьбу его я стремлюсь образно выразить глубоко ответственный процесс переосмысления истории своего народа с позиций социализма. Изображая процесс постепенного роста Абая от 13-летнего отзывчивого и чуткого к чужому горю мальчика до мыслителя-поэта и борца за счастливое грядущее своего народа, в союзе со всем передовым и великим в России, я пересматриваю множество сложнейших социальных явлений патриархально-феодальной идеологии, законы старого быта, религиозные исламистские установления, реакционные позиции национализма и многое другое. В этом смысле я не только пересматриваю свои прежние ошибочные позиции, но вместе с Абаем, как зорким духовным оком народа, осуждаю все косное, отсталое, реакционное в политических, бытовых, идеологических воззрениях различных слоев казахского общества за полвека. Этому длительному полувековому периоду и посвящены два романа “Абай” и “Путь Абая”. Каждая из этих книг состоит из двух томов. В текущем году [я] заканчиваю вторую книгу “Путь Абая” и тем завершаю дореволюционный цикл.

А дальше перехожу к новому циклу из четырех романов, посвященных истории казахского народа в эпоху социализма. Общность с Абаем здесь будет выражена в эпичности биографии, судеб героев. Мальчик-подпасок байского стада в начале революции в первой книге становится выдающимся деятелем науки в четвертой книге. Девочка-

рабыня становится известным политическим деятелем. Молодой рабочий-шахтер становится крупным инженером-строителем, академиком и т. д.

В судьбе этих героев я хочу отразить становление казахской социалистической нации, отразить исторический путь казахского народа... путь от азиатского средневековья до преддверия коммунизма, путь, совершаемый за полувековую или сорокалетнюю жизнь людей одного поколения. Абай — поэт и великий сын своего народа — будет незримо, но явственно [и] ощутимо жить с этими новыми людьми его народа, к которым он обращал слово приветов из своего безвременья.

И живой связью от века Абая к нашим дням, по всем четырем книгам романов о советском периоде пройдет стареющий, но юный душой акын народа Дармен, любимый младший друг Абая, одареннейший поэт его воспитания. Унаследовав [после] смерти Абая его песни, он пронесет их через години мрака до революции, до советского народа. Постепенно из романа в роман он будет расти в великого народного певца побед и славы [его] эпохи.

Таким образом, Дармен, девяностолетний старик, завершит последние страницы последнего романа о столетней жизни казахского народа величественным[и] песням[и], утвержд[ающими] незыблемо[е] счастье[е] братских народов Союза после победы в Великой Отечественной войне.

Романы о прошлом, начатые повешением бедняка Кодара на горбе верблюда, совершенным по воле отца Абая, завершают[ся] в первом цикле принятием поэтического наследия Абая поэтом Дарменом (племянником безвинно казненного Кодара). А второй цикл романов заканчивает песня всенародного счастья, песня, в которой Абай, как и все гении братских народов Союза, будет жить бессмертным, высокочтимым предшественником... из минувшего, и весь столетний цикл будет отражать стержневую линию романов о песне-поэзии, рождающейся и растущей для высоких народных идеалов.

Сейчас на переходном моменте от первого цикла к второму, работая над вторым томом “Путь Абая”, я разрабатываю образ одной из героинь будущих романов, казахской женщины, проходящей от начала революции до наших дней огромный исторический путь от дикости

степного патриархально-феодалного быта до партийного деятеля, ученого, разоблачающего буржуазный национализм в исторической науке в наши дни. Ее большая судьба естественно будет переплетаться со многими важнейшими этапными событиями в Казахстане. Как творческую разведку, пробу на эпическую биографию героев нашей революционной истории я беру пока в основном лишь ее жизнь. А в цикле романов эта героиня будет участвовать в числе других героев разных возрастов и различной социальной среды.

Таковы мои дела и замыслы, определяющие основную сущность моей творческой жизни, магистральную линию моих жизненных задач...

**Баяндамалар,
пікірләр, сөздәр**

ЖОЛДАСТАР!

Біз бүгін социалистік Қазақстанның тарихындағы анық толық бақыттай ұлы жеңіс тойын тойлап отырмыз. Қазақстан енді өз атына адамзаттың данасы ұлы Ленин атын қосып, Ленин атындағы бәйгесін, қасиетті орденін қосып атайтын болады. Бұл мереке жалғыз Қазақстанның өзінің ғана тойы емес, барлық ұлы Отанымыздың тойы! Рас, бұл той егіс табыс мерекесі екені даусыз! Бірақ сонымен бірге біз осы мерекені “жеңістің тойы”, “достық жеңісінің тойы” дер едік!

Себебі Қазақстанның кең-байтақ егіс далаларында өткен 1956 жылдың жазында еңбек еткен көп ұлтты туысқан мыңдар, жүз мыңдар өздерінің шаруа жөніндегі жеңісін ғана танытқан жоқ. Солардың қажырлы қайратымен, алып арманымен, солардың қосыла соққан қан тамырларымен, жүрек шындығымен қатар тағы бір жеңістің туы көтерілді, шындығы әйгіленді әлемге! Міне, осы шындықтың аты — лениндік социалистік достық болатын. Сол себепті де бүгінгі мерекені Ұлы Октябрь тудырған халықтар достығының жеңісі дейміз!

Біздің өлкеміз бен көпшілік халқымыз европалық орта ғасыр емес, тіпті азиялық орта ғасырдан келген еді. Сол шындықтардан шыға тұра біз бүгін дүниежүзі тарихында адамзаттың алдыңғы саптағы жарқын қатарына қасқая шықтық дей аламыз.

Осыны еске ала отырып, біз ең үлкен алғыс, ұлы алғысты Ленин партиясына, социалистік Отанға айтамыз! Жаңағыдай жырақтан, жапан түзден бүгінгідей аспанға, асқарға шығарған көмектері үшін алғыс жолдаймыз! Бұл жайға, бұл жеңіске, әрине, біз ғана, жалғыз ғана жеткеміз жоқ! Біздей басқа талай туысқан елдерді — бөрімізді шынайы шың басындай шырқаған биік асқар басына шығарған біздің ұлы құрылыс, біздің система.

Лениндік ұлы социалистік құрылыс бізді осыған жеткізді. Тағы да бір шындық бар, әрине, қуаныш егіс майданының ерлерінікі екені рас, бірақ халық даналығы:

“әрдайым қуанышың көптің қуанышы болсын” дейді. Бүгінгі ауылшаруашылық ерлерінің қуаныш мерекесі анық сондай қуаныш! Сол себепті біз, мысалы, Қазақстанның бар сала майдандарында еңбек тірлік ететін советтік социалистік интеллигенция, сіздермен қоса бар жүрек бейілімізбен мақтана қуанысамыз! Сан мыңдаған оқытушылар, мыңдаған мол мамандар, дәрігерлер, инженерлер, қастарыңыздағы достарыңыз Қазақстан ғалымдары боп тегіс қуанамыз. Сондай және де салт-сана майданындағы, мол мәдениет майданындағы жазушылар, көркемөнер қайраткерлері, журналистер – бәр-бәріміз және де сіздермен қоса қуанысамыз!

Және де айтатынымыз, баса айтатынымыз, біз қуанып қана қоймаймыз! Барлық жүрек ыстық шындығымен, ақыл, білім парасатымен, бойда қайрат, ойда жігермен сіздердің қатарыңызда жүріп, қастарыңызда болып көмектесеміз! Күштеріңе күш, білектеріңе білек қосамыз дейміз! Әрқайсымыз өз еңбектерімізбен солай етпек ойды арман етеміз!

Қадірлі дос комбайншы! Сіздердің еңбегіңізге тең еңбек тудыруды серт етеміз!

Сүйікті дос тракторшы! Сіздердің бейнелеріңіз біздің еңбектерімізде өзінің достық тұлғасын, сәулесін тапсын дейміз!

Қымбатты дос механизатор! Қадірлі, қажырлы дос директор! Жігерлі, саналы дос райком секретары, райсовет бастықтары! Биылғы сіздерше табысқа жетуді серт етеміз! Осыны біз, Қазақстандағы барлық интеллигенция атынан, сүйікті ұлы басшымыз, айнымас асыл досымыз ұлы Ленин партиясына серт етеміз! Ұлы совет халқына серт етеміз. Алтын Отан, саған серт етеміз!

Жасасын Қазақстанның жеңімпаз ауылшаруа қайраткерлері!

Жасасын барлық еңбек табысымыздың басқарушы, басшысы туған Совет үкіметі!

Жасасын Отанымыздың қадірлі де сүйікті, айнымас қарт қайраткері, партия мен үкіметтің көрнекті басшысының бірі, ұлы Лениннің серігі жолдас Климент Ефремович Ворошилов!

Жасасын бәріміздің дана досымыз, қамқор ұстазымыз ұлы Ленин партиясы!

Мұхтар Әуезов
1957, 12/1

ЗНАМЯ МИРА – ВЕЛИЧАЙШЕЕ ЗНАМЯ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ

Товарищи!

Советский Комитет защиты мира принял на своем последнем пленуме новое историческое решение о проведении в апреле месяце в масштабе всей нашей Родины кампании по сбору подписей под Обращением Всемирного Совета Мира против нарастающей угрозы атомной войны.

Ныне ясно для всего человечества, какую безудержную кампанию ведут хищники мирового империализма, агрессоры Америки, Англии и Франции в пользу атомного оружия, за его широкое применение. Не секрет уже и то, что разрабатываются и конкретные планы применения оружия массового истребления. Не только обнаглевшие отдельные кретины из числа генералов, адмиралов или сенаторов лагеря агрессоров, но и президенты, возглавляющие государства, типа Эйзенхауэра, говорят об усилении, расширении производства ядерного оружия для сухопутных, морских и военно-воздушных сил своего государства. Потенциальные преступники и садисты, они стремятся при том одурманить мировое общественное сознание, чтобы оно согласилось с допустимостью и даже неизбежностью атомной войны. Хотят убедить людей в том, что она, эта война, даже может быть законной. Вот перед каким зловещим и очевидным фактом становится лицом к лицу миролюбивое человечество наших дней. Вот с каким чудовищным преступным замыслом, злокозненным заговором лютых врагов мира приходится вести открытую, честную последовательную борьбу народам мира.

А мы не раз уже были свидетелями великого и высокого, могучего и светлого порыва духа народов, когда возмущенная совесть народов клеймила позором поджигателей войны и сотнями миллионов своих воль, своих подписей объявляла свое осуждение, презрение и запрет преступным затеям зар-

вавшихся врагов человечества. Вот и сейчас также мы видим, как нависающая угроза атомной войны вызвала всенарастающую бдительность народов. Свидетелем тому – факты и события, выражающие собою могучую волю народов. Вспомним в этом порядке состоявшееся в Вене 17–19 января расширенное заседание бюро Всемирного Совета Мира. В нем приняли участие выдающиеся представители 30 стран Европы, Азии, Америки, Африки и Австралии. Там же приняли активное участие посланцы многих крупнейших международных организаций, как: Всемирной федерации профсоюзов, Международной демократической федерации женщин, Всемирной федерации демократической молодежи, Международной федерации борцов сопротивления, жертв и узников фашизма и т.д. Там Англию представлял Притт¹, Канаду – Эндикотт², Италию – Эмилио Серени³, Францию – Астье де ля Вижери⁴, Японию – профессор Каору Ясуи⁵, Китай – Го-Мо-Жо⁶, там же выступили представители миролюбивых миллионов Индии, Индонезии, стран Латинской Америки, Польши, Чехословакии, Норвегии, ГДР, Бельгии, Австрии, Ливана и многих других стран. Все эти виднейшие деятели, борцы за мир, как вам известно, являются людьми самых различных политических воззрений, религиозных моральных убеждений и устоев, они представляют собой столь же различные профессии, социальные слои, классы общества. Но несмотря на эти свои различия они заявили воедино: “Мы требуем уничтожения во всех странах запасов атомного оружия и немедленного прекращения его производства”. Вот что было начертано в решении бюро Всемирного Совета Мира, оно и стало великим девизом, сокровенным и священным велением народных сердец. Во имя этого, истинно светлого, справедливейшего и честнейшего лозунга мира ведем и мы нашу настоящую кампанию. И не мы одни в нашей стране, а уже в самых различных, отдаленных от нас частях мира народы приняли горячо и близко к сердцу знаменательные призывы Бюро Всемирного Совета мира и во многих и многих странах уже сотни миллионов людей поставили свои подписи протеста против подготовки атомной войны. Сейчас кампания по сбору этих подписей широко развернулась в таких странах, как Франция, Англия, Голландия, Италия, Австрия, Индия, Индонезия, Финляндия, Си-

рия, Швеция, Китайская Народная Республика, все страны народной демократии и т. д.

А мне, человеку, лишь недавно побывавшему в Индии, особо памятно все виденное и наблюденное о том, как во всех слоях великого многомиллионного индийского народа категорически и сурово осуждают это дьявольское оружие массового истребления.

Всеиндийский Совет мира широко развернул кампанию за запрещение ядерного оружия. Странники мира провели конференции против атомной войны в Западной Бенгалии, Пэнджабе, Пепсу, Уттер Прадеше, Дели, Бхопале, Бранпуре, Мадурайе, Шакарнагаре, Бангалоре и во многих и многих других городах, провинциях и штатах Индии.

Всеиндийский Совет мира призвал народы своей страны объявить шестое марта днем протеста против подготовки к атомной войне. А председатель Всеиндийского Совета мира д-р Китчлу сказал: “На Индии лежит огромная ответственность... Для Индии наступил момент, когда она должна действовать безотлагательно. Она должна предупреждать тех, кто планирует навязать атомную войну, что они встретят решительное сопротивление индийского народа”. Насколько в Индии широко распространена идея борьбы за мир, характеризует еще и выступление такого политического деятеля Индии, как Раджагопалачария — бывшего вице-короля Индии перед студентами и профессурой Нагпурского университета, он сказал: “Мы должны подвергнуть это оружие осмеянию и покрыть его позором”.

А в личной своей беседе с нами, отдельными представителями советской делегации, он сообщил о своем недавнем выступлении в печати, где он заявил, что, если американцы искренне говорят о запрете атомного оружия, то пусть они, наименее подверженные угрозе массового уничтожения, первые сбросят заготовленные свои бомбы в океан.

Как Раджагопалачария, так и другие выдающиеся государственные деятели Индии, как, например, бывший посол Индии в Советском Союзе, а ныне вице-президент Индии Радхакришнан, да и сам Джавахарлал Неру в беседе с нами говорили о том, что Индия и индийский народ верят в миролюбивые устремления наших народов, всей нашей страны. Как реальные политики, они исходили при этом из

той правды, какую являет перед ними весь индийский народ, который так глубоко верит в нашу правду и так искренне почитает и дорожит всем тем, что выражает волю, думы, идеалы народов нашей великой страны.

Я сошлюсь в данном случае лишь на один пример, когда подлинные представители индийского народа непосредственно выразили свое безграничное доверие и любовь советскому народу и его Родине. Это было на юге Индии в штате Тривандрам на пути от Кочина к Траванкору, когда, узнав о приезде представителей Советской страны, демократические группы сельской интеллигенции и трудового крестьянства устроили не предусмотренную программами наших встреч массовую демонстрацию непосредственного народного выражения своего доверия, симпатии и любви к советскому народу, к социалистическому государству, к его представителям.

Громким, организованным, мощным хором произносили сотни людей лозунги за нашу Родину. Буквально десятки рук индийских тружеников жали каждую нашу руку. Мы слышали и чувствовали столь могучий жар и веру в их дыхании, они давали нам почувствовать и познать, как крепка и непоколебима их любовь и доверие к нам. Неопишуемое чувство радостного волнения охватило наши груди при этом нахлынувшем на нас народном дружелюбии. Мы знаем, что так любят и почитают не отдельно Суркова или Ауэзова, а даже не зная вовсе о том, кто они в отдельности, как личности, любили и почитали нас именно, как безымянных, но действительных представителей, посланцев советского народа. И это тем более было приятно, радостно видеть и наблюдать нам, одно это наполняло нас такой гордой радостью за нашу Родину, за ее славу!

А в этом случае сказывалось безграничное доверие народа — народу и главным образом сокровенное желание дружбы и мира между нашими великими народами. И не единый индийский народ, а все великие и малые народы мира верят в наши миролюбивые намерения, в нашу всенародную и также государственную политику мира.

Недаром, выражая мысли и сокровенные думы всего многомиллионного советского народа, министр

иностранных дел Советского Союза В.М. Молотов заявил с трибуны Верховного Совета СССР:

“Советский Союз со всей готовностью поддерживает и недавние предложения Всемирного Совета Мира о том, чтобы во всех странах были уничтожены запасы атомного оружия, дабы народы всего мира были уверены, что никогда не будет допущено атомной войны”.

Ясно для нас одно, что проповедники агрессии и войны имеют перед лицом своим такой могучий лагерь прогрессивного человечества, который ныне решает и сможет обуздать поджигателей новой войны.

А Советская Родина наша и все люди в ней, все честные сыны и дочери наших народов уверены в своей правоте и силе. И в оправдание этой великой истины наши народы внесут свой могучий вклад во всемирную кампанию народов против угрозы атомной войны. А счастливый советский народ Социалистического Казахстана совместно со всеми нашими братскими народами великого Союза также скажет свое веское и великое слово о том, что атомное оружие должно быть запрещено и навсегда. Люди Советского Казахстана во всех своих поколениях, во всех своих коллективах сообща и в одиночку выразят своими подписями неукоснительную свою веру и волю в победу мира! Совместно со всем миролюбивым человечеством они укротят поджигателей атомной войны. Мы поставим наши подписи, преданные и верные той великой истине, что наше знамя мира — есть величайшее знамя нашей планеты.

*23 марта 1955 года
г. Алма-Ата*

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА НА СОВЕЩАНИИ ПО ДРАМАТУРГИИ, ПОСВЯЩЕННОМ ОБСУЖДЕНИЮ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МОЛОДЫХ КАЗАХСКИХ ДРАМАТУРГОВ В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Положение с драматургией несколько иначе обстоит, нежели с другими жанрами. Казахскому поэту, прозаику легче выйти на всесоюзную арену, нежели драматургу, — достаточно их произведения перевести, напечатать и выпустить в свет. А вот с драматургией положение всегда трудно до тех пор, пока какое-нибудь драматургическое произведение не появится на сцене какого-нибудь заметного, крупного русского театра. Поэтому весьма полезно и своевременно обсуждение, которое здесь драмсекция устроила.

Прав был т. Баймухамедов, который сказал, что очень хорошо, что драмсекция уделила внимание обсуждению конкретных произведений. Но это должно происходить систематически. Может быть, с этого обсуждения, начнется более или менее планомерная, близкая, непосредственная связь наших драматургов с драмсекцией. Я думаю, что это не только связано с нашей декадой, а вообще стояло в плане драмсекции.

Мы вспоминаем моменты, когда в драмсекции никакая наша пьеса не обсуждалась. Почему-то драматург драматурга очень мало знает. Я, например, будучи казахским драматургом и выступая в области драматургии 35 лет, непосредственно с крупными драматургами не общался и не имел творческого контакта. Поэтому очень хорошо, что сегодня закладываются такие основы дальнейшей прочной и систематической связи. Хочется верить, что это историческое начинание в отношении казахской драматургии будет продолжено и будут в дальнейшем обсуждения. Отдельные обсуждения были в

Союзе советских писателей, но обсуждения были через Бюро национальной комиссии, где не все крупные драматурги и критики по драматургии принимали участие такое, как мы имеем тут со вчерашнего дня.

По-видимому, надо задеть несколько вопросов организационного порядка потому, что какую-то фактическую историческую справку надо дать о нашей драматургии.

Дело в том, что наша драматургия начала существовать с самого начала Октябрьской революции. Это был новый жанр. Новизна жанра не мешает тому, что за короткий срок в этом жанре советские писатели могут достигнуть крупных успехов. Этому свидетельством является общепризнанный успех казахской прозы. В области драматургии мы сурово судим о сегодняшнем состоянии, говорим, что она преуспела, особенно в области современной тематики, но поиски были большие. Правда, это молодая драматургия, но в каждой молодости есть элементы зрелости. Что мы относим к элементам зрелых поисков? Мы правильно ориентировали казахскую драматургию и казахский театр, когда стали опираться сразу на опыт советского театра и советской драматургии. С одной стороны, мы взяли лучшие образцы классической драматургии — “Ревизор” поставлен лет пятнадцать тому назад и с тех пор идет; все крупные пьесы Горького переведены; на нашей сцене поставлена пьеса “Таланты и поклонники”.

Мы обращаемся, с одной стороны, к опыту реалистической и классической драмы; с другой стороны, к лучшим образцам мировой драматургии. На нашей сцене неплохо поставлены отдельные пьесы: прекрасно поставлен “Отелло” Шекспира, мы гордимся этим спектаклем и сожалеем, что ввиду дальности расстояния наши крупные театральные критики не знают о качестве постановки “Укрощение строптивой”.

Поставлены пьесы Гольдони, Мольера. Это один путь наших поисков. Мы не только переводили и приобщали нашего зрителя к передовым образцам мировой и русской классической драматургии, но одновременно, если взять все этапы развития русской советской драматургии, — мы каждую новинку переводили и ставили на своей сцене.

Например, на нашей сцене идут “Любовь Яровая”, “Аристократы”, “Человек с ружьем”, в хорошем переводе поставлена пьеса “Русские люди”.

Все лучшие образцы – “Закон чести”, “Московский характер” недавно переведен, пьеса Сурова “Далеко от Сталинграда” – даже печатаются. Если мы будем говорить о некоторых взаимных наших предложениях, то надо сказать, что казахские драматурги, драматургия, театр всеми силами, ежегодно, систематически и упорно в этом отношении ведут одну и ту же линию скорейшего приобщения к лучшим образцам лучшей русской советской драматургии. Но приходится констатировать печальный факт, что до сих пор казахская драматургия со всеми своими поисками и достижениями не удостоивалась внимания драмсекции. Надо говорить об одном затруднении. Вы говорили совершенно правильно о переводах. Подстрочный перевод – это зло, которое трудно миновать. Это такой посредник между оригиналом и иноязычным писателем и критиком, наподобие толмачей, которые были до революции. Он многое не доносит. Совершенно правильно сегодня сказали, что он нивелирован. Нивелированного языка, конечно, в драматургии не может быть. Как может быть без индивидуальной речевой характеристики обрисовка образа, характера? А в переводе часто бывает так, даже в литературном, отделанном переводе это очень серьезный вопрос. Нам кажется, что даже Шекспир переводится на обычный русский... драматургический язык. А ведь Шекспир в своем речевом многообразии бескрайне широк и интересен. Приходится, когда знакомишься, не останавливаться на этих случайностях, постараться через них взглянуть в сюжет и характер. Очень большую пользу принесет это совещание нашим писателям, произведения которых поставлены на обсуждение. Но вместе с тем нужно будет учесть некоторый опыт нежелательного порядка. Хочу привести историческую справку в смысле опыта продвижения до сих пор отдельных образцов казахской драматургии. Наши пьесы были хорошо переведены, Комитетом были приняты, были предложены вниманию всех театров Союза, но конкретно не был назван ни один театр. И ни один театр эти пьесы не принял.

Была переведена и напечатана прекрасная пьеса, заслуживающая большого внимания – Мусрепова “Козы-Корпеш”.

Должен сказать, что пьеса “Козы-Корпеш” выдержала бы любые испытания и любую хорошую постановку даже на сцене академических театров. Есть прекрасный перевод Дроздова¹.

Мною и Соболевым написана пьеса об Абае. Я написал и роман. Роман не охватывает период, который воспроизводится в пьесе. Пьеса была очень интересная и с большим интересом принята в Камерном театре. Как раз, когда пьеса была сделана, Таиров вызвался ставить и он утробил эту пьесу. Стоит вспомнить кратко историю. Он вместе с нами работал, включил в план Камерного театра, долго приступал и, наконец, не приступил. Когда перекинули театр в Балхаш, он хотел поставить, но я отказался, так как когда Камерный театр был расщеплен, — оказавшись в Казахстане, он решил поставить. Тут, по-моему, это было связано и с побочными соображениями.

Находясь в Алма-Ате, театр Моссовета в лице художественного руководителя Завадского заинтересовался нашими пьесами, он видел прекрасную постановку нашего академического театра. Он тоже участвовал в доработке моей пьесы “Каракыпшак Кобланды”, он заключил договор, принял пьесу, и пока находился в Алма-Ате, он проявлял некоторую заинтересованность, а уехав в Москву, забыл об этом договоре и обещаниях.

Всякие такие подобные конъюнктурного порядка соображения остаются печальным воспоминанием о наших опытах творческого взаимообщения с руководителями театров.

Теперь я не знаю, что получится, но в последнее время я слышал о заинтересованности Зубова после прочтения романа “Абай” инсценировкой романа “Абай”. Он хочет на днях устроить личную встречу. Он хочет что-то сделать, но до каких пор это дойдет, где эта инициатива иссякнет не осуществленная — я не знаю. Это я говорю к примеру.

Наши образцы драматургии, как творческие серьезные произведения, — заинтересовывают, но почему-то долго раскачиваются и не приступают к осуществлению.

Я вспоминаю эти факты, чтобы сегодняшняя ваша прекрасная инициатива была осуществлена.

Каждый из вас — тт. Любимова², Файко³ и сегодня выступавшие товарищи — стремился помочь конкретно,

творчески отдельным авторам, чтобы в результате получилось зрелое произведение, которое было бы продвинуто на сцену. Надо, чтобы этот хороший почин получил свое реальное осуществление, хотя бы в одном произведении.

И не мешает вернуться к крупным достижениям нашей драматургии, написанным на нестареющие темы – например, “Абай”, “Козы-Корпеш” – о неиссякаемой любви, тема Ромео и Джульетты. Может быть, вернуться к ним, напомнить о них театрам.

О том, что наши товарищи представили, надо сказать, что это последние новинки нашей драматургии. Хорошо, что они обсуждаются в той стадии, когда они еще не поставлены на сцене, потому что иногда, когда пьеса поставлена, автор считает ее уже совершенно законченной, не нуждающейся в дальнейшей работе. Правда, переходя на московскую сцену, любая пьеса должна получить творческое пополнение. Молодые авторы, которые заслушали ваши заинтересованные, искренние критические суждения по их произведениям, должны дать такую зрелую их переработку, чтобы они пришли к желательным результатам.

Были попытки высказать обобщающего порядка мысли об отдельных недостатках казахской драматургии. Я думаю, что специфически присущих казахской драматургии пороков нет. Любое драматургическое произведение не может иметь две разнозначные темы, но может иметь две линии, которые одинаково законны при соблюдении пропорций, соотношений характеров.

Очень дельными и правильными были замечания, но обобщающая мысль, что двуплановость является специфическим недостатком казахской драматургии – неправильна. Двуплановость вещь хорошая, если с ней справиться.

Самая правильная мысль – т. Глебова⁴ о композиции. Умелое построение композиции и глубоко продуманное очерчивание характеров – вот что самое главное. Мы иногда, творчески учитывая как опыт, говорим такие вещи: сколько пользы нам принесло наше обращение к Шекспиру – шекспировские страсти, некоторая романтическая взволнованность монолога. Но всякая цель хороша, когда она оправдана до конца осуществленными конкретными результатами.

Возможно, часто бывает так, что обращаясь к Шекспиру, мы съезжаем на манеру Шиллера без широкого изображения характеров и глубокого и мотивированного изображения страстей, людских столкновений. Если речь отделанная, поэтически взволнованная отдельных монологов, это может быть приобретение, но злоупотреблять этим не надо. А когда говорим о композиции, мы серьезно вдумываемся с академическими театрами и, учитывая опыт, пройденный казахской драматургией, мы говорим, что нам надо обратиться на этой стадии развития к опыту Островского, с его построением сюжета, мастерским очертанием характера, к реалистической драме. Наша драматургия страдает и некоторой риторичностью, рассудочностью. Рассудочностью, хорошими мыслями должны быть наполнены произведения, но разрыхляющие сюжет суждения мешают, и в этом отношении наши достижения надо ориентировать на опыт реалистической драмы, мастерство драмы Островского. Большинство наших советских писателей, следуя методам соцреализма, очень многое учитывают именно из опыта Островского. Но каждая молодая литература и новые авторы должны проходить какие-то стадии сознательного обращения к той или другой школе. Не скажу, что все 90 % казахских драматургов должны идти по этим стопам. Нам надо сейчас найти реалистическую драму с мастерским построением сюжета и широким и убедительным изображением характеров.

С другой стороны, учитывая революционный опыт нашей советской социалистической драматургии, в этом смысле “Любовь Яровая” на нашей сцене и последующие пьесы наших советских русских драматургов будут для нас самой надежной опорой. Переводы мы глубоко осмысливаем с коллективом театров. Известно, что драматургия – самый трудный жанр и поэтому им не очень легко овладеть в совершенстве. Отсюда вытекают отдельные пороки. Но хочется подчеркнуть одну мысль: казахская драматургия представляет один из ваших таких отрядов, который очень многое ищет и в этих поисках многого достигли и очень много сделали в доведении лучших достижений советской драматургии до масс казахского зрителя. На основе всего этого

мы вправе ожидать, что драмсекция будет систематически нами интересоваться и систематически помогать. У нас большой контакт с Комитетом по делам искусств. Там есть люди, которые интересуются и знают нас.

Но надо, чтобы заинтересованность была не только в порядке узнавания, но и в порядке организационного продвижения лучших наших достижений.

РГАЛИ,
Фонд СП СССР,
Комиссия по литературам народов СССР,
опись № 14, п. № 15, л. 36–46.

РЕЧЬ АУЭЗОВА МУХТАРА НА ПЛЕНУМЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Выступившие до меня товарищи говорили уже о том, каким большим событием для национальной литературы является факт обсуждения успехов и недочетов ее на данном пленуме. Например, впервые на общесоюзной арене наш отряд казахской советской литературы отчитывается перед своими собратьями по перу, при ближайшем, деловом и глубоко заинтересованном участии в обсуждениях секретариата и правления Союза советских писателей СССР.

Вместе с тем необходимо, однако, признать, что доклады на пленуме, конечно, не в состоянии охватить всего процесса, и знакомство с братской литературой по одному докладу безусловно проблематично. Но вот декады, следующие за такими докладами, действительно шире раздвигают рамки общих, смутных знаний по отдельным литературам. Обзорный доклад, перерастающий в конкретное обсуждение отдельного романа, драмы, поэмы, — это весьма существенная и конкретная помощь и автору, и данной литературе в целом.

Сейчас я считаю необходимым развить некоторые общие мысли, касающиеся проблем наших национальных литератур, мысли, к сожалению, неизбежно кратко высказанные в обзорных докладах, сообщениях товарищей докладчиков. Это касается, во-первых, вопросов соцреализма в сочетании с дальнейшей разработкой проблем национальной формы, во-вторых, в непосредственной связи с этой проблемой необходимо осветить некоторые вопросы учебы и задачи изучения творческого опыта национальных писателей. В-третьих, я хочу остановиться на отдельных, особых, на мой взгляд, задачах ведущих критиков Союза в связи с вопросами стимулирования успешного развития братских литератур.

Надеюсь, что хоть часть моих высказываний по этим вопросам будет опираться на факты казахской литературы, но отдельные положения в них будут касаться интересов и жизненных требований многих национальных литератур.

Вопросы качества, качественного роста литературной культуры, а не количественного, требуют от нас много-стороннего обсуждения, осмысления некоторых теоретических проблем.

Ясно каждому, что задачи качественного роста для наших литератур творчески, на деле, решаются в тесной, органической связи с освоением метода социалистического реализма национальными писателями. Общие его принципы, предпосылки о партийности литературы, о тесной преемственной связи произведений с нашей социалистической действительностью, остаются незыблемыми основами для всех наших литератур, независимо от того, на каких бы языках мы не писали. Это утвержденная жизнью, освещенная практикой любой литературы — правда, наша правда.

Но мы пишем об общей для нас всех единой сути на разных языках наших народов, пишем, имея для себя образцом русскую советскую классическую литературу. Но если исходить только из одного различия языка и то соответственно различию языкового мышления, с учетом даже эволюционирующего социалистического развития новой речевой культуры братских народов, есть налицо много моментов национального своеобразия. А близость многих наших советских литератур в данной стадии их развития к истокам народной литературы, фольклору /о котором, как об одной существенной и необходимо важной, особенной природе советской литературы, как наиболее народной литературы — говорил Горький/ — тоже увеличивает своеобразие отдельной советской литературы.

Кроме того, есть и другой важнейший и сложный процесс — это обновление и обогащение всякой национальной формы благоприобретенными свойствами — новыми для данной литературы жанрами, усвоенными от передовой русской и мировой классической литературы. Не было прозы и драмы у казахов, узбеков, туркмен, киргизов, таджиков и т. д., а теперь наличие романов, драматических произведений в составе этих литератур является истинным показателем наилучшего, разностороннего процветания их.

Некоторые наши литературы этими новыми обретениями переросли условные рамки прежних национальных форм, законно нарушили их каноничность. Пришли к этому, нарушив многовековую изолированную отсталость, узость и условность форм, и тем вывели исторический путь своего развития из стадии племенной культуры в национальную, советскую социалистическую культуру.

Разве могут теперь арабская, персидская литературы, много веков на Востоке занимавшие главенствующее положение, сравниться с развитием азербайджанской, узбекской, таджикской, казахской, туркменской литератур не только по идейному содержанию, но по разнообразию и богатству новых национальных форм этих литератур? И в этом виде каждая национальная советская литература может полноправно представлять в известном плане всю советскую литературу в ее идейно-художественном многообразии. Но как происходят упомянутые выше процессы по линиям нового обращения к фольклору и культурного освоения новых жанров?

Ведь и изустное творчество у наших народов теперь далеко не прежнее. Какова природа и сущность социалистического реализма, воплощенного в самом советском устном песнетворчестве? Каково качество и наличие традиций фольклора, естественно проникающего в новые жанры, ранее неведомые для него, скажем, в наших романах, повестях, драмах?

Если мы законно говорим, что наследуем лучшие традиции русской классической литературы и, наследуя, развиваем их в соцреализме, то к этому комплексу вопросов на национальной почве добавляется и вопрос творческого преодоления своего книжного и фольклорного прошлого.

А метод соцреализма, осуществляемый в творческом выражении наиболее полно в русской советской литературе, может приобретать дополнительные черты и краски в применении к иной языковой среде, к иным своеобразиям быта, к новым реалиям, составляющим национальную специфику на данной почве.

Изменяется ли от этого качественно, в сущности своей, метод соцреализма? Нет, наоборот, он приобретает еще больше многообразия для наиболее полноценного выражения себя. Обращение внимания на этот момент

с теоретической стороны способствовало бы еще более глубокой разработке отдельных, еще неразработанных проблем социалистического реализма.

Мы руководствуемся в своем творчестве методом всеобъемлющим, безгранично широким и глубоким, но выявили его шири и глубины не до конца. А для полного выявления нужно искать его воплощение не только в произведениях, написанных на языках всех наших народов. На этих параллельных рядах нужно ставить и вопросы о романтизме, о ложном романтизме, нужно указывать на случаи недостаточного понимания, освоения метода соцреализма, нужно выявлять и пример сползания к натурализму, примеры отступления от жизненной правды. Нужно особо четкое, ясно разграничивающее все понятия определение проблем национальной формы от националистических, буржуазных, формалистических отклонений, от основ соцреализма. При такой разработке принципиальных положений, даже выявление недостатков в применении метода соцреализма к своему материалу, жизненной среде у отдельного национального автора, должно быть поучительным для всей советской литературы.

Большинство советских литератур национальных республик — молодые литературы. Они не имеют длительной культурной истории в своем прошлом, и даже когда имеют многовековую книжную поэзию, законно гордясь ею, как памятником древней культуры своего народа, мало чему могут сегодня непосредственно учиться по ней. Во всяком случае ясно, что классик классику рознь, наследие наследию рознь. Не все классики прошлого суть Пушкины, Салтыковы-Щедрины, Некрасовы. Потому-то мы более учимся у русской классической литературы, чем предшественники: Ахундов, Абай, Тукай, Коста Хетагуров, Абовян и другие. Так, несомненно, что и Самед Вургун, и Айбек, и Сабит Муканов, и Турсун-заде, и Кербабаев учились поэтическому писательскому мастерству наряду с учебой у Горького и Маяковского гораздо больше у русских классиков XIX века, нежели у Низами, Навои, Махтумкули, Рудаки, Саади и Хафиза.

Говоря о молодости наших отдельных литератур, однако не нужно забывать того несомненно верного положения, что может быть короткая история культуры, но отдельные образцы в этой истории должны быть настоящими памятниками культуры,

не нужно забывать, что может быть молодой писатель, но не может быть молодого, в смысле незрелости, романа, повести или драмы. Требования должны быть у нас в отношении художественно-идейного качества всеобщие, единые. И для национальных литератур измерением качественного роста их прозы, поэзии, драматургии должен быть достойный выход на общесоюзную арену. На материале своей республики мы должны создавать высокохудожественные произведения и тем самым должны полноценно обогащать общесоюзную литературу. Только так, а никак не иначе предстает перед нами задача роста. Только при таком определении наших требований, мы, национальные писатели, сможем достойно ответить на исторические решения ЦК ВКП(б) и решения ЦК партий наших республик по вопросам литературного строительства. И тот остро критический, справедливый и строго требовательный разговор, который начат вчерашним выступлением т. Симонова и поддержан т. Сурковым, а также глубоко содержательно и с огромной пользой для казахской литературы развит товарищем Горбатовым, есть самый верный и единственно необходимый разговор о наших литературах. В этих высказываниях выражено требование, предъявляемое партией и народом всей общесоюзной литературе. Нужно оценивать наши успехи и недочеты только с этих позиций общесоюзных требований. И это требование в дальнейшем должно быть поставлено перед нами как самое важное и единственно определяющее наши успехи требование.

Вот на подобных вопросах, как мне кажется, необходимо останавливаться серьезно при обсуждениях отдельных произведений, при критически продуманном определении состояния и задач развития каждой из наших литератур. Необходимо останавливаться с тем сознанием, что выяснение и разрешение подобных проблем не только задача данной отдельной литературы, а всех наших родственных литератур, и они должны решаться совместными усилиями писателей и критиков всего нашего Союза, следовательно, они должны обсуждаться именно на таких совместных, широких авторитетных собраниях наших, и дальше их обсуждение должно быть перенесено на страницы центральной, союзной печати.

Подобным же образом и в тесной связи с предыдущим вопросом должно быть обращено серьезнейшее внимание

на состояние и характер учебы национальных писателей у русской классической и советской литературы. При этом я бы подчеркнул две стороны вопроса. Во-первых, изучать критически степень плодотворности, культурности данной конкретной учебы. Во-вторых, на положительных фактах глубоко продуманной истинно творческой учебы писателей. Но задачу учебы некоторые критики и литературоведы сами понимают недостаточно ясно и правильно. Часто они смешивают понятия метода и темы. Зачастую по сходству тем или иных признаков, порою даже чисто внешних признаков, находят учебу у Горького или у Маяковского примерной, плодотворной у данного национального автора. А разобраться глубже, оказывается, что этот автор и при сходстве судеб героев и при всех благих своих намерениях недостаточно понял самого Горького. Пример – “Мои университеты” Горького и написанная в параллель этой повести повесть тов. Муканова “Мои мектебы”. Бывают и ошибочные трактовки сходных тем, скажем, темы материнства, пример “Заступничество матери” у тов. Мусрепова.

Я признаю и оцениваю искренность стремлений указанных авторов учиться у Горького. Хотят этого и авторы, как хотят и их читатели. Но хотеть и мочь – это две разные дистанции. Досадно, но факт, что зачастую “хочется, да не можется”.

Подобных примеров немало не только на казахской почве, но и в других наших братских литературах. Надо о них говорить с пользой для качественного роста литераторов через их культурную учебу.

Необходимо в этой связи еще более серьезно, еще более глубоко разобраться в примерах положительного порядка, когда национальный автор, не подражая внешне, а освоив известную сумму культурных влияний классической и советской литературы, учитывая опыт достижений русских писателей, создающих значительные произведения на тему нашей сегодняшней героической действительности, создает произведение в мало известном его читателю новом жанре – романа, произведение о созидательном, величественном труде масс. В данном случае я имею в виду роман “Сыр-Дарья” Муканова Сабита. С оценкой, данной этому роману сегодня т. Горбатовым, в целом я вполне согласен, как согласен с его

указаниями на недочеты и в моем собственном творчестве. Как-то глубоко дружески и потому еще более проникновенно и требовательно говорил о наших произведениях т. Горбатов. В справедливости и заботливой взыскательности его критики нашей продукции не приходится сомневаться. Но вот будучи согласным с ним относительно “Сыр-Дарьи”, я должен еще добавить, что в этом романе есть принципиально и кардинально новое для нашей литературы. Это о том, что пусть не до конца, но здесь впервые поднята тема труда. Главный герой этого романа — труд, тот труд, о котором Горький мыслил как о творчестве. Все герои этого романа живут, охваченные пафосом строительства канала, который должен изменить лик целого края. И помыслы, и дела, и даже личные чувства любви и дружбы героев романа подчинены одному трудовому порыву. Так как канал на Сыр-Дарье строится в годы войны, то герои романа живут и удвоенным импульсом самоотверженного труда, и еще большей самоотверженной идеей защиты Родины. Правильно поступает автор, когда развитие характеров в романе (Даулета, Гюльнар и других) проносит через испытание в мирном труде, и в последующем этапе в ратном подвиге на фронте. Кто честен и упорен в трудовой жизни, тот предан родине и в дни тяжких испытаний для нее.

Да, в романе есть недостатки. На них правильно указывалось на страницах “Литературной газеты” и еще более правильно и разносторонне убедительно сказал т. Горбатов. Герои Муканова изображаются часто внешне, без внутренней мотивировки их поступков. В данном романе еще есть недоделки, в части композиционной, герои недостаточно показаны в самом трудовом процессе, где бы их формирование и становление было раскрыто полнее и убедительнее.

Но при всех подобных недостатках роман на современную, благодарнейшую тему о борьбе и о завидной, счастливой судьбе советских людей — являет собой достойный пример широкой и серьезной учебы писателя у жизни и у передовых мастеров русской художественной прозы.

Примеры подобного рода положительных фактов культурной учебы и самостоятельного творческого воплощения в области поэзии мы видим в творчестве последних лет у Орманова, Аманжолова, Саина, Бекхожина и других.

У этих авторов мы наблюдаем, как заметно раздвигаются горизонты казахской литературы, когда есть здесь налицо стремление изображать свое мироощущение в динамике, стремление всегда связывать свою личную судьбу с народом, есть стремление выразить здоровое и ясное предощущение широкой исторической перспективы для своей литературы, народа и страны своей. Во всех этих признаках, без сомнения, выражена суть и особенности соцреализма. Но надо помочь полному и глубокому осознанию этих процессов в каждой национальной литературе.

Вот в этой связи я считаю необходимым остановиться на задачах наших ведущих русских критиков. И вопросы осуществления метода социалистического реализма в сочетании с национальной формой, и вопросы плодотворной учебы, и проблемы изучения влияния лучших образцов русской классической и современной литературы на рост национального автора, на развитие его литературы в целом — все эти проблемы требуют от наших авторитетных критиков в Союзе их высказываний на страницах центральных газет и журналов по отдельным произведениям или проблемам развития той или иной литературы.

Почему бы и товарищам Заславскому, Ермилову, Кирпотину, Тарасенкову, Ковальчик и многим другим критикам, к голосам которых с огромным вниманием прислушиваются в национальных республиках, не высказываться по поводу наших поэм, драм, романов, повестей и т.д.? Есть писатели в национальных республиках, имеющие целые тома своих романов, как Ордубады, как Айни, Сабит Муканов, Айбек, Кербабаяев и другие, о которых на страницах, скажем, “Нового мира”, “Октября”, “Звезды”, “Знамени” следовало бы помещать разносторонне характеризующие их творчество солидные статьи, критические исследования. Есть национальные авторы с известными для всего Союза именами, о которых пора бы уже иметь и монографические труды на русском языке.

Мы с удовлетворением отмечаем в этом порядке большую инициативу не критиков, а крупных писателей Союза, как товарищей Фадеева, Тихонова, Вс. Иванова, Соболева, Павленко и других, внимательно следящих за ростом той или иной национальной литературы. Нельзя не отметить,

как самый положительный факт, выступление в качестве содокладчиков по отдельным литературам ответственных руководителей Союза, авторитетных писателей — тт. Симонова, Горбатова, Суркова на данном пленуме.

Но хотелось бы, чтобы этот почин не ограничивался только пленумами да декадами, да еще знакомством в характере разовой ревизии, а перерастал в систематическую, постоянную связь данного писателя хотя бы с данной отдельной литературой. Да еще более важно, чтобы круг этих ведущих писателей расширился гораздо более. Читатели в отдельных наших республиках больше знают из числа критиков товарища Скосырева, который до сих пор почти один представляет все литературы народов Средней Азии в вопросах критического освещения на страницах центральной печати, новостей этих литератур. Но ведь его одного, даже при наличии эпизодических высказываний товарищей Климовича да Зелинского, недостаточно, мало. Пора бы от представительства по национальным литературам, от представительства, несущего непосильные, необъятные функции, перейти к широкому, непосредственному знакомству с теми или иными произведениями, авторами и литературами многим ведущим писателям и ведущим критикам Союза. Заканчивая свое выступление, я бы напомнил еще об одном поучительном примере Алексея Максимовича Горького. Ведь это он, увидев первого ашуга на съезде писателей, завещал представителям всех литератур дорожить и беречь подобных Сулейману Стальскому, ашугам. И не случайно, а только благодаря мудрым установлениям ленинско-сталинской национальной политики и благодаря призывам Горького возродились и открылись для нашей страны и истории имена великих сказителей, акынов, ашугам, гафизам, бахши, ырчи многих наших народов.

А теперь пришли писатели и их произведения на новом этапе развития нашей многонациональной социалистической культуры и знать о них более, чем мы знаем сейчас, писать о них более, чем мы пишем сейчас — нам кажется одной из первостепенных задач и руководства Союза писателей, и самих ведущих писателей нашей страны.

Тов. Симонов, как один из руководителей Союза, поступил правильно, когда, критически освещая состояние

армянской литературы, одновременно указал на недостатки в работе отдельных московских издательств и частично указал на недостатки самого правления в руководстве национальными литературами.

Но этих недостатков руководства Союза нам кажется еще больше, чем те, на которые указал т. Симонов, и главное из этих недостатков заключается в длительном забвении вопросов той или иной национальной литературы, в хроническом, я бы сказал, замалчивании печатными органами Союза успехов и недочетов национальных литератур.

Освещались бы широко критически проблемы армянской литературы на страницах центральной печати, и издательство “Советский писатель” само собой было бы ориентировано правильно в своих изданиях. А так справедливо ли требовать от одного только издательства собственными силами разобраться в тех сложных вопросах армянской литературы, в которых сам тов. Симонов разобрался лишь в результате долгого, и что лестно, конечно, в результате добросовестного упорного труда.

Наибольшие требования и здесь справедливо предъявлять нашим серьезным критикам из таких органов, как “Новый мир”, “Октябрь”, “Звезда”, “Знамя”, “Дружба народов”. Только при таком осознании широты наших проблем, помощи братским литературам мы обеспечим всесторонний, качественный рост советской литературы всего Союза и тем самым ускорим появление на языках наших народов истинно художественных высокоценных произведений, отвечающих решениям ЦК ВКП(б), решениям ЦК нацкомпартий, произведений, достойных великой Сталинской эпохи.

ВЫСТУПЛЕНИЕ т. АУЭЗОВА М.О.

Товарищи!

Статья “Правды” и решение ЦК КП(б) Казахстана о буржуазно-националистических ошибках книги Е. Бекмаханова помимо их прямого смысла и назначения – вскрыть, сурово осудить, искоренить идейно-политические ошибки, допущенные историками, литературоведами, писателями Казахстана в связи с оценкой феодально-монархического движения Кенесары – еще призывают нас ответственно, глубоко и серьезно подумать о том, чему противостояло это движение со всеми давними и недавними апологиями ему. Они противостояли самому великому, самому светлому и сокровенному, потому самому дорогому и спасительному для казахского народа – т. е. дружбе этого народа с русским народом. Лишь недавно, до Октября, бывший в своей злосчастной истории обездоленным, бесправным, бескультурным и даже вымиравшим, казахский народ мог ли иметь более высокие идеалы и чаяния, чем эта дружба? Нет, не мог! А для нас, для культурного советского казахского работника, всем своим личным достижением обязанного русской культуре – для историка, литературоведа, писателя и любого иного общественного деятеля, могла ли существовать другая, равнозначая или заменяющая ее идея или тема для описания, для изучения?

Нет, не могло быть ничего подобного.

Ведь многие из нас – одни, ошибаясь больше, другие, ошибаясь меньше, – шли по этому пути, внося свою посильную долю во имя утверждения, укрепления этой дружбы.

В числе других товарищей, за последние десять лет избрав темой основных своих трудов эту идею великой дружбы, шел и я сам, а свою тему считал темой жизни моей. И всякое отступление от этого пути было бы порочно,

пагубно, вредоносно не только для нас самих, но и для всего молодого казахского советского общества, на которое мы имеем большие влияния в силу его доверия и уважения к нам, а за это последнее мы отвечаем нашей честью и совестью перед этим нашим обществом.

И вот в свете признаний этих непреложных, неопровержимых истин надо нам говорить о наших ошибках и тем помочь партии в ее всемирном стремлении выкорчевать вредоносные корни, отравливающие умы, начиная со школьников, студентов и до широкой читательской массы. Причем надо говорить и о ранних, и о поздних ошибках, а нам, допуская политические ошибки, необходимо осознавать и ранние ошибки, как вчерашние. Это полезно для нас в дальнейшем труде, это необходимо и важно для народа, чтобы он был полнее осведомлен и лучше предупрежден. Чем глубже осознаем мы свои ошибки, тем полезнее для общества, как бы тяжело это не отражалось на нас самих своими последствиями.

Начну со своих ошибок.

Была у меня пьеса “Хан Кене”, написанная мною в 1928 году, и в ней полностью отражалась тогдашняя идеализаторская, националистическая позиция автора. И в этой первой редакции она не была поставлена, не была и напечатана, находилась в рукописи. А затем, спустя пять лет, в 1933 году работники театра, после восстановления на сцене другой моей пьесы “Енлик — Кебек”, заговорили о постановке и пьесы “Хан Кене”. И, консультируясь в разных инстанциях, посоветовали мне внести ряд поправок, переделок. Эти требования я выполнил, и пьеса была поставлена премьерой в начале 1934 года и с премьеры же была приостановлена.

При этом критика была двоякая. Однако и критиковавшие жестко и критиковавшие мягче не снимали ее с репертуара, рекомендовали приостановить временно, советовали мне переработать заново, а затем хотели возобновить ее постановкой вновь на сцене. Но как я понял сам, тогда же после постановки, и как осветила сущность пьесы и ее ошибок политически правильная часть тогдашней критики, было очевидно для меня, что переделки мои оказались недостаточными. Пьеса оставалась

политически ошибочной, вредоносной и не нужной для советского зрителя, и я, вопреки советам устно и печатно высказывавшихся людей, отказался уже вновь браться за нее.

При этом должен добавить, что наиболее правильную критику как на мою пьесу, так на роль и личность Кенесары высказал тогда товарищ Мусрепов.

Оставив пьесу и решив более не возвращаться к ней, я в том же 1934 году по поручению Наркомпроса написал в коллективе авторов, выделенных Наркомпросом, “Очерки по истории казахской литературы XIX и XX веков”, участвовал в составлении “Хрестоматии” по этой учебной книге. В этих двух последних работах главное авторство принадлежало мне. Разделы их – о Бухаре, Махамбете, Нысамбае, Шортамбае, Мурате и Абае – были составлены мною. И трактовка Бухара, Шортамбая, Мурата и в том числе, главным образом Нысамбая (певца Кенесары), мною, в тех книгах была уже не идеализаторская, а избоблительская и с классово-политических позиций наиболее правильная.

Напомню также и о том, что в том же 1934 году в исправление своих ошибок по “Хану Кене” написал пьесу “Ночные раскаты” о событиях 1916 года, и эта последняя с 1935 года донныне оценивается положительно. Говорю об этом потому, что эти процессы ошибок и борьбы за их одоление в свое время имели свою внутреннюю историческую и логическую связь.

Как я уже сказал, с 1934 до 1947 года я не возвращался к теме Кенесары как историк литературы и как писатель. Вообще своих собственных трудов о Кенесары я не имел с 1934 года, хотя, как правильно указали мне на днях товарищи, в одной своей работе об Абае 1940 года я, оказывается, упоминаю Кенесары в одном абзаце.

Не имея собственных специальных трудов о Кенесары с 1934 года, тем не менее я совершил большую ошибку в другом коллективном труде уже как редактор. Речь идет о первом томе “Истории казахской литературы” 1948 года. Здесь включены две статьи в двух разделах, а именно в разделе лиро-эпос – статья “Наурызбай – Каншаим” и в разделе исторических песен статья о Кенесары, Наурызбае, Саржане, Агибае. Первую написал тогдашний старший научный сотрудник Института языка и литературы т. Кон-

ратбаев, вторую написал тогдашний директор института т. Исмаилов. Была грубая политическая ошибка в них и на это правильно указывают товарищи сейчас – статьи были аполитические. Признания акынов-певцов как феодалов, как идеологов ханства, как сподвижников Касыма, Кенесары и Наурызбая, лишь восхвалявших их – не спасают в целом порочные, ошибочные идеализаторские позиции этих статей, их авторов: тт. Исмаилова, Конратбаева. Большую долю вины несу и я сам.

Я признаю поэтому необходимым и это считаю своим долгом – в новом издании первого тома устранить полностью эти ошибки, а товарищей прошу помочь своими советами и деловой критикой.

Говоря о работе Института языка и литературы я также отвечаю за отдельные диссертации и за их авторов в случаях, когда я оппонировал им. Причем за часть из этих диссертаций и наиболее ошибочных, защищенных до 1947 года, я признавал свои ошибки в 1947 году, на собрании интеллигенции по докладу т. Шаяхметова.

На днях, выступая на собрании коллектива Института языка и литературы, многоуважаемый тов. Муканов заявил, что 90% диссертаций в институте националистические и что я пятнадцать лет готовлю одних националистов. Однако считаю себя обязанным довести до сведения данного собрания о фактическом положении вещей. С 1947 года я выступил оппонентом по четырем диссертациям. Я оппонировал при защите кандидатской диссертации Героя Советского Союза, члена партии тов. Габдуллина Малика, оппонировал молодому ученому, члену партии тов. Габдирову, воспитанному и выращенному Казахским госуниверситетом и ныне являющемуся одним из лучших преподавателей, доцентов этого университета. Я также оппонировал старому члену партии, русской учительнице тов. Полибиной. Сейчас я консультировал и еду в Москву, чтобы выступить оппонентом при защите докторской диссертации т. Смирновой Н.С. на заседании ученого совета Института востоковедения в Москве. Консультирую и также намерен выступить там же при защите докторской диссертации члена партии, старого деятеля Казахстана тов. Сильченко М.С. Вот каких националистов я готовлю! Я оппонировал молодому

научному работнику, сотруднику Казахской академии, директору музея имени Абая тов. Мухамедханову. Его диссертация “О поэтической школе Абая” вызвала большие споры на ученом совете, и этой темы о школе Абая я коснусь чуть позже. В том же своем выступлении, названном мною выше, тов. Муканов меня обвинял еще за одну диссертацию. Речь идет о диссертации киргизского научного работника Саманчина на тему “О литературном наследстве Молдо Клыча”. Эта диссертация была защищена не после решения ЦК КП(б)К, как это утверждал тов. Муканов, а до этого решения в конце 1946-го или в самом начале 1947 года. Вместе с ним защищал и другой киргизский научный работник т. Шукуров тоже на тему “О Молдо Клыче”, он исследовал язык произведений этого автора. Оппонировали ему гг. Саурамбаев и Кенесбаев. Оба названных киргизских работника привезли в президиум нашей Академии и на имя ученого совета гуманитарных институтов письма, ходатайства от киргизских общественных и научных учреждений с просьбой провести их защиту, так как в Киргизии ввиду малочисленности собственных научных кадров нет своих ученых советов с правом принятия диссертаций. Состоялась защита диссертации Саманчина. А после, в 1949-м или в 1950 году, этот Саманчин был арестован в Киргизии как контрреволюционный националист. А Молдо Клыч, о котором писали оба диссертанта в 1950 году, решением ЦК компартии Киргизии признан реакционным, враждебным народу поэтом.

Тов. Муканов теперь правильно упрекает меня за то, что я принял участие в проведении этой диссертации в ту пору. Но справедливость и объективность требовали от т. Муканова и того, что, упрекая и обвиняя меня, он должен был назвать и другого оппонента той диссертации, а именно доктора филологических наук, профессора и вполне равноправного мне и равноответственного вместе со мной тов. Джумалиева. Считая виновным лишь меня одного, т. Муканов не назвал даже ученый совет, принявший эту диссертацию всем своим составом.

Не называет он т. Джумалиева потому, что тот является неизменным сотоварищем, соавтором по систематическим ошибкам Муканова в исследованиях по литературе XIX века и по всем его программам вузов.

Правильно указывали мне товарищи и по поводу отдельных моих ошибок по абаеведению. Особенно остро стал этот вопрос в связи с упомянутой выше диссертацией т. Мухамедханова “О поэтической школе Абая”. Я уже говорил о том, что вопрос об абаеведении и о его школе в целом не следует решать вкупе с вопросом о Кенесары. И с этим в основном согласилось большинство товарищей. Мы должны в ближайшее время сделать темой особой дискуссии вопросы абаеведения. А сейчас я коснусь вкратце только своих ошибок и одного вопроса, имеющего через Кокпяя, называемого мною и другими литературоведами учеником Абая, прямое отношение к вопросу о Кенесары и о его апологетах. Вначале я скажу о своих ошибках по Абая. В статье 1934 года “Литературное окружение Абая” я назвал Абая представителем либеральной группы казахских феодалов. Отсюда и считал, что при дальнейшем капиталистическом буржуазном развитии его общества, при отсутствии на него (правда, в ту пору недостаточно оцененного мною) влияния русских классиков он был бы одним из буржуазных панисламистов, пантюркистов типа Желалотдина афганского и Мухамеда Габдулу.

В той же статье я неправильно назвал в числе учеников Абая Шакарима — врага советского народа. Пусть там он только назван без всякой оценки и характеристики, но одно даже упоминание это было грубой политической ошибкой, вытекавшей из тогдашнего неправильного моего представления об Абая, как не народного, а далекого и чуждого народу поэта. Затем в 1940 году также, в одной фразе, в статье “Жизнь и творчество” я снова назвал в числе учеников Абая и Шакарима. Говоря об этих ошибочных героях, я должен подчеркнуть, что, конечно, яд и в миллиграмме остается ядом, хотя степень его вредности и различна. Однако моя оценка этого врага самого Абая, вышедшего из окружения Абая, и врага советского народа Шакарима, мы с Л. Соболевым вывели под именем Керима в нашей совместной пьесе 1940 года. Неправильно, ошибочно называл я в ранних своих статьях в числе учеников Абая Нармамбета — поэта-националиста, и также неверно назвал Турагула — сына Абая, переводчика “Челкаша” Горького и автора воспоминаний об отце своем.

Было так же ошибкой моей упоминание в одной из ранних статей о народной поэме Магавьи о “Шамиле”.

Что касается Кокпая, называть ли его учеником Абая или вычеркнуть его из числа последних, у нас сейчас идет спор в связи с вопросом о Кенесары. Кокпай написал в девяностых годах хвалебную буржуазно-националистическую поэму об Абае и дальше славословил Касыма, Саржана, Кенесары, Наурызбая, в этой последней части поэма вышла антирусской, националистической. И сейчас я спору с товарищами, утверждая, что надо говорить о Кокпае со всей глубиной, раскрывая, разоблачая его ошибку о Кенесары и, что еще важнее, по-моему, также раскрывая ошибки, противоречия и самого Абая, и всей его школы.

Если я ошибаюсь в этом вопросе, меня поправит общественность, но пока мне кажется гораздо более полезным и важным не становиться спиной к этому факту, т. е. становиться спиной к проблеме — это не решение вопроса (а вычеркнуть Кокпая и умолчать об ошибках абаевской школы приведет именно к этому), а наоборот, нужно обсуждать весь путь Кокпая со всеми его ошибками и положительными делами. Ведь как единственно оставшийся в живых человек ближайшего окружения Абая, он восполнил для издания 1933 года почти на одну треть уже исчезающие, забытые и важные произведения Абая.

А уж вовсе, по-моему, ошибаются те товарищи, которые говорили, что из-за Кокпая, написавшего о Кенесары, надо отказаться от всех поэтов абаевской школы.

Была еще попытка у одного товарища на основе сомнений, споров по поводу учеников Абая в исследовательской области, перенести свои сомнения также и на роман об Абае и ему казалось, что и в романе не должны быть эти люди. Это, конечно, тоже неверно. Потому что в романе должны быть и други, и недруги поэта, без борьбы его на этом фоне, среди этого окружения не может быть ни жизни поэта, ни трагедий и уродств его эпохи.

А касаясь споров наших относительно школы Абая, я на собрании Института языка и литературы сказал, что об этой школе пишу не только я, а писали и пишут также т. Джумалиев и его давний соавтор по учебникам и программам вузов тов. Муқанов. Они тоже называют учениками поэта

Магавью, Акылбая, Кокпая, Арипа. И я законно добавил, что если эти два товарища ныне осуждают меня, то прежде всего пусть сами скажут о том, что и они ошибались вплоть до 1950 года в своем учебнике, в своих трудах, признавая названных поэтов учениками Абая. При этом я сказал буквально: “Имейте мужество, признайтесь, а потом партия, научная общественность и объективный круг казахских писателей разберутся в ошибках ваших и моих и скажут свой суд, когда вы ошибались – раньше или теперь”.

И вот тут, за эти свои слова, я услышал от уважаемого товарища Муканова такую отповедь, которую не могу не привести здесь с чувством глубокого негодования и справедливой обиды. Он сказал мне: “На каком основании вы ссылаетесь на партию, вы что секретарь ЦК что ли, чтобы говорить от имени партии и т.д.?” Неужели выходит так, что если я ссылаюсь, надеюсь и верю на справедливый суд партии, отвечая на отдельные ошибочные, порою крикливо огульные обвинения зарывающихся товарищей, ссылаюсь, как на это имеет право любой честный советский гражданин, так неужели должен слышать такой окрик и осуждение со стороны очень ответственного за свои слова авторитетного товарища?

Не выходит ли это точно так же, как недавно еще осужденная ЦК ВКП(б) и всей писательской общественностью беликовщина?

За неимением времени я сейчас не могу остановиться на грубых политических ошибках, допущенных по поводу оценки Кенесары и его певцов в литературоведческих трудах тт. Исмаилова, Джумалиева и многих других. Об ошибках в программах и учебниках тов. Джумалиева я говорил достаточно подробно на предыдущих собраниях и о них еще более подробно высказалась наша печать. Добавлю лишь одно, что т. Джумалиеву чересчур много передоверило Министерство просвещения, а он не сумел достойно оправдать это доверие.

Сейчас и дальше остается одно перед нами – это по возможности полнее и глубже осознать наши ошибки и успешнее исправлять их. А для этого не нужно нам уподобляться одному субъекту из народной новеллы. Подкрался человек к спящему аулу, хотел стащить овцу

у соседа. Но встревоженный аул учинил погоню, и тогда этот человек мигом скрылся в кустах, пропустил мимо себя погоню и пустился за бегущими в суматохе. При этом он уже кричал громче всех, пуще всех: “лови вора!”, “бей вора”, “вяжи вора”.

Да не уподобятся некоторые из нас, более многих виновные по Кенесары, этому ночному фокуснику. Этот маневр не спасет никого, ибо наше общество не тот аул, и мы на самом деле не имеем ничего общего с тем ночным субъектом и тем более нам нечего уподобляться ему. Скажу в заключение, что лишь руководствуясь указаниями партии и опираясь на повседневную помощь партийно-советской общественности, мы, исследователи и писатели, сможем и обязаны ликвидировать этот большой и тяжелый прорыв, в котором оказалась молодая советская наука и частично литература по освещению истории культуры Казахстана.

ВЫСТУПЛЕНИЕ МУХТАРА АУЭЗОВА (НА XIV ПЛЕНУМЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР)

Товарищи!

Несмотря на то, что стало привычным, да и законным в известной мере ожидать от выступления представителей братских литератур освоения состояния и задач своей литературы, я не буду говорить в данном выступлении о казахской драматургии.

Я хочу высказаться, больше ссылаясь на примеры русской драматургии, и так же исходить из данных критической, исследовательской мысли о русской советской драматургии.

При этом, я полагаю, что не требует доказательств то положение, что проблемы русской советской драматургии являются общими и для всех братских литератур.

А русскую советскую драматургию и критическую литературу о ней можно назвать наивысшей, самой плодотворной и авторитетной лабораторией нашей страны... Результаты достижений и есть общее достояние всей литературы, искусства всех народов Союза.

Именно поэтому и проблемы, поставленные на их примерах, охватывают, охватывают задачи общие, основные для всего Союза.

Но прежде чем перейти к этой основной теме своего выступления, я хочу высказать лишь одно предложение — пожелание по поводу одной эффективной, действенной помощи драматургии и всему театральному искусству братских республик.

Так как нельзя помочь, не зная наличия и состояния драматургии в республиках, а не знать их также невозможно через подстрочные переводы пьес национальных авторов, или через одни рецензии местной прессы, да еще если

учесть, что вообще трудно получить полное представление о пьесе, когда она известна не вполноту ее бытия, т. е. без постановки ее на сцене, то я считаю первоочередной задачей помощи национальной драматургии со стороны русской литературы и искусства — это показ лучших пьес национальных авторов на сцене и на русском языке.

И вот для этой цели нахожу своевременным, безотлагательно насущным государственным мероприятием — создание особого и особенного по своему назначению театра во всесоюзной нашей столице Москве.

Это должен быть Театр дружбы народов. Все спектакли в нем должны ставиться, как я уже сказал, на русском языке, а репертуар должен состояться и обогащаться за счет лучших достижений всех братских литератур.

Во главе этого театра должен стоять один из выдающихся мастеров нашей сцены, и он должен привлекать к себе на помощь национальную режиссуру, художников, композиторов и т. д. из республик соответственно отобранным пьесам.

Данный театр мог бы стать истинной академической лабораторией, когда он начал бы представлять наилучшие достижения советской национальной драматургии в наиболее полноценном воплощении мастерами сцены, и когда по этим спектаклям развернулись бы критические высказывания теоретиков литературы и искусства да со страниц авторитетных союзных органов печати... мыслимый нами Театр дружбы народов будет повседневно и полнее знакомить зрителей столицы и многочисленных зарубежных гостей и союзного зрителя с жизнью, достижениями братских культур Союза. Этот театр будет многосторонне представлять широкий многонациональный фронт нашей литературы... театральной культуры.

Еще я подчеркиваю, что подобный театр широкого, и я бы сказал, очень высокого идейно-теоретического назначения, не должен создаваться как совершенно новый объект строительства, созидания и т. д. По моему глубокому убеждению, было бы гораздо (лучше) целесообразнее и легче организовать этот театр на базе всего существующего наличного в Москве, т. е., я полагаю, что было бы весьма возможным превратить в Театр дружбы народов один из столичных ведущих театров страны, как, скажем, театр

Вахтангова, Ленинского комсомола, Моссовета или Театр драмы и т.д.

Я решил внести данное свое предложение на обсуждение пленума потому, что здесь присутствуют деятели искусства, решающие все проблемные задачи всего союзного нашего искусства. А что давно пора конкретно поставить на повестку и разрешить вопрос о нашей повседневной, реальной творческой помощи искусству братских республик со стороны ведущих творческих сил Союза, не подлежит сомнению.

Переходя теперь к своей другой задаче, а именно высказать отдельные мысли и взгляды представителя братской литературы на состояние драматургии и критики о ней в русской советской литературе, в первую очередь я отмечаю безусловные громадные обретения советской литературы в области драматургии, обогатившей и поднявшей их на неизмеримо высокую, иную ступень, историческую ступень всю мировую драматургическую культуру, как вообще этого качества добилась литература социалистического реализма в нашей стране, как литература новой эры человечества.

В драматургии, я имею в виду нашу советскую классику, представленную пьесами “Любовь Яровая”, “Бронепоезд 14-69”, “Разлом”, “Шторм”, также мы не можем не отметить славно и достойно продолжающие их традиции пьесы Погодина, Афиногенова, а в годы Великой Отечественной войны пьесы Леонова, Симонова, Корнейчука, полноценно представляющего в своем творчестве достижения и украинской, и общесоюзной драматургии. Мы имеем также в виду пьесы Суркова, Софронова, Вирты и ряда других авторов, представивших серьезными своими творческими вкладами последних лет новые, правда, более замедленные и трудные, этапы развития советской драматургии.

Сопутствуя истории нашей революции со времени Октября, представляя в одном творческом плане художественно отображенные этапы восхождений страны социализма к всемирно историческим перевалам, вершинам созидательных лет — эта советская драматургия именно воплотила в своих дерзаниях и победах ранее неизведанные в мировой литературе и культуре реальности нашей величественной действительности.

Но тем не менее та же самая драматургия наша, представленная даже самым передовым ведущим отделом

драматургов нашей страны, ныне справедливо подвергается взыскательной, суровой принципиальной критике ее недостатков, имея своим намерением включиться в обсуждение задач и средств повышения идейно-художественного качества пьес на современную тематику, я остановлюсь в дальнейшем на одной лишь проблеме. Я имею в виду вопрос теории драмы в составе литературы социалистического реализма и марксистско-ленинской литературоведческой, искусствоведческой науки о ней.

У нас есть отдельные пьесы, высокохудожественные, большой обобщающей силы, но нет обобщающей их достижения отрасли науки, помогающей в свою очередь дальнейшему качественному культурному росту советской драматургии на сегодня. При этом, разумеется, ясно для нас, что в советской драме несомненно главенствующее значение принадлежит ее возвышенной идее, общественно значимой мысли, высоким моральным нормам советского гуманизма — короче, содержанию пьесы, отражающей величие нашей жизненной правды.

Но одновременно с этим немислимо и предание забвению вопросов формы, теории драмы. Между тем ведь нет, пожалуй, более строгого в своих требованиях к форме жанра, чем драматургия.

Помимо того, раз и навсегда отмерена длина пьесы в пределах 70—80 печатных страниц. Какой поэме, повести или роману предудказаны размеры их? А строгость в размере опять же признак строгости формы.

В любой пьесе непременно присутствуют основные ее элементы или компоненты, или занимающие довольно строго определенные свои части, доли в пьесе. Я имею в виду обязательные компоненты каждой пьесы, как: экспозиция, завязка, единое или сквозное действие, кульминация, развязка и т.д. По этим-то частям, компонентам и происходит ведь то или иное разрешение проблемы, конфликта по центральной, параллельной и побочной линиям борьбы. Однако и тем не менее нет стандарта формы драмы. При всей строгости ее законов построения, драматургия представляет огромное разнообразие индивидуального стиля и формы.

Вот этой-то сущности советской драматургии с ее сложившимися или слагающимися традициями, отличающими ее

от драматургии минувших эпох, и надо посвятить проблему разработки новой нашей теории драмы.

Безусловно, необходимо и важно было при этом отвергнуть нашей науке формалистическую теорию драмы. Но, отвергнув ее, мы покуда и даже довольно долго, оставляем невосполненным пробелом задачу разработки ее замены. А мы обязаны создать новую марксистско-ленинскую теорию драмы.

Между тем умалчивание, обход или игнорирование законов архитектоники драмы и признаков формы, явственно отличающих ее от поэзии и от прозы, характерны для современного состояния нашей литературоведческой мысли, что называется снизу доверху. Исключения составляют редкие труды, как, например, интересная, весьма ценная книга Е. Суркова о Треневе и отдельные статьи лишь последнего времени в “Литературной газете”.

Пробелы явственны, и проблемы разительно остро обнаженные требуют безотлагательных ответов по ним.

Для убедительности вышесказанного я обращаю ваше внимание на программы по истории литературы и притом по русской литературе для 9, 10 классов, хотя бы текущего 1953 года.

Наряду с ними сошлось и на новейший учебник по советской русской же литературе для 10 класса. Весьма характерно, что в этих программах и учебнике, когда речь идет о поэте, скажем, о Лермонтове, Некрасове, Маяковском, Тихонове, Твардовском, — мы наблюдаем известную и должную разносторонность, полноту охвата задачи исследования со стороны идеи, содержания и формы или специфики поэтики.

Несколько лучше, чем с драматургией, обстоит дело и в отношении прозы. Там упоминают, подчеркивают хотя бы некоторые особенности стиля, формы прозы Тургенева, указывают на его пейзаж, лиризм, психологию героев, на особенности его приемов повествования и т.д.

Все это представлено наряду с разносторонним, проникновенным и правильным анализом, характеристикой образов и языка Тургенева. Есть, хотя и далеко недостаточно, о вопросах формы, специфики стиля прозы и Фадеева по “Молодой гвардии”.

А вот возьмите в тех же учебниках и программах все сказанное о драматургии как таковой у Грибоедова, Островского, о классической русской драматургии, прогрессирующей на всем протяжении XIX века и овладевающей вершиной мировой драматургической культуры в творчестве Чехова, Горького на рубеже двух веков, и вы увидите, что нет никакого анализа с точки зрения раскрытия специфических особенностей их драматургического творчества, драматургического мастерства. Удивительно, но факт, что классические драматургические произведения Островского анализируются точно так же, по тому же методу разбора, “открываясь” одним лишь универсальным ключом, как анализируются романы Тургенева, Гончарова и т.д. со стороны лишь образа и языка.

А о Чехове в вузовской программе 1951 года сказано: “Новаторство Чехова прозаика и драматурга. Лаконизм, простота, объективность реалистической прозы и драматургии Чехова”, т. е. говорится в одной фразе единой характеристикой о его прозе и драматургии одновременно. Между тем Чехов-прозаик и Чехов-драматург при единой социально-исторической сущности его творений, тем не менее, в двух означенных жанрах писал весьма ярко, новаторски смело и максимально индивидуализированно. Он наполнял и обогащал эти жанры новым содержанием с новейшими формами. Далее в одной из этих программ о Шекспире сказано, отдавая, очевидно, скучную дань забытой, обойденной теории драмы, что “он (Шекспир), нарушил три единства” и только. И это единственный намек на существование проблемы формы, теории драмы, намек на специфику жанра. Что имеет непосредственное отношение к работе данного пленума, к деятельности писателей, критиков и печатных органов нашего Союза писателей — этой проблемой, хотя бы в связи с вопросом мастерства в драматургии, занялся и наш творческий актив писателей и критиков, непосредственно руководящих литературным процессом в нашей стране, непосредственно высказывавшихся за последние годы со времени появления знаменательной статьи “Правды” об отставании драматургии у нас.

К сожалению, не составили счастливого исключения из упомянутого ряда и обстоятельные по своей основной сути статьи гг. Ермилова, Храпченко о гоголевских традициях.

Так же не затронули проблем специфики драмы, ее теории и высказывания на страницах литературных журналов и “Литературной газеты” писателей: Симонова, Погодина, Катаева, критиков: Озерова, Абалкина, Караганова, Сухаревича, Марьямова, Трифоновой, Кедринной и других.

А т. Велихова в “Литературной газете”, недавно пообещав заголовком статьи и первыми абзацами начав обсуждение проблем композиции драмы, отошла от поставленной ею проблемы, повела, правда, серьезный разговор о пьесе “Нашествие”, но опять-таки не по линии раскрытия особенностей формы и в связи с ней проблемы мастерства в драматургии Леонова. Наряду со сделанным мною замечанием к статьям только что упомянутых товарищей, я безусловно признаю за ними истинные достоинства, когда они ведут глубокую разведку по исследуемым ими темам, пьесам по части идеи, образа и языка пьес.

Но разве не повседневно, взыскующе настойчиво, обращаются к критикам наиболее ответственно, требовательно мыслящие писатели, поэты, драматурги о своем искусстве, о проблеме мастерства в своем жанре именно по вопросу формы?

А мы, писатели, драматурги, в республиках встречаясь в своей практике с произведениями не только серыми, скучными, но вдобавок еще сырыми, безграмотными с точки зрения драматургической техники, естественно, как и во всех иных случаях нашей культурно-творческой жизни, обращаемся к достижениям русской советской драматургии, к новейшим плодотворным высказываниям авторитетных критиков со страниц печатных органов Союза. Ждем помощи их ведущей мысли в зрелых изысканиях, помогающих писателю овладеть умением создавать пьесу, создавать полноценное по содержанию и форме драматическое произведение.

Между тем, вдумываясь в содержание ряда статей со страниц центральных литературных журналов, с огорчением замечаешь многократные повторения многих уже известных, чересчур общих для всей литературы или для нескольких жанров, положений. При наличии явного разнообразия стилей, форм разбираемых пьес, статьи эти ведут однообразный, нивелирующий порою различия пьес анализ произведений. Характерно при этом, что даже

определение самого понятия конфликта и проблематики конфликта, т. е. самого как бы животрепещущего и нарочито выделяемого во всей остроте вопроса в связи с отставанием драматургии, формулируется очень общо, суммарно и туманно вдобавок. В результате вопрос о конфликте становится как бы центральным, всеобъемлющим вопросом для всех без исключения жанров литературы. Нам говорят, например, что: “проблема конфликта — это прежде всего проблема создания типических характеров...”, еще добавляют, что “произведение без ясно очерченных характеров — бесконфликтно, бездейственно” (“Новый мир”, № 5, 1953 г., ст. Абалкина “В поисках конфликта”). Спрашивается, разве эти определения относятся только лишь к драматургии? Разве в равной мере не та же проблема стоит перед романом, повестью и поэмой даже? Но если так, то почему же проблема конфликта ставится во весь рост в связи лишь с драматургией?

А ведь именно по драматургии, именно в связи с современными несовершенствами, недостатками безусловно правильно и остро, конкретно поставлен вопрос конфликта и бесконфликтности исключительно и касательно лишь драматургии.

Вопрос же о типичности и типическом, разрешенный во всей теоретической глубине и социально-исторической, философско-эстетической сущности на XIX съезде партии в докладе товарища Маленкова, во многих вышеупомянутых нами статьях по поводу всех других жанров, в том числе и по поводу драматургии, ставится и решается достаточно серьезно, научно-теоретически верно.

Проблему конфликта не следует комментировать расплывчато и отводя от его законной сферы — драматургического жанра. Нет нужды распространять ее на все виды литературы.

Ибо ясно, что когда речь идет о поэме, нельзя определяющим критерием ее содержания и формы ставить проблему конфликта. А вот в отношении драматургии вопрос о конфликте безусловно является одним из решающих элементов ее жанрового признака. Это и основной вопрос теории драмы, как вопрос об основном компоненте этого вида литературного творчества, так же как, скажем, элементы поэтики являются характеризующими признаками стиха.

Именно конфликт и есть в драматическом произведении наиболее определяющий и выделяющий драматургию от прозы, поэзии неперемный признак.

Пьеса любого вида строится, в резком отличие от других жанров, на заостренных и действенных контрастах, на множестве контрастов воли, чувств, замыслов, деяний, устремлений и т. д. А эти контрастные течения по центральным, параллельным и побочным линиям событий в драме и рождают, и развивают конфликт, что в свою очередь составляет стержень и суть настоящей, грамотно построенной драмы.

Таким образом, сказав о конфликте и поставив проблему о нем в центре нашего внимания, мы уже ведем рассуждения в сфере теории драмы. А коли так, надо эти рассуждения распространить на все другие основные компоненты драматургического произведения применительно к нашим творческим, историческим заданиям, а именно к задачам создания новой драматургии и ее новой марксистско-ленинской теории драмы.

Бесспорно, что драма в ее полнокровном, многосторонне художественном качестве не состоит только из одного конфликта между персонажами, характерами или образами. В ней присутствуют и многие другие основные компоненты, по которым и конфликты распределены в разной степени и стадии нарастания, нагнетания. Драма имеет свои совершенно отличные от прозы деления на акты и картины и помимо особых упомянутых выше основных компонентов, также имеет множество приемов, специфически свойственных драматургии, и т. д. и т. п.

А приемы эти в пьесе весьма многочисленны, и каждый прием, если он достаточно обыгран, играет решающую роль в оригинальном оформлении пьесы. Нельзя же поэтому литературоведческий анализ “Фомы Гордеева” и “На дне” свести к одним и тем же наблюдениям лишь по образу и языку, как это делают учебники и программы. Ставя несомненно основной и решающий вопрос о социально-исторической, идейно-художественной сущности пьесы и беря определяющим критерием при этом обрисовку образов в ней и степень художественной выразительности языка пьесы, и также говоря теперь о значительном решающем

элементе — о конфликте в драме, мы одинаково серьезно и широко должны изучить и все прочие особенности всей архитектоники драмы.

Я считаю программной задачей ближайшего времени изучение новаторских достижений нашей драматургии в плане разносторонне разнообразной, разработанной теории драмы. Тогда-то мы и установим, что “Любовь Яровая”, наша советская классика в драматургии, строится по другим и новейшим закономерностям в драматургии.

В какие рамки прежней драматургии и теории драмы возможно было бы, скажем, вогнать “Бронепоезд”, “Разлом”, где прием вещей, как-то бронепоезд 14-69, крейсер, уже играет формирующую роль в отношении характеров и конфликтов, ибо характеры выявляются соответственно среде условием борющихся контрастных групп. Какое тут может быть сходство с окружением “Вишневого сада”, где человек имеет застывший покой предметов его сада? Поглубже и тоньше выявлять революционно новое в самой форме, архитектонике таких пьес, как “Оптимистическая трагедия”, “Человек с ружьем”, “Гибель эскадры” и т. д.

Мы не станем тогда анализировать, оценивать и изучать такие замечательные пьесы, как “Русские люди”, “Фронт”, “Нашествие”, столь стандартно, нивелирующе однообразно и скучно, во-первых, и, во-вторых, не будем разбирать, изучать их точно как произведения прозы, только и строго однопланно лишь со стороны образов и языка. По-другому, иначе пишутся наши пьесы эпохи социализма. По-другому строится их архитектоника. Иные экспозиции характеров, обстоятельств. Не случайно, а в порядке ломки старых канонов драматургии тоже “Любовь Яровая” начинается с расстрела Грозного комиссаром Кошкиным. А ведь по старым канонам строгой теории драмы этот пистолет должен был стрелять только в четвертом и пятом актах. Так же иная совсем и центральная линия борьбы, единое действие у новых пьес эпохи революции. Другие, новые законы действительности, исторические закономерности типического в революции решают характеры параллельной линии борьбы, побочных линий.

Утверждаются не только идеи и содержанием пьесы, но и всей новой формой ее, новые проявления действенности и их стиливое, речевое выражение в устах персонажей.

Необходимо особо отметить, оценить и понять все новое, начатое великим основоположником пролетарской литературы А.М. Горьким в его бессмертных драматических творениях. А между тем порою мы и о горьковском драматическом наследии ведем разговор и разбор, стараясь оправдать творческий метод Горького перед лицом устарелых представлений о мнимой сценической бездейственности его пьес и т. д. Надо глубоко и по-новому изучать архитектонику драматургии Горького и учить, учиться тонко и глубоко понимать природу его мастерства в драматургии во всем его идейно-художественном значении, во всем своеобразном богатстве и новизне его формы.

Хотя А.М. Горький высказывался не лестно, а даже резко критически о своих пьесах, тем не менее мы знаем, что есть непревзойденное еще советской драматургией величие мастерства Горького в его пьесах. Я имею в виду глубинное, исчерпывающе полное выявление силы духа или ничтожества замкнутой орлиной мощи и... его персонажей. У него есть пленные орлы — люди, сгубленные или сдавленные этим пленом времени или безвременьем, но люди, подобные Нилу, составляющие резерв истории человечества для грядущих полетов вдаль. Поучительно и знаменательно, что люди у Горького, как ни у одного писателя его времени, показаны в максимальном выражении возможностей их природы, духа. С этой стороны закономерности формы и стиля у Горького еще многому должны научить советского драматурга, у которого люди в пору полного разворота их сил, дарований, обрисовываются в минимальном выражении возможностей их природы и духа.

Я подчеркиваю еще раз: нужно наряду с существующим и долженствующим глубоким анализом идеи, образа, языка осмыслить с точки зрения новой теории драмы, с позиций марксистско-ленинской эстетики новые, уже утвердившиеся в творческой практике ведущих наших драматургов законы драматургии социалистического реализма.

С этих-то позиций очень просто раскроется фальшивая, чуждая природе серьезного искусства, дефективная суть так называемой теории бесконфликтности в драматургии.

Не может быть построена драма на фальши событий, контрастов, едва прикрытых от зрителя. А ведь в драме

или пьесе вообще была допустима, при полноте других основных решающих качеств, так называемая мнимая борьба с мнимым героем или героями. Допускались на время подмены настоящего героя мнимым, подмены настоящей борьбы мнимой борьбой.

Но эти вещи преимущественно допускались в комедии. Классическим образцом чего и был “Ревизор”, построенный на приеме подмены героя. А для драмы этот прием не мог быть применен и пригоден. В драме и комедии могут быть мнимые основания конфликта, но не могут быть скольконибудь серьезные примеры мнимой борьбы. “Отелло”, “Маскарад” — измены нет, а борьба. Нужно сказать, что все наши пьесы, особенно обильные в республиках, строящиеся на искусственно длащихся недоразумениях с любовью, с временными расхождениями во мнениях, программах, положительно направленных целей к действию, спорах о методах, об открытии в науке, об усовершенствовании методов труда в производстве — все это в значительной степени и есть та же самая мнимая борьба, каковая ничуть не может служить оством серьезной драмы.

Между тем все эти темы могут составить крепкое единое действие пьесы, если характеры обретут горьковскую полноту их проявления, а борьба, истинность будут властвовать над волями людей до конца на жизненном недоразумении, просто должны быть осуждены и отвергнуты с позиции той же нашей многосторонне продуманной и разработанной новой теории драмы. Тогда-то мы легче одолеем ту антихудожественную, антиреалистическую поверхностность многих наших пьес, построенных по принципу бесконфликтности, или, иначе говоря, построенных как персонифицированный очерк, иллюстрируемый, исполняемый театральными средствами. Очерк, подбавленный жиденькой примесью видимых лишь внешних элементов драматургии.

Вот какие отдельные свои мысли и наблюдения я и хотел высказать к вниманию участников нашего пленума.

Москва. 1953 г. Октябрь

К ТЕЗИСАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПЛЕНУМЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

Имея своим намерением включиться в обсуждение задач и средств повышения идейно-художественного качества пьес на современную тематику, я остановлюсь в дальнейшем на одной лишь проблеме. Я имею в виду вопрос теории драмы в составе литературы социалистического реализма и марксистско-ленинской литературоведческой, искусствоведческой науки о ней. У нас есть отдельные высокохудожественные пьесы большой обобщающей силы, но нет обобщающей их достижения отрасли науки, помогающей в свою очередь дальнейшему качественному росту советской драматургии на сегодня. При этом, разумеется, ясно для нас, что в советской драме несомненно главенствующее значение принадлежит ее возвышенной идее, общественно значимой мысли, высоким моральным нормам советского гуманизма — короче, содержанию пьесы, отражающей величие нашей жизненной правды.

Но одновременно с этим немислимо и предание забвению вопросов формы, теории драмы. Между тем, ведь нет, пожалуй, более строгого в своих требованиях к форме жанра, чем драматургия. Помимо того, раз, навсегда отмерена длина пьесы в пределах 70—80 печатных страниц. Какой поэме, повести или роману предудказаны размеры их? А строгость в размере опять же признак строгости формы. В любой пьесе непременно присутствуют основные ее элементы или компоненты, занимающие довольно строго определенные свои части, доли в пьесе. Я имею в виду обязательные компоненты каждой пьесы, как экспозиция, завязка, единое или сквозное действие, кульминация, развязка и т.д. По этим частям, компонентам и происходит ведь то или иное разрешение проблемы конфликта по центральной, параллельной и побочной линиям борьбы. Однако и тем

не менее нет стандарта формы драмы. При всей строгости ее законов построения, драматургия представляет огромное разнообразие индивидуального стиля и формы. Вот этой-то сущности советской драматургии с ее уже сложившимися или слагающимися традициями, отличающими ее от драматургии минувших эпох, и надо посвятить проблему разработки новой нашей теории драмы.

Безусловно, необходимо и важно было при этом отвергнуть нашей науке формалистическую теорию драмы. Но отвергнув ее, мы покуда и уже довольно долго, оставляем невосполненным пробелом задачу разработки ее замены. А обязаны создать новую, марксистско-ленинскую теорию драмы.

Между тем умалчивание, обход или игнорирование законов архитектоники драмы и признаков формы, явственно отличающих ее от поэзии и от прозы, характерны для современного состояния нашей литературоведческой мысли, что называется снизу доверху. Исключение составляют редкие труды, как, например, интересная, весьма ценная книга Е. Суркова о Треневе и отдельные статьи лишь последнего времени в “Литер[атурной] газете”. Пробелы явственны, и проблемы разительно остро обнаженные требуют безотлагательных ответов по ним.

Для убедительности вышесказанного я обращаю ваше внимание на программы по истории литературы и при том по русской литературе для девятого, десятого классов хотя бы текущего 1953 года.

Наряду с ними сошлюсь и на новейший учебник по советской русской же литературе для десятого класса. Весьма характерно, что в этих программах и учебнике, когда речь идет о поэте, скажем, о Лермонтове, Некрасове, Маяковском, Тихонове, Твардовском, — мы наблюдаем известную и должную разносторонность, полноту охвата задачи исследования со стороны идеи, содержания и формы или специфики поэтики.

Несколько лучше, чем с драматургией, обстоит дело и в отношении прозы. Там упоминают, подчеркивают хотя бы некоторые особенности стиля, формы прозы Тургенева, указывают на его пейзаж, лиризм, психологию героев, на особенности его приемов повествования и т. д. Все это представлено наряду с разносторонним проникновенным

и правильным анализом, характеристикой образов и языка Тургенева. Есть, хотя и далеко недостаточно, о вопросах формы, специфики стиля прозы и Фадеева по “Молодой гвардии”.

А вот возьмите в тех же учебниках и программах все сказанное о драматургии как таковой у Грибоедова, Островского, о классической русской драматургии, прогрессирующей на всем протяжении XIX века и овладевающей вершиной мировой драматургической культуры в творчестве Чехова, Горького на рубеже двух веков, и вы увидите, что нет никакого анализа с точки зрения раскрытия специфических особенностей их драматургического творчества, драматургического мастерства. Удивительно, но факт, что классические драматургические произведения Островского анализируются точно так же, по тому же методу разбора, “открываясь” одним лишь универсальным ключом, как анализируются романы Тургенева, Гончарова и т. д. со стороны лишь образа и языка.

А о Чехове в вузовской программе 1951 года сказано: “Новаторство Чехова прозаика и драматурга. Лаконизм, простота, объективность реалистической прозы и драматургии Чехова”, т. е. говорится в одной фразе единой характеристикой о его прозе и драматургии одновременно. Между тем Чехов-прозаик и Чехов-драматург при единой социально-исторической сущности его творений, тем не менее, в двух означенных жанрах писал весьма ярко, новаторски смело и максимально индивидуализированно. Он наполнял и обогащал эти жанры новым содержанием, с новейшими формами.

Далее. В одной из этих программ о Шекспире сказано, отдавая, очевидно, скудную дань забытой, обойденной теории драмы, что “он (Шекспир), нарушил три единства” и только. И это единственный намек на существование проблемы формы, теории драмы, намек на специфику жанра, над которым, признавая его трудность, особенную требовательность к автору, трудились в веках, поколениях классики мировой и русской драматургии.

Вот так обходят специфику драматического жанра, проблематику теории драмы не только программы и учебники средних школ, а как было сказано выше, обходит наша литературоведческая наука и критика — снизу до-

верху. Конкретно, так же, и не лучше с этим вопросом обстоит и в вузовских программах наших литературоведческих филологических факультетов и вузов. Что имеет непосредственное отношение к работе данного пленума, к деятельности писателей, критиков и печатных органов нашего Союза писателей – этой проблемой, хотя бы в связи с вопросом мастерства в драматургии занялся и наш творческий актив писателей и критиков, непосредственно руководящих литературным процессом в нашей стране, непосредственно высказывавшихся за последние годы со времени появления знаменательной статьи “Правды” об отставании драматургии у нас. К сожалению, не составили счастливого исключения из упомянутого ряда и обстоятельные по своей основной сути статьи тт. Ермилова, Храпченко о гоголевских традициях. Так же не затронули проблем специфики драмы, ее теории и высказывания на страницах литературных журналов и “Литературной газеты” писателей Симонова, Погодина, Катаева, критиков: Озерова, Абалкина, Караганова, Сухаревича, Трифионовой, Марьямова, Кедриной и других.

А т. Велихова в “Лит[ературной] газете”, недавно пообещав заголовком статьи и первыми абзацами начав обсуждение проблем композиции драмы, отошла от поставленной ею проблемы, повела, правда, серьезный разговор о пьесе “Нашествие”, но опять-таки не по линии раскрытия особенностей формы и в связи с ней проблемы мастерства в драматургии Леонова. Наряду со сделанным мною замечанием к статьям только что упомянутых товарищей, я безусловно признаю за ними истинные достоинства, когда они ведут глубокую разведку по исследуемым ими темам, пьесам по части идеи, образа и языка пьес. Но разве не повседневно, взыскующе настойчиво, обращаются к критикам наиболее ответственно, требовательно мыслящие писатели, поэты, драматурги о своем искусстве, о проблеме мастерства в своем жанре, именно по вопросу формы?

А мы, писатели, драматурги, в республиках встречаясь в своей практике с произведениями не только серыми, скучными, но вдобавок еще сырыми, безграмотными с точки зрения драматургической техники, естественно, как и во всех иных случаях нашей культурно-творческой жизни, обращаемся к достижениям русской советской

драматургии, к новейшим плодотворным высказываниям авторитетных критиков со страниц печатных органов Союза. Ждем помощи их ведущей мысли в зрелых изысканиях, помогающих писателю овладеть умением создавать пьесу, создавать полноценное по содержанию и форме драматическое произведение.

Между тем, вдумываясь в содержание ряда статей со страниц центральных литературных журналов, с огорчением замечаешь многократные повторения многих уже известных, чересчур общих для всей литературы или для нескольких жанров положений. При наличии явного разнообразия стилей, форм разбираемых пьес, статьи эти ведут однообразный нивелирующий порою различия пьес, анализ произведений. Характерно при этом, что даже определение самого понятия конфликта и проблематики конфликта, т. е. самого как бы животрепещущего и нарочито выделяемого во всей остроте вопроса в связи с отставанием драматургии, формулируется очень общо, суммарно и туманно вдобавок. В результате вопрос о конфликте становится как бы центральным, всеобъемлющим вопросом для всех без исключения жанров литературы. Нам говорят, например, что: “Проблема конфликта – это прежде всего проблема создания типических характеров...”, еще добавляют, что “произведение без ясно очерченных характеров – бесконфликтно, бездейственно”*. Спрашивается, разве эти определения относятся только лишь к драматургии? Разве в равной мере не та же проблема стоит перед романом, повестью и поэмой даже? Но если так, то почему же проблема конфликта ставится во весь рост в связи лишь с драматургией?

А ведь именно по драматургии, именно в связи с современными несовершенствами, недостатками безусловно правильно и остро, конкретно поставлен вопрос конфликта и бесконфликтности исключительно и касательно лишь драматургии.

Вопрос же о типичности и типическом, разрешенный во всей теоретической глубине и социально-исторической, философско-эстетической сущности на XIX съезде партии в докладе т. Маленкова, во многих вышеупомянутых нами

---

* Новый мир. 1953. № 5. Ст. Абалкина “В поисках конфликта”.

статьях и по поводу всех других жанров, в том числе и по поводу драматургии, ставится и решается достаточно серьезно, научно-теоретически верно.

Проблему конфликта не следует комментировать расплывчато и отводя от его законной сферы – драматургического жанра. Нет нужды распространять ее на все виды литературы. Ибо ясно, когда речь идет, скажем, о поэме, нельзя не определяющим критерием ее содержания и формы ставить проблему конфликта.

А вот в отношении драматургии вопрос о конфликте безусловно является одним из решающих элементов ее жанрового признака. Это и основной вопрос теории драмы, как вопрос об основном компоненте этого вида литературного творчества, так же как, скажем, элементы поэтики являются характеризующими признаками стиха.

Именно конфликт и есть в драматическом произведении наиболее определяющий и выделяющий драматургию от прозы, поэзии непереманный признак.

Пьеса любого вида строится, в резком отличие от других жанров, на заостренных и действенных контрастах, на множестве контрастов воли, чувств, замыслов, деяний, устремлений и т. д. А эти контрастные течения по центральному, параллельным и побочным линиям событий в драме и рождают, и развивают конфликт, что в свою очередь составляет стержень и суть настоящей, грамотно построенной драмы.

Таким образом, сказав о конфликте и поставив проблему о нем в центре нашего внимания, мы уже ведем рассуждения в сфере теории драмы. А коли так, надо эти рассуждения распространить на все другие основные компоненты драматургического произведения применительно к нашим творческим, историческим заданиям, а именно к задачам создания новой драматургии и ее новой марксистско-ленинской теории драмы.

Бесспорно, что драма в ее полнокровном, многосторонне художественном качестве не состоит только из одного конфликта между персонажами, характерами или образами. В ней присутствуют и многие другие основные компоненты, по которым и конфликты распределены в разной степени и стадии нарастания, нагнетания. Драма имеет свои совершенно отличные от прозы деления на акты и картины,

на экспозиции, завязку и развязку, на определяющее собою всю тему в единое действие и, помимо особых упомянутых выше основных компонентов, также имеет множество приемов, специфически свойственных драматургии, и т.д.

А приемы эти в пьесе весьма многочисленны, и каждый прием, если он достаточно обыгран, играет решающую роль в оригинальном оформлении пьесы. Нельзя же поэтому литературоведческий анализ “Фомы Гордеева” и “На дне” свести к одним и тем же наблюдениям лишь по образу и языку, как это делают учебники и программы.

Ставя несомненно основной и решающий вопрос о социально-исторической, идейно-художественной сущности пьесы и беря определяющим критерием при этом обрисовку образов в ней и степень художественной выразительности языка пьесы, и также говоря теперь о значительном решающем элементе — о конфликте в драме, мы одинаково серьезно и широко должны изучать и все прочие особенности всей архитектоники драмы.

Я считаю программной задачей ближайшего времени изучение новаторских достижений нашей драматургии в плане разносторонне разработанной теории драмы. Тогда-то мы и установим, что “Любовь Яровая” — наша советская классика в драматургии, строится по другим и новейшим закономерностям в драматургии. В какие рамки прежней драматургии и теории драмы возможно было бы, скажем, вогнать “Бронепоезд”, “Разлом”, где прием вещи, как-то бронепоезд, крейсер, уже играет формирующую роль в отношении характеров и конфликтов, ибо характеры выявляются соответственно среде, условиям борющихся контрастных групп. Какое тут может быть сходство с вещным окружением “Вишневого сада”, где человек имеет беспорывный застывший покой предметов его среды. Поглубже и тоньше выявлять революционное, новое в самой форме архитектоники таких пьес, как “Оптимическая трагедия”, “Человек с ружьем”, “Тибель эскадры” и т.д. Мы не станем тогда анализировать, оценивать и изучать такие замечательные пьесы, как “Русские люди”, “Фронт”, “Нашествие” столь стандартно, нивелирующе однообразно и скучно, во-первых, и, во-вторых, не будем разбирать, изучать их точно как произведения прозы, только строго

однопланово лишь со стороны образов и языка. По-другому, иначе пишутся наши пьесы эпохи социализма. По-другому строится их архитектоника. Иные экспозиции характеров, обстоятельств. Не случайно, а в порядке ломки старых канонов драматургии “Любовь Яровая” начинается с расстрела Грозного комиссаром Кошкиным. А ведь по старым канонам строгой теории драмы этот пистолет должен был стрелять только в четвертом и пятом актах, так же иная совсем и центральная линия борьбы, единое действие у новых пьес эпохи революции. Другие, новые законы действительности, исторические закономерности типического в революции решают характеры параллельной линии борьбы, побочных линий.

Утверждаются не только идей и содержанием пьесы, но и всей новой формой ее, новые проявления действительности и их стилевое, речевое выражение в устах персонажей.

Необходимо особо оценить и понять все новое, начатое великим основоположником пролетарской литературы А.М. Горьким, в его бессмертных драматических творениях. А между тем порою мы и о горьковском драматическом наследии ведем разговор и разбор, стараясь оправдать творческий метод Горького перед лицом устарелых представлений о мнимой сценической бездейственности его пьес и т.д. Надо глубоко и по-новому изучать архитектонику драматургии Горького и учить, учиться тонко и глубоко понимать природу его мастерства в драматургии во всем его идейно-художественном значении, во всем своеобразном богатстве и новизне его формы.

Хотя А.М. Горький высказался не лестно, а даже критически о своих пьесах, тем не менее мы знаем, что есть непревзойденное еще советской драматургией величие мастерства Горького в его пьесах. Я имею в виду глубинное, исчерпывающе полное выявление силы духа или ничтожества замкнутой орлиной мощи его персонажей. У него есть пленные орлы — люди, сгубленные или сдавленные этим пленом времени или безвременьем, но люди, подобные Нилу, составляющие резерв истории человечества для грядущих полетов вдаль. Поучительно и знаменательно, что люди у Горького, как ни у одного писателя его времени, показаны в максимальном выражении возможностей их

натуры, духа. С этой стороны закономерности формы и стиля у Горького еще многому должны научить советского драматурга, у которого люди в пору полного разворота их сил, дарований, обрисовываются в минимальном выражении возможностей их природы и духа.

Я подчеркиваю еще раз: нужно наряду с существующим и долженствующим глубоким анализом идеи, образа, языка осмыслить с точки зрения новой теории драмы, с позиций марксистско-ленинской эстетики новые, уже утвердившиеся в творческой практике ведущих наших драматургов законы драматургии социалистического реализма.

С этих-то позиций очень просто раскроется фальшивая, чуждая природе серьезного искусства, дефективная суть так называемой теории бесконфликтности в драматургии.

Не может быть построена драма на фальши событий, контрастов, едва прикрытых от зрителя. А ведь в драме или пьесе вообще была допустима, при полноте других основных решающих качеств, так называемая мнимая борьба с мнимым героем или героями. Допускались на время подмены настоящего героя мнимым, подмены настоящей борьбы мнимой борьбой.

Но эти вещи преимущественно допускались в комедии. Классическим образцом чего и был “Ревизор”, построенный на приеме подмены героя. А для драмы этот прием не мог быть применен и пригоден. В драме и комедии могут быть мнимые основания конфликта, но не могут быть сколько-нибудь серьезные примеры мнимой борьбы. “Отелло”, “Маскарад” — измены нет, а борьба нещадная насмерть... Нет ничего хуже снятия конфликта к концу отдельных наших пьес. Если стать на путь ликвидированных недоразумений тоже было бы никаких трагедий Отелло, Арбенина и т.д. Нужно сказать, что все наши пьесы, особенно обильные в республиках, строящиеся на искусственно длящихся недоразумениях с любовью, с временными расхождениями во мнениях, программах, положительно направленных целей к действию, спорах о методах, об открытии в науке, об усовершенствовании методов труда в производстве — все это в значительной степени и есть та же самая мнимая борьба, каковая ничуть не может служить остоном серьезной драмы.

Между тем все эти темы могут составить крепкое единое действие пьесы, если характеры обретут горьковскую полноту их проявления, а борьба, истинность будут властвовать над волями людей до конца. Творческие недоразумения, построенные на жизненном недоразумении, просто должны быть осуждены и отвергнуты с позиции той же нашей многосторонне продуманной и разработанной новой теории драмы. Тогда-то мы легче одолеем ту антихудожественную, антиреалистическую поверхностность многих наших пьес, построенных по принципу бесконфликтности, или, иначе говоря, построенных как персонифицированный очерк, иллюстрируемый, исполняемый театральными средствами. Вящий очерк, подбавленный жиденькой примесью видимых лишь внешних элементов драматургии.

Вот какие отдельные свои мысли и наблюдения я и хотел высказать к вниманию участников нашего пленума.

Москва. 1953 г. Октябрь

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА НА ПРЕДСЪЕЗДОВСКОМ СОБРАНИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ СССР В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Товарищи, мой раздел содоклада о художественном переводе литератур народностей СССР посвящается переводу художественной прозы, и я начинаю свои тезисы с того положения, что решительно и категорически отвергаю утверждение Жуковского, что переводчик прозы – раб, а переводчик поэзии – соперник.

Переводчик прозы в нашем понимании не раб, а человек, который в процессе перевода совершает творческий художественный акт. Переводчик прозы совершает такой же творческий художественный акт, что и переводчик поэзии.

Если мыслить в плане обычных дружеских взаимоотношений, то и переводчик поэта не соперник ему, и переводчик прозы не раб автора, а между переводчиком прозы и поэзии и автором оригинала существует содружество. Должен при этом оговориться, что и мы, два содокладчика – Антокольский и Ауэзов – тоже не соперники. Мы, два докладчика, подобно тому, как два коня в одной упряжи. Не может быть соперничества между двумя конями, которые везут один воз. Хорошо было бы, если бы мы совсем не повторяли друг друга. Но дело в том, что проведение подготовки к съезду (и об этом я хочу сказать на заседании секретариата) вызывает у меня чувство глубокого недоумения, и вот, в частности, в каком отношении: ведь каждый содоклад должен быть подчинен основному докладу, и мне думается, что основной докладчик, имея в виду, что его положения будут развиваться и углубляться содокладами, должен был побеседовать с нами и дать некоторые установки и предубаждения его мыслей о художественном переводе. Но, увы, ничего этого не было, и

каждый из нас принес на ваше обсуждение и желая выслушать ваши критические замечания то, что он несет в себе.

Я до сих пор, к счастью, не являлся теоретиком по вопросам перевода, но практически имел к этому отношение, поскольку переводил Толстого, отдельные рассказы Чехова, некоторые произведения наших советских писателей – Тренева “Любовь Яровую”, Погодина, Крона; переводил трагедию Шекспира “Отелло” и “Укрощение строптивой” – через русскую лексику.

Вот каково мое практическое отношение к переводу. Мои теоретические размышления складываются на основании личного опыта перевода прозы и драматургических произведений.

Надо сказать, что пока и я, и другие переводчики больше учатся друг у друга, чем у общей теории перевода.

Вот эти некоторые общие положения я хотел предположить моему сообщению.

Мой раздел содоклада довольно длинен, думаю, что потом укорочу его. Я пошел по принципу того, что если делаешь вещь из дерева, то делай длиннее, так как укоротить потом будет не трудно, если же из железа – то короче, так как удлинить потом будет не трудно.

Я подошел по принципу столяра, что здесь не трудно будет укоротить. Я в своей части доклада касаюсь состояния теории переводческого искусства. Теория перевода отстает у нас от других отраслей теории литературы, литературоведения, критики, от практических успехов в области перевода. Теория перевода находится в состоянии становления. Она не охватывает многого, что следовало охватить в теории перевода, не занимается глубоким монографическим изучением на примерах переводов, так как не изучаются систематически переводы на русский язык. Переводы на русский язык обсуждаются, главным образом, по линии недочетов, огрехов, а теория перевода должна была бы строиться на подлинных достижениях, подлинных шедеврах – переводах Маршака, Лозинского и других, на широкой базе изучения всех сторон перевода, большой творческой работы, проделанной тем или другим хорошим переводчиком. А у нас теория строится на отдельно вырванных словах.

С другой стороны, теория перевода в Советском Союзе вместо того, чтобы обосновывать большую разностороннюю практику перевода, занимается односторонним изучением переводов на русский язык. Это очень важно, так как двухвековой опыт переводов на русский язык стоит того, чтобы им заниматься теоретически более глубоко. Но этого недостаточно. Говоря о художественном переводе, надо иметь в виду, что переводы с русского языка на языки наших народностей имеют большое воспитательное и литературно-историческое значение. Из 119 языков, на которых говорят народности Советского Союза, десятки языков до революции не имели письменности, книг, культуры. Сейчас для них русский язык — это прежде всего источник обогащения, источник развития этих языков.

Кроме того, даже народности, у которых была письменность до революции, учатся на переводах с русского языка, обогащают выразительные возможности своего языка. Мы знаем, что сейчас с русского языка на языки всех народностей Советского Союза переводятся труды Ленина и Сталина, труды классиков марксизма-ленинизма и другие произведения: поэзия, художественная проза, публицистика, произведения из области науки, философии, учения о государстве, теории искусств и т.д.

...Так что надо теоретикам, занимающимся вопросами перевода, больше изучать состояние и задачи перевода с русского языка на 70—80 активно действующих языков. Однако теоретики этой стороной почти не занимаются.

Поэтому из того, что составляет вообще первооснову любой науки — широкого разнообразия материала, опыт переводов с национальных многих языков на русский и с русского на многие национальные языки, учет этого опыта был бы важнейшим средством для того, чтобы выработать действенные и убедительные нормативы перевода. Очень важно учесть опыт силлабического строя, метрического строя при переводе, например, с русского языка на бурято-монгольский, на туркменский и т.п. и обратно при переводе с этих языков на русский. Еще к недостаткам работы в области перевода нужно отнести то, что переводы у нас часто критикуются как-то странно, с точки зрения лишь недостатков, теневых сторон, а настоящий хороший опыт

перевода, как Лозинского, переводы западной и восточной классики, переводы Маршака и многих других товарищей, вместо глубокого изучения их опыта, лишь походя отмечаются. Положительным моментам как-то почти не уделяется внимания, но зато с тем большим вниманием останавливаются на недостатках, на теневых сторонах. Это, конечно, нужно, но неправильно, когда лишь теньевые стороны освещаются по всей нашей необъятной стране, когда на страницах республиканской печати появляется только серия анекдотов, переводческих курьезов. А ведь именно по такому признаку проходили все республиканские совещания, посвященные вопросам перевода два года тому назад. Такое же положение было и на всесоюзном совещании очеркистов, когда каждый выступающий считал обязательным привести какую-то порцию переводческих анекдотов. Причем наиболее острой критике подвергался подстрочный перевод.

А какое отношение к переводу с русского на казахский и на узбекский? И к обратному переводу. Более антинаучного, более несправедливого отношения к переводу не может быть.

А из лучших переводов Маршака из Бернса – и обратно на английский язык – могли привести только какие-то мелкие нелепицы. Если бы средневековую латынь начать переводить с перевода Данте, сделанного Лозинским¹, получились бы какие-то нелепости. А таким образом критикуют состояние переводов почти во всех республиках. Все республиканские газеты на русском и национальном языках тешатся этим, думая, что это критика перевода. Начинают, например, смотреть, как переведен Маяковский на узбекский, тюркский язык и т.д., начинают переводить обратно с узбекского, тюркского, других языков на русский язык. Мы должны высказать отрицательное отношение к такого рода проверке переводов.

Таким образом можно легко охаять любую хорошую работу, потому что у самого лучшего переводчика могут быть единичные досадные огрехи. Абдула Кахар – прекрасный стилист, замечательно переводит на узбекский язык Гоголя, который ему по духу, а в одном месте, когда героиня пьесы “Женитьба” выходит к женихам, он вместо слова “раздетая” переводит “раздетая”. Но из этого нельзя сделать вывод, что он не умеет переводить. Это один

из лучших переводчиков. Такие курьезы могут быть и у Лозинского, и у Маршака. Нельзя ловить переводчика на курьезах. Это неправильный подход.

Сейчас перед нами стоит вопрос о национальной форме. Мы на съезде должны говорить о проблеме национальной формы. Эта проблема еще неясна в произведениях социалистического реализма, а переводчики прежде всего с ней сталкиваются. Теоретик литературы, может быть, не всегда с ней встречается, а перед переводчиком, особенно современных образцов прозы, она стоит ежедневно. Это связано с традициями прошлого, но сейчас надо говорить не о них, а о том, как динамически меняется старая форма.

По определению Сталина, национальные признаки формы и психологические законы языка подвергаются изменениям. Все языки 119 наших народностей стараются освоить наследие классиков марксизма-ленинизма и успевают в этом отношении, не говоря о переводчиках Пушкина, Гоголя, Маяковского.

Только при переводе шеститомника Ленина было применено две с половиной тысячи слов русских и иностранных, а это может составить словарный запас среднего конторщика, среднего интеллигента, как когда-то говорили.

Это в отношении словарного состава. Кроме того, идет обогащение в отношении интонации, ритма. Возьмите, например, перевод Маяковского. Я докладчик по прозе, но меня тянет в сторону поэзии, так как у меня в этой области большая практика и опыт. Меня, например, очень приятно поразил перевод очень талантливого киргизского поэта А. Осмонова², к сожалению, ныне покойного, который очень хорошо перевел “Рыцаря в тигровой шкуре” и замечательно он перевел 19-ю главу Маяковского, прекрасно передав рифму, строфу, синтаксический строй. Это не значит, что подлежащее, сказуемое и т.д. на том же месте, что и в русском языке, нет, но он перенес синтаксический строй русской культуры, обогатив тем самым и киргизский язык, но вместе с тем он передал все это средствами своего родного языка, он переводил с русского, не нарушая вместе с тем свой язык.

Таким образом, литературы народов, которые до революции почти не имели письменности, теперь овладевают даже сложной формой Маяковского.

То, что так хорошо переведено, вошло в золотой фонд киргизской литературы и, значит, киргизская национальная форма сдвинулась с места, развивается динамически, и не остается в статическом состоянии.

Фирдоуси, Низами, Руставели и не только они, но даже Ахундов, Шевченко, Абай — все эти переводы значительно обогатили национальный язык, обновили развитие языка в отношении новых словообразований, словосочетаний, нового словесного строя. Посмотрите, как пишут ныне такие поэты, как Павло Тычина, как Самед Вургун и т.д. и т.п. Если проследить все это исторически, то видно, что национальная форма меняется в связи с изменением психического склада людей, и язык меняется в результате культурно-экономических изменений, происшедших в жизни данного народа.

Это должно быть учтено при переводе поэта, у которого нужно улавливать эти новшества, которые он вводит, так как уже новые мысли и чувства отражаются в его стихе, и это должно быть отражено при переводе его на русский язык.

Сейчас у нас два направления наметились по отношению к проблеме перевода. Одно — лингвистическое (Федоров)³, другое, разработанное Чуковским, Кашкиным, Россельсом и другими, которые высказываются по вопросам перевода, теории его, с позиции эстетических принципов, рассматривая проблему перевода с точки зрения достижений литературоведческой науки, беря при этом в основу эстетический принцип.

Из этих двух уклонов докладчик разделяет линии последней группы товарищей и считает, что перевод — это не только языковое творчество. Федоров называет языковым творчеством каждый перевод. Это творчество в пределах языка. Оно не совпадает с тем творчеством, которое мы имеем перед собой на таком факте, как “Русский язык” Виноградова. Это творчество в порядке лингвистики.

Любой перевод может быть назван переводом. Здесь имеет место не только словесный перевод, но и эмоция, сложный комплекс состояния. Это очень полноценная вещь как для читателя, так и для писателя, для переводчика. Это чудесный труд, где переводчик выступает как соавтор. Он придает переводу дополнительные ассоциации, в данном случае он перепевает. Эти моменты надо особо учитывать.

Вместе с тем, мы согласны и с представителями другого уклона, которые считают, что нет неперевоаемой литературы. Это для нас очень принципиальный вопрос. Мы отрицаем мнимую фатальную неодолимость в вопросах перевода. Переводчики, которые переводят советских писателей на русский язык и с русского языка, делают одно большое дело. Это школа перевода. В творческом переводе участвуют идеологические элементы, и, перепеая друг друга, они идут к одной цели — к воздействию на эмоции, на восприятие слушателя, читателя. В данном случае мы смотрим с принципиальной точки зрения, что советская переводческая школа основана на методе социалистического реализма. У каждого переводчика, когда он совершает художественный творческий акт, участвует его мировоззрение, участвуют его ум и сердце. Это необходимо, чтобы выходил перевод как следует. Каждый факт перевода мы понимаем как важнейший идейно-политический, культурный акт. Поэтому, подходя к коллективному обсуждению проблем перевода с точки зрения мировоззренческих, теоретических, научных принципов, обмениваясь опытом по переводам на языки наших народностей, мы уверенно приходим к выводу, что нет неперевоаемых явлений литературы, ибо противоположное утверждение связано с верой в фатальную неодолимость текстов, которая воздвигает стену, разъединяющую самые важнейшие отрасли духовной культуры народов. В этом смысле мы считаем, что нужно скорее совместными усилиями, учитывая широкий опыт переводов наших товарищей, опыт переводов с многих иноязыков на русский и с русского на многие иноязыки... У нас доклад стоит “Художественный перевод литератур народов СССР”, а западный перевод нужно учитывать, когда мы говорим о переводе на русский язык, — так вот, сейчас перед нами задача учесть весь этот опыт нашего литературного строительства, стремясь при этом к тому, чтобы выработать какие-то нормативы. И эти нормативы по вопросу о переводе позволят нам сделать некоторые итоги.

Что нужно устранить из нашей практики?

У нас в переводах на русский язык во многих произведениях братских литератур есть грубые ошибочные явления. Это часто вытекает из благого желания улучшить оригинал национального автора. Поэтому часто производят большие

сокращения, и произведение, имеющее, например, 40 п.л. в оригинале, в переводе сводится к 20 п.л. Отсекается из романа 9–10 п.л. Роман в 25 п.л. теряет в переводе на русский язык 5 п.л. И т.д. и т.д. Из романа выходит новелла, из новеллы – рассказ.

Этим занимаются и редакционная коллегия, и редакционный совет при издательстве, и переводчики.

Такая практика должна быть устранена. Почему? Потому что это ненормально. Так “улучшать” нельзя.

Тут возможно двойное положение. С одной стороны, может быть произведение сырое и из него должно уйти столько-то воды и всяких “воздушных ям”, – в таком случае надо вернуть его национальному автору, и он должен сам произвести эти сокращения, конечно, при помощи и совете квалифицированного руководителя. Но переводчик своей рукой не должен делать этих сокращений.

Такого рода “улучшения” нужно ликвидировать. Для этого практику отдельных издательств нужно направить на более рациональные рельсы.

Под видом такого рода “улучшений” иногда допускается полный произвол. Произведение, может быть, совсем не терпит этих сокращений и режут по “живому мясу”, и часто автор даже не знает об этом.

Сокращения должны делаться только автором, но не переводчиком и не редактором.

И еще недостаток при переводе на русский язык со многих иноязыков (об этом писал в свое время, лет 15–20 тому назад, Чуковский в первом сборнике статей): что переводят на довольно обедненный русский язык. Это самое горькое. Мне лично повезло в этом отношении, но другим – нет, большинству авторов. Я читал произведения на 7–8 братских национальных языках в оригинале и в переводе и могу сказать, что часто читая перевод на русский язык, удивляешься обедненности этого русского языка.

Этот богатейший арсенал со всеми выразительными средствами и возможностями русского языка мало используется. Это имеет место во всех переводах. И когда переводят Бальзака, то эти переводы не доведены до русского читателя, как произведения Толстого, которые он читает на русском языке. Но там оригиналы переводятся людьми, знающими

язык. А когда производится перевод с подстрочника, то, надо сказать, что подстрочник — это самый плохой соединитель между читателем и автором. Подстрочник не только не может передать нюансов, дополнительных ассоциаций, которые вызывает словосочетание, но не передает иногда и самого понятия. Отсюда большое обеднение текста.

Когда читаешь иногда какого-нибудь русского писателя-стилиста, вроде Леонова, то читаешь как стихотворение в прозе. Такие счастливые находки бывают иногда у любого писателя на его родном языке. Он употребил слова и словосочетания, которых до него никто не употреблял. Он придумал афоризм. А у нас все это идет под рубрикой народных поговорок. В результате появляются нивелированные строки, бедность языка. Приходится сожалеть, что язык в переводе теряет свое богатство, и от этого больше всего страдает оригинал. Я называю мало переводчиков, хотя знаю, что сейчас есть хорошие переводчики прозы: Гогоберидзе⁴ с грузинского языка, Мазальков с белорусского, не говоря уже о таких писателях, как Л. Соболев.

Каких переводчиков мы должны назвать с трибуны съезда? Я не взял этого на свою ответственность и не внес в свой доклад имен переводчиков и переводов. Прошу вас назвать и помочь нам в этом вопросе. Мы должны назвать хорошие переводы.

Другое зло в переводческой практике на русский язык — это так называемое соавторство. Часто соавторством называют перевод, который автор не может контролировать, ввиду плохого знания русского языка и, кроме того, присутствуют психологические моменты: книга выходит на русском языке в Москве для союзного читателя. Это так располагает к переводчику, что он надаёт ему много авансов. Даже бывает так, что при переводе многих авторов — авторов интересных, ярко талантливых, при переводе произведения такого автора ставится гриф “авторизованный”, а автор этого и в глаза не видел. Это только покрывает слабость работы переводчика. И издательство, ставя такой гриф “авторизованный”, несомненно, покрывает плохую работу переводчика.

“Авторизованным” перевод надо называть тогда, когда автор оригинала, знающий русский язык, его проверил

по-настоящему. А зачастую автору этот перевод даже не показывают, и это только способствует увеличению брака. Таким образом получается одновременно как будто бы и добро, и вместе с тем и зло.

В отношении переводов с русского языка есть три момента. Во-первых, когда с русского языка, с оригинала, переводит человек-писатель, хорошо знающий русский язык. Есть такие шедевры на всех языках, и писательские, и поэтические. Но их мало.

Второй случай, когда переводчик-писатель или поэт, но он плохо знает русский язык, и тогда появляются отдельные пятна наряду с хорошим местами переводом.

Наконец, третий и самый печальный случай, когда в республике переводит оригинал не литератор, не писатель, не поэт, а просто человек, знающий русский язык и разговорный, допустим, казахский или узбекский. Даже в такой сравнительно культурной республике, как в Армении, отдельные работники Управления искусств, как например — плановик или главный бухгалтер и другие ответственные работники, вплоть до замминистра, начали переводить художественные произведения. Эти люди берутся переводить классиков, потому что за классиков платят много. Например, за перевод Толстого или Тургенева платят столько, сколько я получаю за оригинал. Кроме того, потиражно платят. Поэтому даже крупные работники, но совсем не специалисты, идут на это.

В заключение я сошлюсь на один пример настоящего, подлинно на научной основе поставленного перевода — я имею в виду перевод классиков марксизма-ленинизма — Маркса, Энгельса на русский язык и Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина на языки братских народов — в институтах марксизма-ленинизма.

Эти переводы базируются на научной основе и сохраняются чистота подлинников классиков марксизма-ленинизма; переводы строятся на научной филологической основе. Все усилия переводчиков направлены к тому, чтобы избежать искажений и вульгаризации. Работа эта поставлена очень интересно.

Я не думаю, конечно, сопоставлять перевод “Анны Карениной” и “Материализм и эмпириокритицизм” или “Нищета теории” или “Антидюринг”, — но я имею в виду

произведения классиков марксизма, где они ведут полемику о теории перевода. Тут у нас пробел. Мы только говорим, как переводить синонимы, идиомы, как передавать интонацию и т. д., так как из этих частей составляется текст перевода, но не думаем о том, как переводить Белинского, Чернышевского, Добролюбова, как перевести, например, “Былое и думы”.

А вместе с тем, все статьи по вопросам теории и истории искусства, эстетики, критики и т. д. тоже надо переводить, но не так, как общественно-философские труды.

В этих областях мы соприкасались с определенными видами наследия классиков марксизма. У Маркса и Энгельса много высказываний по вопросам эстетики и литературы. Кроме того, все цитировали классиков марксизма. У Ленина 900 случаев цитирования классиков литературы, 125 случаев цитирования Гоголя, 85 случаев цитирования “Горя от ума”. Он не только приводит русские пословицы и поговорки. Он приводит пословицы и поговорки на английском, французском, итальянском языках. Кроме того, у Ленина есть статьи о Некрасове, о Герцене, о Толстом.

В переводах художественной прозы есть такие грани, которые разрушаются, и переход из одного ряда в другой совершается последовательно, правильно и естественно. Нам надо учитывать опыт Института иностранной литературы, где сидят люди, теоретически и культурно подкованные. Они против буквального перевода классиков марксизма. И здесь следует вспомнить слова Энгельса: “Немецкую мысль можно превратить в английскую бессмыслицу через буквальный перевод”. Они стоят за перевод, который передает содержание и характер.

В ленинских речах и полемических статьях столько эмоциональной, партийной страсти, столько образных, крылатых выражений, цитат, славянизмов, архаизмов и т. д., всего того, что мы встречаем в переводах художественных произведений. Этот опыт надо учесть. При переводе приходится сохранять синтаксический строй, чтобы обогатить речевую культуру народа, на язык которого переводится произведение. Так надо воспринимать Толстого и Гоголя. Гоголя надо переводить гоголевским синтаксисом, Толстого — толстовским. Хороший переводчик с этим

справится, плохой не сможет сделать хорошего перевода Гоголя. Национальные литературы не имели никогда таких достижений, какие имела русская литература в лице Гоголя и других русских писателей. То же самое надо сказать и о переводах Тургенева. Я дважды переводил “Дворянское гнездо”.

Здесь тоже вставал вопрос о ясном, четком, прозрачном стиле Тургенева.

Мы не говорим уже о ступенчатом стиле Л.Н. Толстого. Здесь надо воспринимать язык, с которого переводишь, и здесь надо перенимать опыт классиков марксизма. Надо использовать словосочетания, словообразования на базе собственного языка в максимальной степени. В результате требований реалистической советской переводческой школы ... дело сводится к тому, чтобы не только учиться у народа, но и учить народ языку, органически и постепенно обогащая его язык. И перевод должен нас привести к таким результатам.

Вот о чем я хотел сказать.

РГАЛИ,
Фонд СП СССР,
Комиссия по литературам народов СССР,
опись № 22, п. № 25, л. 1–88.

ТОВАРИЩИ!

Позвольте мне прежде всего передать от писателей и акынов Советского Казахстана вам, вашему славному отряду ленинградских писателей горячий, сердечный и братский привет.

Как писатели, так вся широкая общественность, весь советский народ братского Казахстана дорого ценит, бережно хранит свое особо теплое, глубокое чувство преданной дружбы и уважения к городу Ленина, к его деятелям культурного фронта. К тому имелись свои, памятные для ленинградцев и казахстанцев исторические основания. Эти основания являли собою и узы дорогих, незабываемых, нерушимых связей наших. Я имею в виду, во-первых, то культурное шефство Ленинграда над Казахстаном, которому было положено начало посещением Казахстана в 1934 году Сергеем Мироновичем Кировым и которое длилось на ряд лет вплоть до Отечественной войны. А дальше плодотворные результаты этой связи сказались на счастливой судьбе многих и многих сыновей и дочерей казахского народа, ставших учеными, писателями, инженерами, агрономами, врачами, получая ценные знания в стенах ленинградских вузов. И ныне мы можем назвать целый ряд казахских писателей, критиков, ученых-филологов, историков, деятелей искусства, прошедших самую определяющую, важную стадию в их личном росте, формировании — воспитательную школу советских художников и ученых в бесконечно любимом ими и дорогим для них городе Ленина.

Не вдаваясь в воспоминания или перечень многих иных замечательных свидетельств наших связей, я напому лишь об одном, бесконечно дорогом, как мне кажется, и для всей нашей литературы факте. Я имею в виду то сердечное и великое, по-родственному любовное и волнующее послание, с которым обратился старец Джамбул к героическим

сынам и дочерям осажденного Ленинграда в суровые дни Отечественной войны. А это послание было адресовано вам сюда и одновременно оно было обращено и к самим казахстанцам, ко всем советским людям земли нашей. Замечательно еще и то, что оно было обращено не только к людям тех дней, оно живо, бережно хранимо, любимо в поныне, ибо в нем раскрывались сердца народов, народных миллионов, потому его заучивают и поныне, будут заучивать и далее, в школах казахских, изучают в вузах, цитируют и комментируют в учебниках, исследованиях, монографиях. Вот каким неумолкающим, неослабевающим и неутихающим эхом во времени, в годах вторится это истинно драгоценное произведение. Оно ярчайшее свидетельство трогательной, незабываемой и нерушимой дружбы наших социалистических поколений.

Вспоминая подобные узы братства и дружбы, мы называем зримые и незримые линии связи, которые проходят именно по сердцам народов, которыми дорожат, обязаны дорожить и стар, и млад.

А труд писателя своей самой ответственной и благородной сущностью обращен именно к этой великой и благодарной задаче. И каждый из нас посильно несет эту миссию, взаимодействуя, взаимообогащаясь в каких-то важнейших рубежах наших творческих поисков. В том же русле общих и единых по сути наших задач, укрепления духовных связей и дружбы между советскими народами окажутся, я полагаю, и те конкретные мысли, которые я обратил бы к нашему данному собранию.

Как один из самых мощных в Советском Союзе писательских коллективов, Ленинградская организация широко и многосторонне связана с советским писателем, с народами Советского Союза, следовательно, и с писателями всех языков наших народов и связана двояким образом. Первый вид данной связи осуществляется вашими книгами: романами, повестями, пьесами, поэмами, стихами, критическими работами, которые в том же Казахстане имеют широкий круг советских читателей — друзей ваших.

Все выдающиеся произведения ленинградских писателей переводятся на казахский язык, издаются наравне с книгами казахских писателей. Это один путь ваших непрерывных и

верных связей со всеми частями вашей необъятной, многонациональной, но единой по духу родины.

Одновременно с этим существует и другой вид тех же связей. Но он может быть осуществлен при вашей активной помощи, вашими усилиями. И тут я имею в виду переводы, издания или же критические исследования, квалифицированные оценки, анализы произведений писателей братских республик, короче — труды, которые могли бы быть выполнены силами ленинградских писателей, силами переводчиков, критиков, ученых-литературоведов, редакциями журналов, альманахов, сборников и также отделениями издательств здесь.

Останавливаясь на оригинальных трудах всех выдающихся представителей ленинградского писательского коллектива, надо сказать, что они, входя в ценный фонд русской советской литературы, становятся тем самым и общесоюзным явлением. Мы можем смело назвать десятки имен из вашего славного отряда, имен прозаиков, поэтов, драматургов, переводчиков, критиков, ученых-литературоведов, которые заслуженно снискали себе широкую славу и известность и во всех советских братских республиках. Замечательно при том, что в этот ряд входят не только лица старших поколений, а зачастую и сравнительно молодые по возрасту авторы.

Имея в виду все вот эти факты и особенности, мы и признаем Ленинградскую организацию как известнейшую и мощную творческую среду, потому ожидания от нее иные, неизмеримо большие, чем от многих и многих иных отделений, объединений Союза писателей. Еще один ряд писателей Ленинграда выделяли для отдельных республик, областей Союза и их непосредственные связи по линии тематики их творчества; они изучали, изучают жизнь той или иной части Союза и создают произведения на этом материале.

Очень приятно, например, отметить, что, как и следовало ожидать, Ленинградская организация уже имеет в своей среде поэтов, прозаиков, драматургов, как товарищей: Дудин, Чевелихин, Меньчковский, Коссаковский и др., творчески связанные на известный период времени с районами освоения целинных земель.

Мы ожидаем от Ленинградской организации, что и впредь из ее рядов выделятся подобные группы писателей,

которые будут создавать свои новые произведения на самые новейшие темы освоения целины, как на Алтае, так и в Казахстане. Кстати, в Советском Казахстане, давшем за один минувший год 230 миллионов пудов хлеба стране и создавшем за этот первый год 93 совхоза, теперь, в предстоящем году, будет создано еще 350 совхозов. Истинно грандиозны намеченные масштабы ближайших лет. По наметкам руководителей партии и правительства в республике, в 1956 году Советский Казахстан сможет дать стране столько же хлеба, сколько давала такая обильная и великая житница Советского Союза, как Украина, в самый урожайный год — а именно 800 миллионов пудов хлеба в 1956 году.

Как советский народ Казахстана, так и писатели нашей республики будут сердечно рады встретить вас, дорогие ленинградские писатели, и на плодородных полях Казахстана, и в нашей солнечной столице Алма-Ате, будут рады встретить, устанавливая и упрочая все новые и крепкие узы нашей творческой, деятельной дружбы.

И тут я хочу обратить ваше внимание на ту вторую сторону связей ваших с братскими литературами Советского Союза, о чем я упомянул вскользь недавно. Здесь речь идет о переводах и еще о критических статьях, исследованиях на тему исторических и современных явлений братских литератур.

В докладах товарищей Кочетова и Дымшица, также в выступлении В.А. Рождественского было достаточно ясно и веско подчеркнуто о значении переводов и переводческой, творческой деятельности отдельных переводчиков в жизни нашей всесоюзной литературы в целом. Именно признание и ответственное, глубокое понимание подобного значения переводов и подсказало руководству Ленинградской организации необходимость включения особого содоклада о переводах на данном собрании. То же понимание и признание руководили и президиумом Союза писателей в постановке особого содоклада на Втором съезде писателей на тему “О художественных переводах литератур народов СССР”. Из одних этих данных явствует, какое значение придают в Москве и в Ленинграде задачам, проблемам перевода. Одно только хочется подчеркнуть особо к вниманию издательств, редакций журналов, руководства

Союза писателей о том, чтобы переводы образцов братских литератур, уже неизмеримо выросших и крепко растущих теперь, — не носили бы случайный, отрывочный, а носили бы именно систематический плановый характер в Ленинграде. Здесь у вас есть собственные примеры и предпосылки, самые яркие и убедительные. Лишь несколько лет назад именно ленинградский журнал “Звезда” перевел, напечатал и выдвинул на Сталинскую премию ныне широко известный роман азербайджанского писателя Мирзы Ибрагимова “Наступит день”. А таких или подобных примеров не мало в творческом и издательском опыте ленинградцев. Здесь явствуется, прежде всего, глубокое осознание задачи журнала “Звезда” как общесоюзного органа, и хотелось бы в дальнейшем также видеть систематическое продолжение этих славных, начатых здесь же традиций. Мы надеемся, что как редакция самой “Звезды”, так и редакции будущего нового журнала, а также альманаха “Ленинград” продолжат и эту часть своей многозначительной и многогранной деятельности. А в критических отделах этих органов, а также отдельных научно-критических сборников, трудов и т.п. было бы важным и необходимым помещать статьи, рецензии или исследования, научные анализы значительных произведений братских литератур в составе всей советской, единой, многоязычной социалистической литературы Союза.

В этом смысле также мы имеем не мало примеров из творческой практики критиков и ученых Ленинграда. Работы об узбекских и казахских романах профессора В.М. Жирмунского, исследования по проблемам отдельных братских литератур тов. Беркова, а также статьи, высказывания наряду с их переводами у товарищей Прокопьева, Лозинского, Рождественского, Брауна, Гитовиги и других тоже свидетельствуют о значительном накопленном опыте многих лет. И этот опыт в дальнейшем желательно было бы продолжить и приумножить, исходя из того понимания исторической задачи: что как писатель, поэт, драматург, будучи ленинградцами, представляя Ленинградскую творческую организацию, в то же время являются писателями, поэтами общесоюзного значения и звучания, точно так же и переводчик, и критик, и ученый Ленинграда представляют одновременно общесоюзный уровень переводческой, критической, научной мысли. Они

же несут миссию общесоюзного значения и выполняют ответственную, благодарную роль общесоюзного масштаба. Подобных выступлений и по вопросам, проблемам братских литератур естественно ожидать из статей таких выдающихся ученых и критиков нашей страны, как тов. Мейлах¹ и Друзин.

Так только могут относиться и относиться к многообразной творческой продукции ленинградцев все писатели и деятели широкого культурного фронта в нашей стране. Вот чему соответствовали бы мысли и дела, стремления и достижения членов Ленинградской организации и всех органов ее. Вот о чем, наряду с пожеланием плодотворной деятельности настоящему собранию, я хотел высказать в порядке напоминания о некоторых важнейших видах наших творческих связей и нерушимой дружбы.

ТОВАРИЩИ ДЕПУТАТЫ!

Мы сегодня отмечаем праздник победы, праздник, равноценный подлинному полному счастью в истории Социалистического Казахстана.

Ныне наша республика добавила к своему названию, с получением ордена его имени, имя гения человечества Ленина! И настоящее наше торжество является не только торжеством Казахстана, оно является важнейшим событием для всего нашего социалистического Отечества.

Да, верно, что это праздник великих успехов наших славных хлеборобов. Но одновременно мы назвали бы его и праздником победы, “праздником победы дружбы”.

Мы мыслим так потому, что в минувшее лето 1956 года на громадных просторах Казахстана многонациональные армии десятков и сотен тысяч тружеников утверждали не только хозяйственные достижения. А их гигантскими целями, их победоносной силой, в такт биению их пульса, всей правдой их горячих сердец было вознесено знамя еще одной победы и оно было возведено миру! Имя этой правды и означало — “Ленинская социалистическая дружба”. Ее и именуем мы плодом Великого Октября, “дружбой наших братских народов”.

Ни для кого не секрет, что и наш край, и огромное большинство обитателей этого края, казахский народ, пришли к счастливой своей эпохе, только что оставив позади не европейское даже, а азиатское средневековье! И пусть только вчера мы отошли от этой суровой правды, но ныне в истории мира мы заняли в ряду самого передового человечества свое видное место. Памятуя эту истину, мы выражаем нашу великую благодарность партии Ленина, нашей социалистической отчизне. Мы говорим великое спасибо им за то, что они вырвали нас из таких далей истории, из тех пустынных веков и вознесли до таких высот культуры

и таких высоких вершин истории. И не мы только достигли подобного величия. Не одних подобных нам братских народов подняли на вершину их счастья наш строй, наша система!

Великое ленинское социалистическое строительство принесло эти достижения народов. Есть и еще одна истина. Правда, что сегодня и в первую очередь у нас торжествуют герои наших полей, честь и слава, хвала и благодарность наша им!

Но народная мудрость гласит: “Пусть твоя радость станет радостью народа”. И радость, и торжество наших хлеборобов есть именно такого качества.

Потому и охвачены великим чувством сорадования с вами мы, трудящиеся во всех областях жизни республики, мы, трудовая советская, социалистическая интеллигенция Казахстана.

Мы, многотысячное учительство, мы, армия специалистов врачей, инженеров, ученых – ваших близких соратников по самоотверженному труду на благо Родины – наполнены ныне гордой радостью за вас!.. Точно так же и огромное множество деятелей культурного фронта – мы, писатели, композиторы, артисты, художники, журналисты, – мы искренне и с волнением радуемся, торжествуем вместе с вами в эти дни...

Добавим еще и подчеркиваем особо, что не только мы соучаствуем нашими радостями! Всей горячей правдой наших сердец, всей силой нашего духа, нашего разума и наших знаний, всеми лучшими порывами и волей нашей мы стремимся быть рядом с вами и быть полезными в вашем труде. Силе вашей добавить наши силы, плечам вашим добавить наши плечи и каждому своим трудом быть достойным вас – это лучшие идеалы наши!

И дорогой друг комбайнер! Мы обещаем быть производительными подобно вам!

Родной друг тракторист! Мы постараемся, чтобы ваш образ победителя был достойно отображен в наших трудах!

Глубокоуважаемый друг механизатор!

Дорогой деятельный друг директор!

Друзья организаторы, председатель райсовета, секретарь райкома! Мы обещаем в своих трудовых делах добиться тех достижений, какие имели вы минувшим годом!

Это мы обещаем от имени трудовой интеллигенции Казахстана нашему любимому неизменному учителю, другу – великой партии Ленина, великому советскому народу, Золотая Отчизна – тебе!

Да здравствуют победоносные труженики полей Казахстана!

Да здравствует водитель, вдохновитель и организатор наших трудовых побед – родное Советское Правительство!

Да здравствует неутомимый, любимый, испытанный в боях дорогой наш товарищ Климент Ефремович Ворошилов!

Да здравствует мудрый наш друг и заботливый наш учитель – великая партия Ленина!

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА НА ОБСУЖДЕНИИ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАЗАХСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА 3-Й ДЕНЬ ДЕКАДЫ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА В МОСКВЕ

Два слова я хотел бы посвятить нашему сегодняшнему обсуждению казахской прозы. По моим подсчетам, я являюсь на этом обсуждении 30-м выступающим всего того, что мы привезли в Москву в эту декаду по жанру прозы. Три дня мы обсуждали прозу по отдельным проблемам, связанным с развитием художественной прозы, всей советской литературы и казахской литературы. Было высказано много веских мыслей и очень конкретных суждений, с книгой в руках проштудированы обсуждаемые вопросы. Можно сказать, что был проведен квалифицированный анализ отдельных произведений, сделанных московскими друзьями. Таким образом, можно смело утверждать, что мы получили в результате трехдневного обсуждения, новейшего обсуждения казахской прозы такой материал, такие ценные богатые данные на пользу каждому из нас и всей нашей литературе, какие едва ли бы мог дать даже специальный пленум или даст предстоящий съезд писателей Казахстана. Где, на каком съезде можно допустить, что на один только жанр – прозу – будут потрачены 3 дня и дана возможность выступить 30 чел.?

Еще должен отметить, что в этих суждениях были очень конкретные, деловые, проникнутые глубоким и правильным пониманием, суждения писателей о писателях, критиков о писателях. Были высказывания и теоретического порядка, которые отталкивались от отдельных конкретных данных казахской прозы и обсуждали проблемы всей советской многонациональной литературы. Среди этих обобщающих мыслей отдельные положения мне показались новыми

и интересными. Прежде всего это касается проблемы национальной формы. Мы проблему национальной формы давно уже обсуждаем и неоднократно в нашей республике и в других национальных республиках в прессе были высказывания по этому вопросу со стороны писателей и критиков, литературоведов Казахстана, Узбекистана, Грузии... Тут я упустил еще одно звено, какое включилось в высказывание по поводу раскрытия сущности национальной формы, нахождения особенностей национальной формы всех литератур Советского Союза. Это вопрос о том, что национальную форму нужно искать не только в образах, обрисованных писателем, но национальный характер нужно искать, прежде всего, в самом писателе, выразителе и носителе этой национальной формы. Это верно. Это сокровенная правда, что в художественных произведениях национальная форма будет независима от языка, независима от того, на каком языке пишет писатель. На конкретных примерах можно показать, что автор, пишущий на русском языке произведение, остается казахом. Независимо от того, что произведение, написанное на казахском языке, переведено на русский язык и в русском мышлении, в русской обработке прекрасно передано, иногда в улучшенной даже, а иногда в равноценной форме, — при таком переводе на русский язык национальность автора-казаха вы чувствуете его все же как казаха.

Значит, это не образ носит национальный характер, а изображение образа. Такая лепка образа национальная, поэтому будет ли перевод с казахского на русский или с казахского на английский, все равно национальное останется.

Правильно это будет или нет, но я хотел бы добавить еще одно уточнение. Национальный характер выражен в национальной сущности автора, это верно. Но еще дальше углубляя и уточняя, я раскрыл бы такое положение, что национальное в художественном произведении национального автора выражено в творческой психологии автора, в национальной творческой его психологии. Если мы говорим — национальный характер автора, это нечто постоянное и неизменное, и слишком широко и неконкретно. Но тот же национальный автор — грузин, украинец, казах, узбек —

выражает свое мышление, чувствования, свое речевое выражение во всех моментах романа, национальные черты своего народа выражает через самого себя, в том, что он одинаков во все моменты своей творческой деятельности. Он сам проходит эволюцию, он проходит через всякого рода изменения. В зависимости от каждого этапа его творчества, от каждого этапа его становления и завершения художественного творческого метода, его творческая психология тоже меняется.

В такой динамике нужно рассматривать и искать национальный характер художественного произведения через автора, но автора в его становлении, начиная с момента его формирования, дальнейшего разворота его дарования, и в зависимости от того, как он подходит к какой теме.

Тогда многие особенности, о которых мы начинаем говорить более конкретно, в каждом отдельном писательском творческом опыте, они будут хорошо нами проанализированы, поняты на каждой индивидуальной почве, на почве творческих поисков отдельных писателей.

Вместе с тем, анализируя отдельные факты, углубляясь в особенности этой творческой психологии и национальные особенности этой психологии автора, мы можем сделать обобщение, которое всех объединяет и всех делает писателями метода социалистического реализма, людей, рожденных нашей эпохой, людей, у которых мировоззрение, мироощущение, их чувствования, их творческое мышление и их языковое художественное выражение делают одновременно разными, а вместе с тем сходными, родственными, на каких бы языках они не писали.

Об этом моменте нужно думать, когда мы говорим об общих и частных индивидуальных особенностях наших литератур. Исходя из этого, я бы, например, сказал о наших героях, о героях наших произведений, как они конкретно в наших произведениях должны себя выражать через нас, через писателей.

Если взять в этом смысле, скажем, творческую личность, изображаемую нами. Например, Айбек пишет о Навои, а Файзи пишет о Тукае, многие наши писатели пишут о своих предшественниках — писателях прошлого. В том числе и я писал об Абае.

Я свой подход к Абаю в отдельных случаях в каждом этапе его становления, его формирования и дальнейшего роста, рассматривал именно с точки зрения развития творческой психологии в самом моем герое.

Этот герой дает некоторые ключи к тому или иному решению в отдельных этапах его жизни, в отдельных случаях жизненных конфликтов на его пути.

Этот человек должен быть мною понят, как развитие особой индивидуальной творческой психологии. Это вторая линия или третий осложненный ряд. Абая я должен, с одной стороны, изображать, как человека, сталкивающегося с жизненными фактами, во-вторых, должен показать, как эти жизненные факты откладываются в его душе, и, в-третьих, показать, как это виденное, наблюдаемое, переработанное в его творческой психологии получает творческое воплощение в этом произведении. Этот герой в отдельных этапах жизни — молодости, старости — неодинаков. Аксиомой является то, что герой произведения постепенно сам определяет моменты того или иного изображения автора, определяет отдельные этапы.

Если остановиться на биографическом романе, или автобиографии, то этот новый жанр особенно интересен, когда речь идет об автобиографии писателя. Эту традицию заложил еще А.М. Горький и заложил счастливо. Когда он свою книгу называет “Мои университеты”, то я считаю, что здесь вся эмоция, вся интеллектуальная природа А.М. Горького сказалась. Его встречи с отдельными людьми, люмпен-пролетариями или интеллигентами — все это страницы большой мудрой жизни, потому что встречи он воспроизводит не с кем-нибудь, а с пленными орлами. В других условиях такой человек, как орел, расправил бы крылья, стал бы другим человеком. Мы не знаем, кем был бы Челкаш при других условиях. Мы знаем, что социальные условия делают преступника, а в других условиях мог бы получиться другой человек, не преступник. Поучительно, что у него получают университеты. Каждая встреча, каждая беседа с человеком приводит его к размышлению, взор его заглядывает в сердце, а сердце его — часть души народа. Я думаю, что когда пишется биография-роман о творческой личности, то в первую очередь нужно обдумать героя с точки зрения интеллекта.

Правильно Зелинский говорил, что у нас часто мало мыслей в наших произведениях и правильно указывали, что у нас много диалогов рыхлых. В этой словесной пене герой выкипает, раскрывается только в незначительных диалогах. Страшное дело, когда в произведении события движутся только диалогами, а не внутренним монологом, глубокой мыслью о том, что такое жизнь, взаимоотношения социальных категорий истории. Все эти произведения – биография-роман, автобиография – пишутся не о случайных личностях, а о тех личностях, которые становясь сами, формируют среду, о тех личностях, которые являются лучшими в нации.

Не только их поступки, не только случайности в их судьбе, перевороты на их жизненном пути, а постепенно вместе с ними должна зреть мысль народа, мысль общества, должна зреть историческая мысль, и такая личность будет связывать концы истории, что было до него, что происходило вместе с ним. Герой должен проходить в плане интеллектуальном.

У нас не все благополучно во всех наших литературах. Даже те, которые могут мыслить, писатели очень хорошие, но мало мыслят, не глубоко мыслят.

Я хочу остановиться на нескольких частных, но вместе с тем очень важных в каждом отдельном случае вопросах.

В наших национальных литературах мы теперь изображаем образ русского человека. Образ русского человека во всех наших романах, в исторических, в современных, имеется. Вместе с тем и в русской, и в советской литературе имеется больше представителей национальностей Советского Союза в романах, повестях, пьесах и т.д. Я должен сказать, что счет с обеих сторон существует и счет совершенно справедливый. Русские читатели справедливо могут считать, что русский человек недостаточно убедительно и веско изображается в национальных исторических и современных романах. Одновременно и братские литературы большой литературе, большому советскому художнику-писателю могут предъявить много счетов.

Я думаю, без труда вы себе можете представить, что как только начинает изображать представителей братских народностей русский писатель, у него появляется нейтральный

кавказский тип — эксцентричный, непосредственный, горячий. Когда на сцене актер начинает играть казаха, грузина, армянина, осетина, он берет нейтральный кавказский акцент, изображает тоже непосредственного, эксцентричного человека. Но если вы поедете на Кавказ, то такой тип не будет признан ни осетинами, ни грузинами. Это — нейтральный тип, он не подходит ни к казаху, ни к грузину, ни к осетину. Так же и пишут. С другой стороны, есть в русской литературе такое обозначение нации совершенно без национальных черт. Возьмите роман Ажаева “Далеко от Москвы”. Что грузинского у Беридзе, кроме фамилии? Какие у него черты характера?

А у нас, наоборот, что получается, когда в нашей литературе мы выводим русского человека, скажем, Дмитрия-кузнеца в “Людах наших дней”. Там Дмитрий дан как киргиз. Он давно живет в Киргизии, он шпарит всякими киргизскими поговорками, у него нет речевой характеристики русского человека. И такой опыт есть. Конечно, это не совсем правильно.

Я говорю, что наши национальные авторы русского человека должны изображать. Это слияние важно и дорого. Но должны изображать таким образом, чтобы русского человека показывать с национальным русским характером, как национального русского человека. А если он облекается в киргизский колпак или казахский тумак, это не русский человек. В этом смысле у нас есть некоторые поиски, есть некоторые обретения, на которые русских товарищей просим обратить внимание. В данном случае национальные писатели имеют то преимущество, что большинство русских писателей другие языки мало знают, а мы, национальные авторы, мышление русского человека можем представлять хотя бы условно. Если русского человека удастся представить с его мышлением, его психологией, представить в определенном ракурсе для известных функций — драматургических, исторических, психологических, то это, повторяю, если удастся передать так русское мышление, это будет уже громадным достижением. Забегая вперед, хочу сказать, что я думаю, что в скором времени придут в нашу литературу такие авторы, которые будут писать на русском языке. Будут на русском языке писать о казахах, будут на русском языке

писать о татарах, об узбеках. Конечно, писатель остается при этом казахским, узбекским, грузинским патриотом, но историческое сближение народов идет к тому, что будет не два родных языка, а наравне, русский великий язык будет даже преобладающим, а казахский, узбекский и др. языки будут вторым родным языком. К этому, без всякого нажима и насилия приводит ход исторического развития. Надо сказать, что в этом отношении у нас другие условия, чем в Индии, где хотят, например, ввести общим языком ишиву, а морави, также большая народность, не хотят сделать его своим языком. У нас споров о языке не будет, но ход исторического развития приведет к тому, что некоторые наши писатели будут писать на русском языке. Это прогноз на будущее. Сейчас в нашей литературе можно наблюдать такое положение и я считаю его правильным: вот Бауржан Момыш-улы пишет и по-русски, и по-казахски. Зеин Шашкин пишет и по-русски, и по-казахски. Несколько писателей уже у нас так пишут.

Но тут в отношении этих писателей может быть такое опасение. Я сужу по себе. Я знаю русский язык как литературный язык, но я не знаю разговорного русского языка. Я могу выступать на русском языке, могу сделать на русском языке доклад, написать статью, исследование, но решиться создать на русском языке художественное произведение я не могу, потому что моего запаса разговорного русского языка для этого не хватит. Для художественного творчества надо иметь не литературный русский язык, а разговорный русский язык.

Что же касается Б. Момыш-улы или З. Шашкина, то они лучше меня знают русский язык и осмеливаются писать на русском языке. Это потому, что они больше меня прикоснулись к разговорной стихии русского языка. Вот Ахтанов был бойцом, был на войне, жил среди бойцов, в течение не одного года он общался с ними, говорил на этом языке, затем попал в Академию, там также прикасался к разговорному русскому языку. Таким образом, он прикасался к языковой среде больше, чем я. А я общался все с писателями, языком которых нельзя писать и рассказывать.

Теперь в отношении другого нашего автора — Тахави Ахтанова. Читая его роман “Грозные дни” и на казахском, и на русском языках, я заметил, что пишет писатель,

который и речевую характеристику русских персонажей убедительно передает. Он говорит: “Я к свидетельству Бауржана прибегнул, у него русский перевод хуже, на казахском языке лучше, на казахском языке он русские речения передает правильно”.

Это — другой путь, другой тип писателя начинает восходить на казахской почве к новому.

В отношении наших молодых авторов, молодых не по летам, а молодых по вступлению в художественную литературу, хочется сказать вот что: многие из них правильно делают, что они от жизненного опыта пришли в литературу. Они пришли в литературу, имея готовый ответ на многие вопросы жизни, на художественные творческие проблемы и задачи. Бауржан пришел к этому своими дневниками, давно составленными, писавшимися на казахском языке, а также через хороший жизненный опыт. Вчера ему правильно кто-то из товарищей советовал не оставлять военную тему. Военная тема — это тема, о которой я мечтал, но никогда ее так, как Бауржан, не получу, даже если бы мне каким-то чудом была возвращена вторая юность. А Бауржан имеет, он нашел большую золотоносную жилу, и он этой жилой должен питаться и обогащать литературу. Он свою книгу пишет о себе и о войне. Тахави Ахтанов пишет большую первую книгу, художественное произведение о войне, которая в его становлении — это настоящая, самая главная, большая тема его жизни на этом периоде его творческого мышления.

О студентах, о вузе, о профессуре пишут ...Это — порог, который они вчера только перешагнули, это — самая близкая в их жизни тема. Если Горький говорил: “Пишите о том, о чем не имеете права молчать”, то эта тема — самое главное и важное, к чему они обратились в жизни. В этом отношении Есенжанов первое свое большое полотно пишет на материале, который связан с детскими впечатлениями, о жизни на берегах Яика, которая в годы детства и отрочества проходила перед его глазами, т.е. о том, что он хорошо знает.

В этом смысле я хочу сказать, что все, что здесь говорилось — и теоретическое, и конкретное критическое о каждом из вас, это вам должно пойти на пользу, поскольку это ваша первая книга, а первую книгу вы пишете о вещах, которые вам хорошо, больше чем всем из нас, известны. На

этом материале вы должны себя утвердить. Пока не уходите на другие темы, откуда вы не сделаете настоящего, большого полноценного произведения во всех отношениях.

В этом смысле для товарищей, которые пишут на русском языке, замечания Трегубова очень конкретные, очень деловые, очень сурово требовательные. Для Бауржана они нужны. Тут много положительного говорили, но Трегубов сказал и в отношении языковых фактов – очень правильные вещи. Надо к этому прислушиваться. Надо к этому прислушаться и Ахтанову. У него хорошая повесть, но в отношении языковых фактов требуется, чтобы он усовершенствовал это произведение.

Это же относится и к Шаймерденову, к Зейнолле Кабдулову. Не очень близкую и легкую тему взял себе и Зеин Шашкин.

В отношении многих наших писателей нужно сказать, что они пришли в литературу с большим уже жизненным опытом, да так и должно быть, иначе мало кому посчастливится в 25 лет создать художественное произведение. А вот мне приходится писать, имея за спиной проделанный большой жизненный путь, имея в голове уже много переваренных жизненных фактов, решать задачи, стоящие перед человеком-художником.

Есенжанов, Ахтанов, Шашкин – все они критики, и они интересные критики. Они в историческую науку вписывают интересные серьезные исследования. Поэтому в их головах созрело много интересных дум о взаимоотношениях казахской литературы с другими литературами. В этом отношении они оправдывают надежды и должны создать хорошие произведения в дальнейшем.

Два слова о переводчиках. Переводчики (скажу это без лести), переводчики требуют от нас того, чтобы мы им сделали большой, низкий поясной поклон. Конечно, имеются и переводы наспех, имеются и удовлетворительные переводы. Но при этом надо сказать, что иногда поспешная работа переводчиков бывает продиктована нашей же спешкой. Вот недавно, к Декаде была проделана огромная работа в этой области. У нас в Казахстане 120 произведений было переведено на русский язык, да в Москве переводчиками было сделано 125 произведений. Таким образом, около

250 произведений было переведено на русский язык. В Казахстан приходят целинники, и вот человек, который приходит в Казахстан из Вильнюса, из Полтавщины, из Белоруссии, будет знакомиться со своей второй родиной, которую он осваивает, по которой он ведет свой трактор. Он должен освоить ее и духовно. Эта работа проделана для казахских, русских читателей, которых сейчас у нас много, а также для читателей всего Союза. Из переведенных книг могли бы создать целую библиотеку. Труд переводчиков – незабываемый труд, это настоящий наш друг от великой русской литературы, от великого русского народа.

Заканчивая свое выступление, я должен сказать, что и за три дня обсуждения мы коснуться всех проблем все-таки не можем. Но мы получили от этого обсуждения то, что не получим и в наступающем 4 съезде казахских писателей по прозе, потому что за три дня мы обсуждали только прозу и выступили 30 человек, – это люди, специально прочитавшие все произведения и выступавшие конкретно по произведениям. Такого и на съезде не бывает, на съезде обыкновенно все “растекается по древу”, большинство выступает не по произведению, а каждый говорит обо всем и ни о чем конкретно. Здесь же всеми выступавшими было дано конкретное, полезное суждение о лучших сторонах произведений и о недостатках произведений. Я считаю, что во имя одного такого результата, какой мы получили при этом обсуждении, мы должны проводить Декаду казахского искусства.

В заключение позвольте мне от своего имени как человека, который получил здесь много полезного и интересного, сказать, что такой разговор нелицеприятный, разговор углубленный, специальный иногда подсказывает такие вещи, которых ты сам не осознавал. Например, вчера Евгения Федоровна Книпович, выступая, сказала, что моментами у меня есть разработка отдельных характеров и отдельных столкновений и ситуаций в судьбе героев молодого и старшего поколения, как у драматурга. Это подсознательно может быть случилось, но я не стремился к этому. Когда она говорила о судьбах Ромео и Джульетты Шекспира и проводила параллель с “Абаем”, то я сам никогда не думал, что так можно повернуть, а она раскрыла это. Много очень интересного

было в выступлениях Брайниной, Кедринной, Б.Г. Бать, А.Н. Макарова. Из их выступлений те лица, о произведениях которых говорилось, извлекли для себя очень многое, над чем надо подумать дальше и дальше.

Я думаю, каждый из нас, из моих младших друзей и моих сверстников, подумает, что здесь было сказано, подумает над заботливыми, взыскательными словами друзей от русской литературы. Поэтому позвольте от имени всех нас выразить большую-большую сердечную, горячую благодарность нашим друзьям, которые выступали и которые отдали столько своего драгоценного времени на обсуждение и осмысление всего того, что мы сюда привезли.

Спасибо, товарищи!

РГАЛИ,
Фонд СП СССР,
Комиссия по литературам народов СССР,
опись № 26, п. № 52, л. 85–102.

ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Многовековая история казахского народа имеет столь же многовековую, неизменную спутницу свою – казахскую литературу. Трансформируясь, эволюционируя в веках и эпохах, этот род духовной культуры народа выражал собою поэтический дух и высокое дарование народа. Литература в многообразии своих жанров и стилей, школ и традиций то отражала сокровенные думы и чаяния народа, борьбу и судьбу поколений, то запечатлевала чудесными творениями, светящимися для дали времени, как огни в степи, памятные исторические события.

Многое поведал народ для грядущих поколений, для истории и устами безымянных, анонимных хранителей его дум, мечтаний, порывов и творениями благородных великих сынов своих – поэтов, писателей поздних веков. Казахский народ, создавший в прошлом не много ценностей материальной культуры, создал, однако, огромнейшие ценности духовной культуры – свой богатейший фольклор и письменную художественную литературу, а также талантливую музыку.

И эти духовные ценности предстали благороднейшим объектом научного изучения. По части литературы факты и объекты прошлого и настоящего обуславливают собою зарождение и развитие новой, специальной области тюркологии и истории мировой литературы – истории казахской литературы.

Малоизвестность для широкого круга лиц, с одной стороны, самих образцов – памятников казахской литературы, и, с другой стороны, недостаточная известность состояния науки, занимающейся настоящим объектом, требуют в данном нашем сообщении разграничения доклада по трем необходимым разделам.

Факт происхождения в ранние эпохи и в средние века множества народов по необъятным просторам нынешнего

Казахстана, как известно, прошел не бесследно для истории страны и истории ее материальной культуры; он тем более сложно, многообразно влиял на суть и характер изустного творчества народа, являвшегося давним обитателем этих пространств.

Явные следы влияния индийско-буддийской, монголо-тибетской, древнеиранской, арабской мифологии, а через них влияние древностей известной части переднеазиатских, средиземноморских народов, обнаруживают почти столь же древние сюжеты мифов, космогонии, сказок, эпоса древнейших родовых союзов: уйсун, канглы, кипчаков, конгратов, найманов, джалаирав, вошедших позже значительными в конгломератный состав казахского союза. Подобное множество историков, очевидно, способствовало тому истинному обилию изустного наследия и многообразию его форм казахского народа, среди которого, кстати сказать, запись-собрание его богатейших ценностей началась сравнительно недавно (около 100 лет тому назад) и потому записывалась с утерей многого, неповторимо ценного из памятников древних веков.

Но один лишь краткий перечень собранного за последнее столетие, особенно записанного и частично опубликованного после Октябрьской революции, может засвидетельствовать о необычайном богатстве памятников как далекого прошлого, так и индивидуальной, письменной литературы XVIII–XIX веков. Как важнейшие объекты научного изучения, к ним присовокупить и многочисленные виды художественной литературы начала 20 столетия и особенно богато расцветшей после Великой Октябрьской революции советской литературы возрожденного казахского народа.

Рукописный фонд настоящего института располагает ныне образцами фольклора: 1) эпических жанров – героического эпоса и лиро-эпоса – в количестве 165 эпоей и поэм, общим объемом приблизительно в 530 п.л. Из них героических эпоей – 117; лирических поэм – 48; 2) исторических песен – сюжетных поэм – 58, объемом 175 п.л., 3) сказок, помимо опубликованных в казахских и русских изданиях, лишь в записи – 440; 4) шешендер сози, т.е. редчайшего и оригинального вида фольклора – поэтической полемики-состязаний в красноречии импровизаторов-ораторов – запи-

сано в количестве 323 состязаний; 5) айтыс – публичный словесно-поэтический турнир импровизаторов-акынов – записано 186 айтысов. Кроме собранных и опубликованных в III томе “Образцов тюркских наречий” академика В.В. Радлова, богатых и разнообразных видов казахского фольклора, не вошедших в вышеприведенный перечень, мы имеем столь же огромные вклады в собиране казахского фольклора, сделанные Абубакиром Ахмеджановичем Диваевым, 40-летняя научная деятельность которого по собиранию казахского фольклора отмечалась еще в 1922 году. Он оставил для нашей науки богатейшие материалы для исследования в объеме 400 п.л. лично им собранных образцов. Большой фонд фольклорных записей любезно предоставил в ведение КАН известный ученый-востоковед Васильев. Результат его давних поисков и трудов – собранный им фонд – составляет около 50 п.л.

Обогащению записанных фондов казахского изустного творчества оказали неоценимые услуги еще в прошлом столетии славные русские ученые: академик Радлов, Потанин, Аничков, Мелиоранский и др., оказали подобные услуги воспитанники русской школы – казахские ученые во главе с знаменитым Чоканом Валихановым: поэт Алтынсарин, Диваев и др. Наряду с ними такие же огромные заслуги имеют поэты-книжники XIX и начала XX века: Акылбек Сабал, Макиш Калтаев, Мауликей, издавший около 40 поэм, по преимуществу из записанных им образцов народного творчества.

Труды всех этих собирателей древних и старых образцов народного наследия после Великой Октябрьской революции получают достойное и уже широкое продолжение в деятельности целых научных экспедиций по собиранию и публикации всех видов казахской литературы, экспедиций, снаряженных Наркомпросом Казахской Республики, Институтом национальной культуры, обществами изучения Казахстана, краеведения, экспедициями из высших учебных заведений, руководимых советскими учеными – востоковедами-фольклористами. Впоследствии всей этой работой руководит Институт языка и литературы Казахского филиала Академии наук СССР.

Не только казахский фольклор, но и богатейшие виды индивидуальной, письменной литературы, воскрешенные

как интересные и сложнейшие объекты научного изучения с огромной галереей имен их творцов – авторов, почти преданных забвению в пору отсутствия или незрелости историко-литературной науки, могущей вести исследования в преемственной исторической связи по учащенным рядам. А ныне возрожденные для истории эти имена, с их бессмертными творениями, открывают перед глазами исследователя замечательные страницы в истории народа, страницы глубоких дум, великой мечты, мечты народов, при этом особенно богато представленные акынами, писателями XVIII–XIX веков. Сейчас мы восстановили имена и творения 140 поэтов. Среди них адаевец, современник туркменского классика Махтумкули – Абыл и поэты Бухаржырау, Нурым, Марабай, Жанак занимают особое место, как выдающиеся поэты XVIII века.

В число 140 поэтов-писателей не входит большинство акынов, выступавших исключительно в состязательных песнях. Мы включаем в них только тех, которые, помимо импровизированных песен “айтыс”, создавали еще свои поэмы, песни, стихи – или изустно, или письменно. Были такие поэты – они существуют и сейчас – это срединная, промежуточная фигура между носителем фольклорных традиций и письменной или индивидуальной поэтической культуры. Особо замечательный список составляют поэтессы-акынши – участницы состязаний-айтысов. Их роль велика в сохранении традиций айтыса, возникающего часто на увеселительных торжествах и семейных празднествах. Шуточно-остроумные турниры в импровизированных песнях в виде ли подчеркнуто вежливых взаимных комплиментов или хитроумных выпадов, в виде ли состязания в лучшем знании народной мудрости, в логической изощренности, находчивости, блеске остроумия, дающих возможность испытать полемические способности юношей и девушек, составляют самое распространенное любимое развлечение казахской молодежи. Эта не застывшая, а полная жизни традиция состязательных импровизаций создавала наилучшие условия к познанию фольклора, песенного творчества своего народа и, наряду с этим, будила творческие порывы в истинно талантливых представителях молодежи.

Почти во всех случаях состязаний-увеселений девушка акын мыслится как непременно вторая участница айтыса.

И сколько ежегодно во всех концах бывает этих айтысов? Какое должно быть обилие песен, если в биографии любого акына мы имеем больших состязаний на асах, тоях, многолюдных сборах десятки, а обычно — не счесть у любой девушки-поэтессы: Акбала, Улбике, Кунбала, Тойбала, Тогжан, Сара и проч.

Столь же обильна и литература XIX века. Чрезвычайно разнообразны мир идей, поисков и исторически направленные русла их творчества. Здесь есть пламенные певцы — поэты восстаний, возглавляемые Махамбетом.

Есть поэты гражданского протеста — изобличители пороков феодально-байской среды: Шернияз, Суюмбай и др.

Есть целая интересная плеяда поэтов-книжников, освоивших книжно-восточную эпическую культуру, и в духе “назира” перепевавших огромное большинство тем и сюжетов арабской, иранской, классической поэзии и, кроме того, не меньшее количество тем и сюжетов народно-героических и лирико-бытовых поэм, легенд, сказаний вообще многих народов Востока. Сюда относятся перепевы ряда событий “Шахнаме”, “Юсуф — Злихи”, “Шахмаран”, “Кер бали”, огромного количества религиозно-лирико-бытовых поэм, как “Лейли и Меджнун”, “Сейфул-Малик”, “Бозжигит”, “Зияда”, “Мелис-Хасен”, “Шакир и Шакрат”, “Мунылык-Зарлык”, множества арабо-иранских сказочных тем, разработанных в виде остросюжетных поэм или народных романов, исторических хроник, жизнеописаний, притч, преданий.

Темы и сюжеты, возникшие на почве истории тюркских племен и союзов, как народный роман “Бахтияр”, религиозно-героическое сказание “Сеид Баттал”, разработаны казахскими писателями исключительно остросюжетно, в стиле авантюрных или детективных романов. Так же, как и собственный казахский эпос, воспевался “Кёр-оглы”, воспевался и киргизский “Манас” акынами Большого жуза еще с времен Майкота, Кулмамбета, Суюмбая, прекрасно пел казахские варианты этих поэм также и Джамбул. Популярность сюжета “Кёр-оглы” была настолько велика, что мы имеем сейчас в записи шесть казахских поэм с подобным названием. Этот цикл общих с арабо-иранской, древнеузбекской, туркменской, киргизской, татарской, кара-

калпакской и отчасти азербайджанской книжно-народной литературной поэм, романов, былин — составляет огромный, интереснейший для сравнительного историко-литературного изучения раздел в литературе XIX века.

Есть поэмы-книжники, связанные с восточной классической литературой и писавшие почти исключительно на древние книжные сюжеты, как Ораз Молла, Муса Молла, Майлы Кожа, Мэдели, Акылбек Сабал, Мауликей, Шадиторе, Макъш Калтаев, Кажифеддин, Арип и др. Их наследие в большинстве издано в XIX и в начале XX века. И составляет в целом 120 поэм.

XIX век богат еще одним оригинальным типом творцов казахской поэзии — это поэты-песнетворцы, акыны-певцы. Они создавали, расширяли и поэтическую, и музыкально-вокальную культуру казахского народа. Акыны-певцы составляют истинно вдохновенную плеяду поэтов малого песенного жанра, но они же были зачастую и импровизаторами, участниками состязаний. Имена знаменитых Биржана, Ахана, Жаяу Мусы, Мухита, Ибрая, Асета сохранились в народной памяти их лучшими песенными творениями и также их состязаниями-айтысами.

Здесь мы наблюдаем интересные встречи традиций, встречи известных этих певцов-поэтов с акынами-импровизаторами. Каждый из последних, между прочим, тоже бывал и лучшим певцом, и имел на свои импровизации свои же напевы, мелодии, свои исключительно оригинальные, тоже популярные, высокомузыкальные речитативы — “сарыны”.

В эту же пору утверждения имен индивидуальных творцов существуют прекрасные эпика, возглавляющие целые школы сказителей. Особенно замечательна, сильна и мощна была струя в традициях акынов Малого жуза, как акынов-исполнителей и слагателей по преимуществу героических песен. У них были целые поколения преемственной передачи, унаследованные еще начиная с легендарного эпика Сыпыра жырау, продолженного далее школой Нурыма и еще дальше сказителями Мурыном, Нуртуганом, Мергембаем. Были эпика и в Среднем жузе, но из их репертуара сохраняют в записи по преимуществу лиро-эпические поэмы типа “Козы-Корпеш”, “Кыз Жибек” и др. Эпос частично бытовал и в Большом жузе. Не случайно предшественники Джамбула Суюмбай, Майкот, Кулманбет, Кабан, Канадан

были одновременно и эпиками. Не случайно потому и сам Джамбул являлся одновременно эпическим певцом. В том же XIX столетии, наряду со всем этим многообразным миром творческой среды, существовала другая мощная, благодатная струя классической казахской поэзии, впитанной соками всей народной поэзии, восточной поэзии и вдобавок еще развивавшейся, главным образом, под влиянием русской и европейской классической поэзии. Возглавили это течение, начиная с 70-х годов, поэты-просветители Алтынсарин и Абай.

Проблема глубокого изучения всего того, что значилось на их знамени, является благодарной задачей не только для историков литературы, но и для историков вообще.

Чокан и Достоевский в содружестве с Дуровым, Майковым, Ядринцевым, Потаниным или Алтынсарин и Ильминский, или же Абай и Михаэлис, Долгополов, Гросс, Леонтьев и др. — это примеры прекрасной личной дружбы. Одновременно это же было ярким воплощением верно намеченного пути для истории, для народов, пути консолидации прогрессивных элементов в народах, и оно началось 90 лет тому назад. Как в дружбе Чокана с петрашевцами, так и в дружбе Абая с учениками Герцена, с последователями Чернышевского есть глубочайший исторический смысл, и в воплощении их совместных устремлений и в отношении казахского народа как в творчестве Абая, так и в трудах этих лучших сынов русского народа много не исследованного и поныне. Данной проблемой должны заниматься не только ученые Казахстана, но и историки России, заниматься хотя бы с точки зрения того, как борьба русской революционно-демократической интеллигенции зарождала свои семена в национальной окраине, в думах национальных поэтов царской колонии. Только ли переводы Пушкина, Лермонтова, Крылова составляли задачу Абая? Не было ли это осуществлением части программы шестидесятников, осуществлением мыслей Чернышевского о просвещении народных масс исторически плодотворными, истинно спасительными знаниями? Не прокладывали разве в тот суровый век эти первенцы, выразители народного духа, пути-дороги по сердцам народов через кордон полицейско-жандармского, ханско-феодального царства? Очевидно, не случайно в творчестве молодых поэтов из друзей Абая ка-

захская литература выходит за рамки казахской тематики и воспроизводит борьбу рабов с плантатором на берегу Нила (“Медгат – Касым”), борьбу “зулусов” за свою независимость и т.д.

А в начале XX века обновленная после Абая поэзия логично и естественно берет свои истоки от революции 1905 года. Эта литература должна изучаться с точки зрения развития критического реализма на основе роста национального самосознания угнетенного царизмом казахского народа. Поэты и писатели или путем образования в русской школе, или же путем самообразования, а главным образом под воздействием прогрессивно-демократических идей, глубоко, серьезно приобщаются к русской литературной культуре. Они разнообразны в своем творчестве. В результате их деятельности рождаются политическая поэзия, социальный роман, сатирическая поэзия, усиливается журналистика. Канун Октября отмечен обильной призывно-агитационной поэзией восстания 1916 года. Центральной героической фигурой вырастает личность Амангельды; множество поэм и песен о нем свидетельствует о всенародной любви к нему.

И в XX веке сосуществуют мощные струи народной поэзии, поэзии борьбы в 1916 году, поэзии социального оптимизма накануне великой революции со всеми видами эпической, исторической, состязательной поэзии. Правда, в эту пору еще мало издаются и образцы фольклора, и творения поэтов. Не составляет исключения и сам Абай. Но все эти сокровища распространились среди народа в рукописях для грамотеев, а народу – массе, в основном неграмотной – эти творения доносились певцами, акынами в песенном исполнении, сопровождаемом домброй.

Два течения – изустная акынская поэзия и творчество писателей, поэтов профессиональных – сосуществуют и в казахской советской литературе.

Самое характерное в их развитии и становлении – во взаимном обогащении, в нерушимом союзе, в надежном взаимодействии. Критический реализм, усвоенный из лучших традиций прошлого, сменяется в обоих течениях на социалистический реализм.

Акыны и психология акынского творчества составляют особую проблему изучения всей советской фольклористики

и литературоведения. Ясно для каждого, что Джамбул — явление невиданное, немыслимое в буржуазной литературе. Его творчество надо изучать с точки зрения качеств, идущих от народной основы, и качеств, обретенных им в век социализма, качеств, обретенных из духа учений Ленина — Сталина. Мы должны научно познать тайны поэтической мудрости и обаяния, сделавшие Джамбула поэтом самым популярным и любимым в Союзе. Его современники, его акынское окружение в Казахстане — живые носители различных традиций — тоже самое представляют собою интереснейшую проблему для специального исследования.

Вот в целом тот предмет науки, иначе творческая продукция поэтического духа казахского народа, запечатлевшая свой исторический путь с глубин веков до великих лет сталинской эпохи — казахская литература, берущая свое начало из туманных далей седой древности и достигшая ныне высокой ступени литературной культуры.

Материал для науки как в изустном, так и в индивидуальном, письменном наследии прошлого и настоящего обширен, оригинален и исключительно многообразен.

Широкие просторы Казахстана во всех своих концах, как было в веках, так и поныне, наполнены, насыщены поэзией. Это явно ощутил еще при первом своем прикосновении к богатым источникам казахской поэзии объективный свидетель В.В. Радлов. Свидетелями рождения чудесных песен были степи и горы, не исключая и полупустынь, камышовых берегов Балхаша, Сыр-Дарьи, Арала, снеговых хребтов Алтая, Алатау, волн Каспия, Арала, Балхаша, Нор-Зайсана, а ныне культурных городов, колхозной полосы, пастбищных угодий. Океан поэзии представляет собою Казахстан, где благодатным Гольфстримом протекают от седой древности из века в век, от поколения к поколению, от прошлого до нас чудесные эпические песни, переходя к пламенному Махамбету, к мудрому Абаю, к мощному Джамбулу. Эти благородные порывы творческого духа народа несут жизнетворящие тепло и влагу на нивы истории, на нивы народа, на нивы социалистической культуры. Они и составляют преемственно обогащенные из эпохи в эпоху великие течения литературы.

Подходя к вопросу о состоянии науки, изучающей казахскую литературу, необходимо указать на две стадии ее развития. Первая — стадия собирания записи, частичной

публикации, порою с переводами на русский язык собранного. В этой стадии многие образцы казахской литературы впервые подвергаются письменной фиксации, переходя из векового устного бытования на страницы письменной истории. Но изучается литературный памятник больше в комплексах проблем: этнографии, истории, языковедения и изучаются, по преимуществу, образцы фольклора. Литературоведение не выделилось еще особо. Это был процесс, характерный для всего востоковедения, в частности и для тюркологии, поэтому фольклор и в исследованиях Чокана Валиханова – еще подсобный материал в понимании религиозных представлений, особенностей быта, обычаев, социальных проблем, моментов истории, истории культуры. В подобной постановке вопросов ранее только и видели главную задачу исследования.

Без исследовательских задач, но с целью простого собирания образцов, работала еще одна группа любителей, ревнителей казахской словесности.

Это было большинство казахских деятелей – собирателей и также огромное количество русских журналистов, путешественников, исследователей других проблем, попутно уделявших внимание и казахскому литературному наследию.

Замечательное в трудах этого огромного, многообразного коллектива заключалось в том, что они много издавали в русском переводе и на казахском языке собранные ими материалы. Они накопили огромный фонд записей, публикации на страницах многих журналов, как “Вестник Европы”, на страницах краевой и областной печати: газеты, ведомостей, вестников. Печатали эти материалы в петербургских, московских изданиях, начиная с 30-х годов XIX столетия и продолжали издавать непрерывно до революции 1917 года. Колоссальные труды в дело подобной публикации вложили научные издания университетов: Казанского, Петербургского, Московского, а также различных научных обществ. Издавая материалы, одновременно выступали со своими комментариями, высказываниями о первых своих наблюдениях ученые-исследователи Радлов, Потанин, Диваев, Березин, Аничков и др. Также высказывались и казахские собиратели – в областных газетах: “Киргизская степная газета”, “Оренбургская газета”, в ведомостях и т.д.

Колоссальное значение для народных масс имели издания в Казани, Уфе, Оренбурге, Ташкенте, Петербурге лучших образцов казахских народных поэм и былин. Ими зачитывалась грамотная часть народа, их заучивали певцы, сказывали сказочники, переписывали учащиеся.

Много интересных, плодотворных мыслей для будущего исследования научно-творческого порядка высказано учеными Чоканом Валихановым, В.В. Радловым. Наряду со спорными, отчасти устаревшими ныне положениями, все еще много нового, проблемного заложено в этих предварительных опытах, закладывавших основы и научного, и сравнительного, и историко-литературного изучения фактов казахской литературы.

Вторая стадия, стадия научного изучения казахской литературы, началась в нашу эпоху, в эпоху роста и расцвета социалистической культуры Советского Казахстана. В эту пору запись-собрание всех видов казахской литературы достигла огромных размеров. А факт возникновения казахских неполных, полных средних школ, курсов учителей, педтехникумов, педвузов и наличие Казахского государственного университета со специальными казахскими отделениями факультетов филологического и журналистики и, наконец, наличие Научно-исследовательского института языка и литературы при Академии наук обеспечили, при постоянном деятельном участии научно-методического совета Министерства просвещения КазССР, появление научно продуманных программ по истории казахской литературы, а вслед за этим появление учебников по литературе. Уже прошло много лет, как казахская средняя школа, начиная с 5-го класса до 10-го включительно, имеет учебники теории и истории казахской литературы. Более 30 лет читаются курсы истории казахской литературы в педтехникумах, более 25 лет читаются курсы по еще более повышенной программе в целом ряде казахских пединститутов и в специальном женском педагогическом институте. Уже ряд лет читаются курсы теории, истории казахской литературы не только по программе-минимуму, а с включением факультативных спецкурсов по разделам казахской литературы в Казахском государственном университете имени Сергея Мироновича Кирова, ставшем уже серьезным очагом и рассадником широких и глубоких знаний по филологии, истории, истории культуры казахского народа.

Обилие предметов науки и накопленного научно-исследовательского опыта, сейчас, естественно, приводит к большей дифференциации исследовательских задач и отсюда к большей специализации ученого-исследователя литературы. Поэтому и выделило последнее десятилетие из числа казахских литературоведов, из числа тех научных деятелей, которые в течение 10–15–20 лет вели непрерывную педагогическую и научно-творческую работу в вузах, квалифицированных ученых-специалистов или по фольклору, или по истории литературы XVIII–XIX веков, или по истории литературы XX века.

Переходя к вопросам проблематики изучения казахской литературы, необходимо высказать некоторые моменты наших общих наблюдений над особенностями этой литературы, над теми особенностями историко-литературного изучения, которые определяют собою, в известной мере, характер, направления дальнейших научно-исследовательских задач.

Выдающиеся литературные деятели и публицисты прошлого столетия в своих произведениях звали народ идти по передовому пути русской культуры. Их литературное наследство должно быть прежде всего изучено и осмыслено в свете марксизма-ленинизма. В истории литературы должны быть прежде всего освещены те литературные направления и течения, которые в значительной степени определили последующее поступательное движение родной литературы.

Надо, конечно, оговориться, что и классики национальных литератур XIX века не всегда могли стать вровень с передовой общественной мыслью России того времени. Дело в том, что развитие общественной мысли в России, отражая свой бурный рост производительных сил, шло быстро, опережая на ряд десятилетий замедленный рост общественного сознания национальностей окраин царской России. Поэтому исторически обусловленная ограниченность мировоззрения даже передовых писателей-мыслителей в ряде национальных литератур была в прошлом неизбежным и печальным фактором, заслуживающим особо внимательного анализа.

Прекрасной иллюстрацией к вышеприведенному положению служит творчество Чокана Валиханова и Абая

Кунанбаева – казахских писателей, современников Герцена и Чернышевского. Чокан следовал за русскими просветителями, знал и ценил произведения Герцена и Чернышевского. Абай творчески воспринял идейно-художественные традиции пушкинского реализма. Будучи современником Чернышевского и Добролюбова, он многому учился у революционных демократов. Однако творчество его имеет много внутренних противоречий. Ему присущи элементы религиозности в толковании вопросов морали; он воспринимает монархический строй как нечто незыблемое. Такие противоречия в мировоззрении и Чокана, и Абая выражали собой исторически обусловленное отставание этих писателей от передовых идей русских революционных демократов.

Исторически установленные фактические данные о Чокане Валиханове говорят о том, что в 1857–1858 годах он был в близкой дружбе с петрашевцами – в лице Дурова, находившегося в г. Омске, и Ф.М. Достоевского, в пору его пребывания в г. Семипалатинске. Кроме того, Чокан Валиханов всю жизнь находился в тесном общении с выдающимися деятелями-просветителями из среды сибирской интеллигенции – Потаниным, Ядринцевым. Будучи сам ученым-географом, этнографом и исследователем истории казахов и киргизов, Чокан во многом помогал деятельности Семенова-Тян-Шанского.

Верные памяти Чокана друзья издали на русском языке его труд под названием “Сочинения Ч. Валиханова”.

Чокан был хорошо знаком с сочинениями Белинского и Герцена. Однако из их трудов он ближе всего воспринял программу широкого просвещения масс. Революционно-демократические идеи этих русских мыслителей казались и Чокану, и Абая преждевременными в применении к отсталому казахскому обществу.

Но наряду с этим, как мы видим, оба писателя под влиянием великих просветителей выступают против косности феодального Востока, панисламизма, пантюркизма. У Абая мы с восхищением констатируем творческое освоение пушкинского реализма, идейно-эстетических взглядов Белинского о служении искусства обществу. Во многих высказываниях Абая мы находим приговор явлениям общественной жизни в духе учения Чернышевского и

Добролюбова. В сатире великого казахского поэта звучат те же социальные мотивы, что и в бессмертных произведениях Салтыкова-Щедрина.

Так же как Чокан Валиханов, Абай широко ознакомился с русскими классиками XIX века. Абай во всех тонкостях понимал тексты Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, Некрасова.

Высокохудожественные переводы произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова, сделанные Абаем, а также его воспроизведения отдельных стихов Байрона, Гёте с русского перевода свидетельствуют об огромной культуре, освоенной Абаем в результате изучения произведений русских классиков и передовых деятелей прошлого столетия.

Знакомясь с трудами Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова, Абай проникался их просветительско-демократическими идеями. То в отдельных стихотворениях, то в прозаических “размышлениях” (“Такля”) Абая мы часто сталкиваемся с мыслями Герцена, с воззрениями Чернышевского, Добролюбова, высказанными ими на страницах “Современника”. С “Современником” познакомил Абая его друг, последователь Чернышевского, ссыльный Михаэлис.

Какие эстетические и этнические нормы русских просветителей легли в основу художественного мирозерцания Абая, какие социально-политические идеи общественной мысли тогдашней России наиболее отразились в творчестве великого казахского классика? Абай иными глазами, чем его предшественники и даже современники, увидел казахскую действительность, застывшую в окостенелых формах феодально-родового быта. Уже в ранних своих произведениях он резко осудил благодушие и безыдейность Бухар жырау, Шортанбая, Дулата!

Шортанбай, Дулат и Бухар-жырау –
Певцы лоскутных мыслей они...

Этими словами Абай выносит приговор убожеству мыслей, скудости общественных идей и отсутствию положительной исторической перспективы у названных поэтов. Вся их дидактически-назидательная поэзия была обращена к прошлому. Мнимые печальники народа, они не

только не сознавали необходимости восприятия передовой культуры, но просто пугались даже возможности сближения с русскими людьми. Привычные, освященные исламом понятия, веками сохранившиеся формы феодально-родового быта являлись для них гарантией их личной славы и благополучия.

Подобно старым биям,
Не стану мыслить поговорками.
Подобно старым акынам,
Не стану попрошайничать за мзду.
Обновилось слово!
Обновись и ты,
Обращаюсь к тебе, слушатель мой, —

писал Абай.

Абай первый в степи заговорил о социальной роли поэта, высоко подымая искусство как орудие борьбы за новые общественные идеи.

Цель моя — родить такую речь,
Чтобы отточенным словом
Не глаза невежд,
Души открыть, сделать зрячими.

Эти строки были обращены против предшественников Абая — акынов прошлого, подобных Бухару, чья “лоскутная поэзия” заключала в себе безнадежный пессимизм, идеализацию устоев феодального аула и неприятие русской культуры.

Абай выступает как беспощадный критик феодально-родового строя. Он поднимает свой голос за русское просвещение, за скорейшее приобщение к более передовой культуре.

Эстетические взгляды Абая обнаруживают глубокое родство с идейно-эстетическими взглядами Белинского, видевшего в поэте прежде всего гражданина, борца за общественное благо, понимавшего искусство как одну из форм борьбы за демократические права народа. Абай облакает полюбившиеся ему мысли Белинского в стихи, в афоризмы, которые показывают, как ограниченно воспринял он многое из эстетики Белинского.

Прекрасный знаток казахского фольклора, Абай в своем творчестве широко пользуется всем богатством казахского языка, но он совершенно отказывается от форм устной народной поэзии. Он выступает новатором в поэзии. Абай знакомит казахов с новыми, неведомыми ранее формами поэзии, заимствованными из русской классической литературы.

Абай противостоит Бухару и Шортамбаю и им подобным акынам еще и потому, что те в своих произведениях выражали уже не освободительные мотивы и настроения, отличающие подлинно народную фольклорную традицию, а лишь облекали свои толгау (назидания) в фольклорные формы, выражая в них чуждые народным массам воззрения ханско-султанских верхов.

Абай отказался и от “тюрки” — этого условного литературного языка, характерного для общих по сюжету книжных произведений, начавших в эти годы сильно распространяться в виде многочисленных “исса” — “народных” романов-дастанов.

Творчество Абая пронизано беспощадной и последовательной критикой народов и деяний родовых старейшин, волостных управителей, взяточников, сутяг, мулл-ханжей, осмеянием байской лени и косности. Абай гневно выступает против бытовых устоев, закабаливших казахскую женщину.

Для общественной среды, окружавшей Абая в то время, само осуждение, отрицание, неприятие освященных веками жизненных устоев феодально-родового быта явилось позитивной программой, идейным лозунгом нового мира. Высказывания Абая были направлены против основ старой феодально-родовой семьи, против всего жестокого и несправедливого социального строя казахского кочевого аула, против остального административно-хозяйственного уклада многочисленных племен и родов. Все это по-новому воспитывало молодое поколение в духе народно-демократических идей, составляющих новую для степи сущность социальной программы деятельности Абая.

Эта поэтическая проповедь, пропагандирующая высокие демократические идеи своего века, раскрывает Абая как гениального поэта, великого сына казахского народа, пролагавшего себе путь и направление по стезе русских классиков, выразителей передовой мысли человечества.

Традиции русского классического реализма Абай, понятно, не смог бы реализовать в своем творчестве, если бы не обогатил казахскую литературу новыми формами. Ему принадлежит приоритет создания на казахском языке одиннадцати новых видов строфического членения, новой рифмы и ритмики. Чтобы выразить яркое значительное содержание, внесенное им в родную литературу, Абай обновил казахский стих.

“Учись у русских” — было девизом всей сознательной творческой жизни Абая. И это касалось не только литературы. Абай говорил: “Люби труд”, подразумевая под трудом земледелие, которое вместе с русскими людьми пришло в степь. Он не идеализировал аул, не защищал патриархально-родового уклада. Он выступал с требованиями реформ в управлении степью, с требованиями искоренения взяточничества и неправого суда.

Как уже упоминалось, Абай всегда и неизменно ратует за равноправие женщин. Его высказывания по вопросам морали и религии содержат в себе полное отречение от фанатизма и схоластики ислама.

В своих размышлениях об исторических путях казахского народа Абай выступает против тех, кто стремится изолировать казахскую степь от судеб России.

Осуждая сатрапов, ставленников царизма в ауле, всячески борясь против них, Абай, однако, как нами уже отмечалось, не зовет к насильственному свержению монархического строя. Мы не находим у Абая последовательно-материалистической философии и боевого демократизма Чернышевского, великого русского мыслителя и идеолога крестьянской революции в России. В философских воззрениях Абая есть двойственность. Он — приверженец дуализма, определяющего началом и причиной бытия две субстанции — дух и тело. Он считает, что нравственное совершенствование личности способно само по себе изменить ход истории. Абай приписывает роль творцов истории человечества отдельным выдающимся личностям, “героям”, которые ведут за собой пассивный и покорный народ.

И последнее, что надо отметить, говоря о творческих путях Абая, — это отношение к классикам Востока. Он чтит творения таких писателей, как Фирдоуси, Хафиз,

Саади, Низами, Навои, Физули. В ранние годы поэтической деятельности он подражал их любовной лирике. Но в зрелом периоде своего творчества Абай в поисках жизненно-реалистических путей искусства, связанных с эпохой, с запросами народа, обращается не к ним, а к лучшим произведениям гуманистической русской литературы. Абай перерос традиции средневековья, запечатленного в поэзии и афоризмах восточных классиков. Как Ахундов и Тукай, Абай ясно понимал, что, при всем восхищении красотой поэзии старого Востока, не в ней надо искать прогрессивную, исторически насущную общественную мысль своего времени.

Конечно, и в великолепных памятниках древних восточных культур сохранились неувядающие ценности поэтического мастерства, в них запечатлены многие правдивые мысли, но они, естественно, не могли удовлетворить поэтов национальных окраин России девятнадцатого столетия. Произошли огромные сдвиги в истории человечества, и русская литература девятнадцатого столетия, несущая широкие идеи революционного гуманизма, свободы человеческой личности, раскрепощения трудового человечества, равенства женщин, требовавшая независимого от церкви широкого светского образования, провозгласившая еще устами Пушкина братство всех народов “Руси великой”, — русская литература всей своей притягательной новизной и исторической правомочностью не могла не одолеть традиций старой классической поэзии Востока.

Влияние русской классической литературы легко прослеживается и в творчестве другого казахского поэта-просветителя и педагога — Ибрая Алтынсарина. Призыв к овладению русской культурой через местную русско-туземную школу, путем знакомства с творениями русских классиков, идея освобождения школьного образования от схоластики Востока и православной догмы, то есть от двойного влияния церковников, — вот что звучит в поэзии и прозе Алтынсарина, последователя русского реализма.

Смелый реформатор, насаждавший светские школы не только для мальчиков, но и для казахских девочек, он стремился осуществить в своей творческой и общественной деятельности программу русского просветительства. Его труды в целом — несомненно, прогрессивное явление для

национальных окраин тогдашней России. Но надо сказать, что восприятие традиции русского реализма ограничивается у Алтынсарина пределами школьной, хрестоматийной, дидактической литературы. В его наследии мы не находим того широкого, разностороннего, высокоидейного приобщения казахской литературы к русской классической литературе XIX века, какое есть у Абая. Однако тот факт, что Алтынсарин первый разработал, на основе русской графики, казахский алфавит и, следуя методике и педагогическим идеям великого русского педагога Ушинского, также создал свою хрестоматию для школьного чтения и включил в нее свои переводы басен Крылова, — все это в целом говорит о его огромной роли новатора, твердо ставшего на путь воспитания казахской молодежи в духе передовых традиций русской реалистической литературы и демократической советской школы.

Традиции русского реализма в казахской литературе после Абая продолжены и отчасти развиты в идейно-историческом плане прозаиками и поэтами демократического направления: Спандияром Кубеевым, Донентаевым, Султанмахмутом Торайгыровым.

На заре двадцатого века в Казахстане зарождается художественная проза, начало которой положено романом “Калым” Кубеева. Роман этот далек от совершенства в отношении художественной формы, но идейно-прогрессивные устремления, выраженные в нем, содержат в себе элементы критического реализма. Осуждение родового феодального строя, угнетения женщины, господства властительных баев, атакминеров как главного социального зла в казахском ауле, отличает это произведение и ставит его в ряд значительных явлений своего времени. В романе противопоставлены два поколения: отцов и детей. Молодежь рвется к новому; чувствуется приближение революционных бурь. Брожение умов и социальный протест вековых устоев патриархального аула в этом романе раскрыты в образах джигитов и девушек — представителей бедноты, борющихся за экономическое и правомерное раскрепощение. И эти герои, и их настроения, обрисованные в романе, явились несомненным отражением веяний русской революции 1905 года; передовая общественная мысль, выраженная в русской

прогрессивной литературе, пробуждала сознание молодежи национальных окраин.

У казахских писателей не было достаточного опыта в области прозы. Надо признаться, что не было тогда в среде казахских литераторов и талантливых прозаиков. Поэтому в первых казахских повестях нет той глубины и художественной полноты в изображении аула и внутреннего мира героев, которыми отличается поэзия Абая. Тем не менее казахский читатель буквально зачитывался первыми романами типа “Калым”, ценя в них правдивое отображение запросов современности.

С большой силой влияние русского реализма сказалось в послеабаевский период казахской литературы в поэзии. После революции 1905 года на литературную арену выступает талантливый продолжатель традиций Абая в сатирической поэзии – Донентаев. Зло и умело он обличает пороки волостных управителей, казахских националистов, торгашей-купцов, недоучек, приверженцев стариков-аксакалов, осмеивает позорные, сохранившиеся от варварской эпохи социальные институты прошлого, всякие проявления ханжества и невежества в казахском обществе. В реалистической манере изображения Донентаевым застойного кочевого быта, безвыходного положения казахского крестьянства, в публицистической страстности, с какой Донентаев отстаивает интересы бедноты и клеймит невежество самодовольных чиновников, мы находим ту же школу социальной сатиры Салтыкова-Щедрина и Некрасова, воспринятую уже в абаевском преломлении. Поэзия Донентаева этой поры глубоко проникнута духом русского критического реализма.

Произведения Султанмахмута Торайгырова – поэмы “Батрак” и “В блужданиях жизни” – по своей художественной форме явились новшеством для казахской литературы. В них дана широкая панорама многих, до того не отображенных, неприглядных, но правдивых картин подневольного труда и борьбы аульного батрака. Батрак, изображенный Торайгыровым, ищет пути своего раскрепощения, он глубоко задумался над своей участью, протестует против окружающей его несправедливости, – этот образ батрака многими своими чертами близок образам крестьян из поэмы Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”. Но отсутствие четкого мировоззрения

у Торайгырова лишает его произведение силы действенного призыва к классовой борьбе.

В поэме “В блужданиях жизни” юноша-герой размышляет о независимой жизни, достойной человека. Он недоволен окружающей его действительностью. Смутное представление грядущей революции вызывает в нем протест против существующего строя, но отсутствие ясного политического сознания приводит его к отрицанию вообще всяких общественных учреждений — то есть к анархическому нигилизму.

Таким образом, Торайгыров направил стихийную революционность героя своей поэмы в русло буржуазного индивидуализма. Поэт оставил героя поэмы “В блужданиях жизни” на перепутье. Герой не понимает лозунгов Октября, он останавливается перед ними как перед загадкой, которую он не в состоянии разгадать. В этом идейном метании героя отразилась и политическая слепота самого поэта.

Будучи современником Горького и Маяковского, Султанмахмут Торайгыров остался равнодушным к революционным идеям их творчества. Он не сумел увидеть в произведениях великих пролетарских писателей Горького и Маяковского черт социалистического реализма, открывающих перед художником величие организованного революционного движения широких масс, его исторические перспективы. Султанмахмут остался лишь выразителем индивидуального, анархически-бунтарского протеста. Отсюда происходят его политические блуждания в годы 1917–1918. Поэт попадает в тот тупик, в котором оказались все идеологи буржуазно-националистической эксплуататорской верхушки казахского общества.

Мы пытались в кратком фрагментарном наброске истории казахской литературы показать, как в сложном процессе становления казахской письменной литературы в дооктябрьский период отразились великие традиции передовой общественной мысли России и русской классической литературы.

Казахские писатели в прошлом обращались к русским классикам с ясным сознанием, что восприятие лучших традиций русской литературы приведет их к вершинам художественной культуры. Уже в прошлом казахской литературы

заложены корни исторической дружбы и родства советской казахской литературы с передовой культурой великого народа.

Вместе с тем следует помнить, что в прошлом, в силу исторических условий отсталости казахского народа, лишь прогрессивные писатели, поднявшиеся над уровнем своей среды, обращались к традициям русского реализма.

С Великой Октябрьской социалистической революцией казахский народ равноправно вошел в братскую семью народов Советского Союза. Он начал активное политическое существование, проявляя себя во всех областях экономической, общественной и культурной жизни Советского Союза. Только в советскую эпоху все творческие силы казахского народа получили широкий расцвет и небывалый размах. Великий процесс возрождения духовной мощи бывших угнетенных народностей России породил новых художников, которым уже ничто не мешало познать и усвоить лучшие традиции русской духовной культуры. Казахские советские писатели выступают в своем творчестве как полноправные наследники Пушкина и Абая, Белинского, Чернышевского и Валиханова, как ученики и продолжатели Горького и Маяковского.

Партия Ленина, воспитывая миллионные массы в духе братства и равноправия наций, объединила духовные силы народов Советского Союза. Партия породила то идейное единство, которое, в частности, позволяет писателям всех братских народов уже не поодиночке, а общим фронтом, вместе с русскими писателями достигать высот советской социалистической культуры.

Качественный рост литературы является следствием органического освоения метода социалистического реализма. Его великие принципы — партийности, тесной связи литературы с нашей социалистической действительностью — незабываемые основы всех наших литератур, независимо от того, на каких бы языках мы ни писали. Это утвержденная жизнью, оснащенная практикой историческая правда.

Но мы пишем об общей для всех нас единой сути советской действительности на многих языках наших народов. И уже одно это различие языков вносит в художественную форму наших произведений свои элементы национального своеобразия. Близость многих наших советских литератур к

истокам народной литературы, к фольклору тоже увеличивает своеобразие произведений советских авторов.

Есть и другой сложный процесс — обновление и обогащение каждой национальной литературы новыми жанрами, усвоенными от передовой русской и мировой классики. Совсем еще недавно не было прозы и драмы у казахов, узбеков, туркмен, киргизов, таджиков и некоторых других советских народностей. Теперь наличие романов и драматических произведений в составе литератур этих народов является истинным показателем наилучшего, разностороннего их развития.

Но если мы говорим, что наследуем лучшие традиции русской классической литературы и, наследуя, развиваем их в своей национальной литературе, то этим нисколько не снимается вопрос творческого освоения книжного и фольклорного богатства своего народа.

Метод социалистического реализма, осуществляемый наиболее успешно в русской литературе, проявляется также и в других братских литературах во все новых чертах и красках, которые несут с собой все то, что составляет национальную специфику того или иного народа.

ВЫСТУПЛЕНИЕ КАЗАХСКОГО ПИСАТЕЛЯ АУЭЗОВА МУХТАРА

Товарищи!

День Мира объявлен волею всех миролюбивых народов земного шара, возглавляемых истинным оплотом мира, великим советским народом. Этот знаменательный день входит в историю современного человечества выдающимся фактором всемирно-исторического значения.

Перед лицом вновь нависшей угрозы повторения новой кровавой бойни, угрозы рождаемой и нарастающей благодаря звериному хищничеству и алчности англо-американских империалистов, ныне решительно возмущена и тревожно насторожена совесть народов. Нет и не может быть сейчас ни одной большой и малой народности на земле, отцы и матери, сыны и дочери которой могли бы думать, что при возможном повторении кровопролития они останутся в стороне, тихо и спокойно взирая на происходящее. Не паразитическое, а трудовое человечество уже достаточно выстрадало кровью погибших, страданиями искалеченных сынов, детей; выстрадало горем отцов, горькими стенаниями матерей, жен свое право на мир, на творческий созидательный труд.

А что такое творческий созидательный труд на благо трудящегося люда в стране раскрепощенного от капиталистического гнета передового человечества, в стране социализма, тому являет величайший пример наше Великое Отечество.

Под водительством партии Ленина — Сталина, при полном осуществлении ленинско-сталинской национальной политики, политики дружбы народов, под мудрым руководством вождя народов тов. Сталина создано могущественное социалистическое государство советских народов, объединенных в единую, нерушимую братскую семью. Этой великой дружбой наших народов измеряем мы нашу монолитность и могущество.

Но есть мир зарубежный, буржуазно-капиталистический, мир, где правят империалистические хищники, алчные колонизаторы. Там сотни миллионов, множество мирных народов — колониальных, полуколониальных, мандатных, подмандатных, зависимых, полузависимых стран — бьются в тисках рабства, многовековой кабалы, хищнической эксплуатации. Пребывают в нищете, бесправии, обреченные на мрак невежества, обреченные на вымирание, на всяческое попрание прав народности и личности в ней.

Коварная, враждебная этим народам политика англо-американских и прочих империалистических колонизаторов, сеет вражду между этими народами, превращает их сыновей в пушечное мясо во время затеваемых самими империалистами кровопролитных войн. Зоологическую ненависть хозяев и господ питают они в душе к трудовым миллионам этих народов, как и к трудовым миллионам своих стран.

И эти их враждебные отношения родили и создали огромную ненависть в сознании народов к хозяевам и агентам финансового капитала. На этой ненависти зиждется сейчас огромное сопротивление миролюбивых народов к коварным поджигателям новой мировой войны.

Идея борьбы за мир, идея борьбы за свою независимость угнетенных народов и всего трудового человечества охватила ныне весь мир.

Она выражается, с одной стороны, в организованной борьбе за мир, а с другой — в борьбе колониальных народов за свое освобождение от многовекового гнета империалистических колонизаторов.

Лишь в одной Азии мы видим колониального масштаба борьбу в виде массового национально-освободительного движения. Свободолюбивые народы Китая, Индонезии, Вьетнама, Бирмы, Малайи демонстрируют сейчас невиданный героизм в этой борьбе за иное переустройство жизни в своих странах, в борьбе за мир против замыслов американских и английских гангстеров.

Может ли быть иное отношение, кроме возмущенного отрицания коварных военных замыслов империалистов в этих странах, или у трудовых сотен миллионов Индии, или у народов Ближнего и Среднего Востока?

Не может быть по одному тому, что господствующий в этих странах англо-американский капитал не имеет

иных интересов в отношении судеб этих народов, кроме захвата у всех нефти, олова, каучука и иных материальных, жизненных ресурсов, кроме захвата и укрепления военно-морских, стратегических баз.

Благодаря дикой эксплуатации колонизаторами огромнейшие людские массы пребывают в невежестве. Неграмотного населения в Индонезии 94%, в Иране 90%, Турции 75%; и трудовые массы как всех стран, так и азиатских народов, которые насчитывают 1 миллиард 200 миллионов человек, т.е. больше половины всего человечества, поняли не только необходимость сопротивления империалистам, но поняли и пути своей борьбы.

Долго использовал американский, английский империализм в угоду себе те антинародные силы в лице буржуазных националистов, которые, захватив инициативу в народном движении, превращали свои страны в оружие американского и английского империализма.

Гоминдан в Китае, гандизм в Индии, кемалисты в Турции, националистическая партия Машуми в Индонезии и многие подобные буржуазные группы других колониальных стран становились защитниками интересов собственной буржуазии и связанных с нею интересов иностранных империалистов. Они предавали народные массы, предавали огромные движения сопротивления агрессорам.

Но, к счастью народов, ныне изменились ситуации.

Движущей силой нового национально-освободительного движения стал рабочий класс в союзе с крестьянством. А во главе этих подлинно народных движений стала Коммунистическая партия как вдохновитель блока национально-демократических сил народных масс, борющихся против империализма и против своей буржуазии и феодальной знати.

Это то новое в национально-освободительном движении рождает страх у мировых империалистов. Это движение достигло такого размаха, что уже приобрело значение прорыва империалистического фронта во многих частях мира. Ныне уже родилась в результате этой героической борьбы революционно-прогрессивных сил народа такая республика, как славная Народная Республика великого китайского народа, составляющего одну пятую часть всего человечества.

В перспективе подобное полное крушение позиций англо-американского империализма и в других великих странах.

Американские и английские поджигатели войны хорошо уяснили себе эту растущую для них реальную угрозу и решают лучше напасть, чем ждать время, когда народы Азии и других закабаленных ими стран окрепнут и будут организовываться в своем сопротивлении.

Но не быть тому, к чему толкают народы враги трудового человечества Черчилли, Трумэны.

Гарантией тому, прежде всего, наличие величайшей в мире, могущественной страны социализма, как наша Советская Родина. В ней обрели народы свое счастье. В ней достигли высоких, светлых идеалов великого братства народов, раскрепощенные Октябрем поколения трудовых народных масс. Они начертили пути свободы и братства народов. В ней, в ее достижениях, как в маяке, светящем на все дали земного шара, видят народы и страны свой оплот, свое счастливое грядущее. Потому вокруг нее, вокруг нашего Великого Отечества группируются исторически-прогрессивные, народно-демократические, революционно-демократические силы всех народов мира. Великую веру в нее, в идеи защиты мира во всем мире, выразили на Всемирном конгрессе мира, на многих конгрессах, конференциях в разных государствах и на Всесоюзной конференции сторонников мира, проходившей в конце августа в Москве, представители множества зарубежных народов.

Нет сомнения, что оправдаются не хищные замыслы врагов трудового человечества, кровавых поджигателей новой войны, а оправдаются надежды и стремления миролюбивых народов, возглавляемых могущественным, справедливым и честным советским народом.

Долой хищников империализма, поджигателей новой кровавой войны!

Да здравствует мир во всем мире!

Да здравствует Советский Союз — нерушимый оплот мира!

Да здравствует гениальный вождь, любимый друг наших народов, великий учитель наш тов. Сталин!

ТОВАРИЩИ!

В день двадцатилетия родной нашей “Литературной газеты” я горячо приветствую коллектив ее сотрудников, ее авторов, ее редакционную коллегию от имени всех читателей Советского Социалистического Казахстана!

Как во всем Великом Советском Союзе, так и в Казахстане “Литературная газета” является одним из самых популярных, любимых и широко читаемых органов печати не только деятелями литературного, культурного фронта, но и деятелями партийно-советской, научной и вообще широкой культурной общественностью.

С восхищением и с гордостью за наш славный и боевой орган всесоюзной писательской организации, мы отмечаем ныне тот факт, что “Литературная газета” стала верным другом казахских рабочих, юношества, учительства и всей многотысячной городской и колхозной советской интеллигенции возрожденного Казахстана. Стала другом, воспитывающим в массах читателей верное и глубокое чувство любви к лучшим достижениям советской литературы и культуры, воспитывающим и укрепляющим коммунистическое, ленинско-сталинское мировоззрение в вопросах социалистической морали, эстетики, критики, обогащающим и вооружающим массы знаниями в области теории и творческой практики социалистического реализма.

“Литературная газета”, следуя великим и поучительным для всех органов печати нашей страны традициям мудрого выразителя мысли и воли партии Ленина — Сталина центрального органа “Правды”, развивает и распространяет среди своих читателей и чувство патриотической гордости, и беспредельной любви к своему отечеству, и вместе с тем учит советский народ быть критически требовательным, справедливо, объективно взыскательным к советским художникам, на каком бы языке наших народов они не

писали, взыскательным так, как может и должен быть советский человек большевистского воспитания. Только так, а никак не иначе сможет помочь росту и расцвету наших литератур этот достойный человек – советский читатель, человек – представитель достойнейшего племени в истории всего культурного человечества. Поэтому и дорога для нас установившаяся, укрепившаяся и с каждым годом издания газеты, восходящая к полноте и совершенству своему традиция строго критического, партийного, научно-теоретически углубленного мышления по всем проблемам нашей творческой жизни.

Для нас, писателей всех национальных республик, как и для всех русских советских писателей, “Литературная газета” особенно дорога и близка, близка по родному настолько, что, например, я, казахский писатель, искренне горжусь тем, что есть она – эта газета, как мой личный друг-советник, друг, требовательный и заботливо тревожный, ответственно и напряженно мыслящий, по-дружески откровенно прямолинейный в неудачах моих и готовый к настоящему сорадованию в успехах моих.

Гордимся ею и потому, что ни одно другое литературное движение в мире не имеет такого органа, столь популярного в народе и объединяющего столь великое множество литератур и литераторов, ибо в буржуазно-капиталистическом мире нет и невообразимо, а для многих их закостенелых индивидуалистов писак непредставимо даже то единство убеждений, воли и творческих порывов, какое несет в себе наше литературное движение. А вся двадцатилетняя деятельность “Литературной газеты” есть исторически продленное свидетельство этого великого братства в наших творениях.

Дорога нам “Литературная газета” и тем, что на ее страницах мы коллективно мыслим о наших творческих проблемах, мы сверяем наши оценки и чувства событий и предстоящих задач, скрепляем нашу целеустремленную творческую волю, нацеленную на каждый этап наших поисков, роста, на творения исторического процесса в нашем движении вперед – к коммунизму.

На страницах “Литературной газеты” мы утверждаем, цементируем идейную, творческую нашу дружбу в многона-

циональном, социалистическом выражении ее. Нам всегда приятно встретиться на страницах нашей газеты с очередными новыми мыслями А.А. Фадеева, Тихонова, Симонова, Эренбурга, Ермилова, мыслями газеты о творчестве Шолохова, Федина, Леонова, Корнейчука. Нам приятно и дорого узнать и образ мыслей, и манеру высказывать их на страницах “Литературной газеты” таких писателей братских республик, как П.Г. Тычина, Якуб Колас, Самед Вургун, Лацис, Айбек, Токомбаев, Турсунзаде и др.

Находясь на разных, порой далеких друг от друга концах нашей необъятной родины, бесконечно дорого чувствовать и сознавать, что через эти встречи мыслями на страницах “Литературной газеты” мы, писатели всего Советского Союза, находимся в постоянном взаимодействии, в состоянии взаимного обогащения идеями, знаниями, свежими чувствами нового, наблюденного.

Одно лишь хочется высказать пожелание нашему дорогому юбиляру — пусть на твоих страницах и в каждом номере мы, писатели всех народов великого Союза, продолжим эти наши дорогие встречи со все новыми узнаваниями друг о друге. И пусть твое дружеское, но критически требовательное внимание ко всем явлениям наших литератур еще больше поможет все больше созреть и окрепнуть марксистско-ленинской критической мысли, литературоведческой науке и в наших братских республиках.

Живи и процветай на благо всей нашей единой, социалистической советской литературы наш родной и верный друг!

Да здравствует ленинско-сталинская дружба народов!

Да здравствует наш великий вдохновитель, учитель и друг всех наших литератур товарищ Сталин!

ТОВАРИЩИ!

Новым могучим валом нарастает в эти дни движение сторонников мира навстречу Конгрессу народов в защиту мира.

Миролюбивое человечество отмечает с удовлетворением, что это движение является свидетельством несомненного, широко растущего стремления людей доброй воли заклеить, сорвать агрессивные планы поджигателей новой войны.

В этом движении во имя блага человечества крепнет дружба между народами всех стран. И мы, сыны и дочери нашей матери-Родины, Родины соцреализма на земле — горды тем сознанием, что в славной борьбе за мир все больше крепнет испытанная и нерушимая дружба между народами нашей страны и стран народной демократии. Мы горды тем сознанием, что ныне во главе миролюбивого человечества стали могучие ряды народов с их 600 с лишним миллионов человек, тех народов, которые навсегда порвали с капитализмом и совместно с нашим отечеством создали титанический лагерь демократии и социализма.

В этих актах мы видим оправдание на деле, в истории великого определения товарища Сталина о том, что “интересы Советского Союза неотделимы от дела мира во всем мире”.

Новым всемирно великим свидетельством этому является та мощная демонстрация народных сил в борьбе за мир, какую развернул минувший Конгресс сторонников мира народов Азии и Тихого океана. На нем были представлены 37 стран с людским составом в 1 600 миллионов человек и было заявлено волей этого человечества, что врагам мирного сотрудничества народов, поджигателям войны будет дан решительный отпор. Все эти народы, проникнутые полным доверием к мирной политике нашей страны, возлагая на нее

свои самые сокровенные надежды, справедливо и вовремя требовали на этом конгрессе, как требуют и наши народы, немедленного окончания войны в Корее, требовали отвода иностранных войск из Кореи, выразили протест против перевооружения Японии, требовали мирного урегулирования положения во Вьетнаме и Малайе.

Так ширится фронт защитников мира, потому что слово мир сейчас на устах сотен миллионов матерей и отцов. Так повсюду на земном шаре народы доказывают свою верность делу мира. В каждой стране господства капитала и то не могут не увидеть враги мира, как тревожная, строгая забота о сохранении мира становится действительно всенародной.

Борьба за мир становится первой и благородной обязанностью каждого мирного деятеля, достойного этого имени. Все эти люди в самих странах мирового империализма становятся убежденными противниками разжигаемого империалистами военного психоза. Они требуют, чтобы все разногласия были устранены при помощи переговоров, а не применением силы.

Для того и соберутся посланцы народов мира, представители сотен языков, множества мировоззрений на предстоящий Конгресс народов в защиту мира, чтобы совместно найти пути и средства для сохранения мира во всем мире.

На этом конгрессе несомненно народы заклеят позором американских агрессоров.

Нет сомнения в том, что и трудящиеся нашей республики, отцы и матери Социалистического Казахстана присоединят свой голос солидарности к голосам всех борцов за мир.

Мы от всего сердца приветствуем Конгресс народов в защиту мира и пожелаем ему великих успехов, чтобы решения его помогли оздоровлению международной атмосферы и способствовали достижению взаимопонимания между пятью великими державами.

ТОВАРИЩИ!

В дни великого всенародного праздника нашей родины — трехсотлетия воссоединения Украины с Россией — я приветствую дорогих и родных нам всем братьев украинских и русских писателей от имени писателей и акынов Казахстана, и передаю пламенный, сердечный, дружеский привет!

Вместе со всей нашей страной мы подошли к самым торжественным дням всенародного великого праздника. Праздновать знаменательную дату воссоединения, братского слияния двух великих народов — это светлое знамение только нашей социалистической эпохи, это ярчайший и значительнейший стиль только нашего строя.

Свидетельством тому является сам наш настоящий праздник, отмечающий исторически вечное, великое. Мы чувствуем самое светлое, благородное из всех проявлений духа человечества — дружбу! А вспомнить истории народов прошлых времен или иной несоциалистической системы — разве праздновалась дружба? Нет, не она праздновалась, а праздновались, наоборот, даты покорений, закабалений, порабощений, не дружба между народами, а вековая отчужденность, неприязнь, вражда возводились на пьедестал, они внедрялись в сознание поколений народов.

А в наш счастливый, светлый праздник трехсотлетия воссоединения Украины с Россией мы сердцами всех наших народов, радостными чаяниями, думами всех поколений наших свидетельствуем о необычайном, высоко вознесенном благе, именуемом нерушимой дружбой в счастливом братстве народов.

В эти дни мы приветствуем самых старших братьев в великой, дружной семье наших народов — родной русский и родной украинский народы! Они явили миру бесподобные, славнейшие примеры своими пройденными в дружбе героическими путями, своими готовностями и

способностями к величайшим подвигам во имя стойкости, крепости, во имя любви и преданной дружбы народа с народом. Их величайший пример есть самая драгоценная, поучительная школа истинной дружбы для всех наших советских народов. Что такая только слиянность, спаянность могучих способностей, сил, всенародных возвышенных идеалов, возможностей и воля миллионов может родить истинное счастье людей, счастье страны — это мы видим во всех отраслях государственной, политической, экономической, культурной — в целом материальной и духовной жизни двух народов — братьев-великанов.

Ведомо всему миру теперь, что только при таком, а не ином взаимоотношении безусловного доверия, безграничной дружбы народов создаются сокровенные ценности ума, вдохновения, творческого духа. Что только при таком взаимоотношении народов по-иному чудеса творит труд, по-иному плодоносит земля, по-иному раскрывают свои затаенные кладези недра, и иначе цветет весна человечества — мы это видим из всех уголков и далей нашей родины.

Великая, знаменательная дата трехсотлетия воссоединения Украины с Россией не только высокую светлую радость рождает в сердцах всех народов, всех наших республик, но вдохновляет и ведет все наши трудовые массы, стар и млад, весь наш народ к еще большим трудовым усилиям, подвигам и победам во имя созидания.

Социалистический Казахстан, встречая ныне свою особенную, необычайно значительную, историческую весну, славно, упорно трудится за освоение колоссальных площадей под посевы на целинных и залежных землях.

В своем повседневном труде он следует историческим примерам русского и украинского народов, гигантским трудом преобразивших и осчастлививших свои земли, края, страны. И тем более братский народ Советского Казахстана желает счастья, благоденствия, славы и могущества своим дорогим и родным братьям — русскому и украинскому народам!

Советский казахский народ во все этапы своей социалистической истории горячо помнит и бережно хранит в себе чувство своей родственной, братской связанности с украинским народом. Во всех районах родной украинской земли в годы Великой Отечественной войны как в рядах

прославленной Советской Армии, так и во многих славных соединениях партизанских частей вели самоотверженную борьбу против фашистских орд патриоты — сыновья казахского народа.

Воспитанные мудрым вождем и учителем всех наших народов, Коммунистической партией и Советским отечеством, преданные сыны нашей единой, монолитно-спаянной родины, эти защитники отечества дрались с врагом за каждый клочок священной украинской земли, как за каждую пядь своего родного отчего дома.

Крепки, надежны скрепленные десятилетиями творческой, духовной связи взаимоотношения в области нашей литературной жизни. Уже много лет как переводятся, переиздаются, изучаются в школах Казахстана произведения классиков украинской литературы — Шевченко, Франко, Леси Украинки и выдающихся современных советских писателей Украины.

И казахская советская литература с самого начала Отечественной войны явилась выразительницей безгранично преданной братской любви казахского народа, его героических сынов к великому украинскому народу.

Также и ныне, накануне трехсотлетия воссоединения Украины с Россией, поэты, писатели, акыны Казахстана создали немало посвященных настоящей великой дате, вдохновенных, истинно талантливых и искренних произведений. Союзом советских писателей Казахстана и Гослитиздатом Казахстана изданы к настоящему торжеству специально подготовленные три юбилейных сборника. Во всех произведениях, включенных в эти книги, выражено, воплощено светлое и благородное чувство любви, почитания и самого горячего братского пожелания славы, процветания и счастья великому украинскому народу и славнейшим, даровитым сынам — любимым нашим писателям солнечной, счастливой Советской Украины!

Да здравствует оплот счастья народов, нерушимая братская дружба наших народов!

Да здравствуют наши любимые, родные, старшие братья — русский и украинский народы!

Да здравствует великий, мудрый вождь и учитель всех наших народов — Коммунистическая партия Советского Союза!

РЕЧЬ М.О. АУЭЗОВА НА ПЛЕНУМЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

1. Я считаю необходимым развить некоторые общие мысли, касающиеся проблем развития наших национальных литератур, мысли, к сожалению, неизбежно сжато высказанные в обзорных докладах, сообщениях товарищей докладчиков. Это касается, во-первых, вопросов соцреализма в сочетании с дальнейшей разработкой проблем национальной формы в соцреализме, во-вторых, в непосредственной связи с этой проблемой необходимо осветить некоторые вопросы учебы и задачи изучения творческого опыта национальных писателей в этом плане, в-третьих, я хочу остановиться на отдельных, особых, на мой взгляд, задачах ведущих критиков Союза в связи с вопросами стимулирования успешного развития братских лит[ерату]р.

2. Надеюсь, что хоть часть моих высказываний по этим вопросам будет опираться на факты казахской лит[ерату]ры, но отдельные положения в них будут касаться интересов и жизненных требований многих национальных лит[ерату]р.

3. Прежде всего я должен отметить как большое событие для национальной литературы самый факт обсуждения успехов и недочетов этой литературы на данном пленуме. Например, впервые на общесоюзной арене наш отряд казахской советской лит[ерату]ры отчитывается перед своими братьями по перу при ближайшем деловом и глубоко заинтересованном участии в обсуждениях секретариата и правления Союза сов[етских] писателей СССР.

За этим докладом и при наличии обсуждения здесь в недалеком будущем предстоит еще Декада казахской литературы в Москве. Все это в целом, несомненно, будет иметь этапное решающее значение для дальнейшего сдвига роста казахской лит[ерату]ры в смысле поднятия качества нашей продукции.

4. Причем надо признать, что доклады на пленуме, конечно, не в состоянии охватить всего процесса, и знакомство с братской литературой по докладу безусловно проблематично. Но вот декады, следующие за такими докладами, действительно шире раздвигают рамки общих смутных знаний. Обзорный доклад, перерастающий в конкретное обсуждение отдельного романа, драмы, поэмы, — это весьма существенная конкретная помощь автору и данной литературе в целом.

Вопросы качественного роста литературной культуры, а не количественного, требуют от нас многостороннего обсуждения, осмысления некоторых теоретических проблем и конкретных фактов литературы. Ясно каждому, что задачи качественного роста для наших литератур творчески, на деле, решаются в тесной, органической связи с освещением метода социалистич. реализма национальными писателями. Общие его принципы, предпосылки о партийности литературы, о тесной преемственной связи произведений с нашей социалистической действительностью, остаются незыблемыми основами для всех наших лит[ерату]р, независимо от того, на каких бы языках мы не писали. Это утвержденная жизнью, освещенная практикой любой литературы — правда, наша правда.

Но мы пишем об общей для нас всех единой сути на разных языках наших народов. Пишем, имея для себя образцом русскую советскую литературу, русскую классическую литературу. Но если исходить только из одного различия языка и то соответственно различию языкового мышления, с учетом даже эволюционирующего социалистического развития новой речевой культуры братских литератур, есть налицо много моментов национального своеобразия. А близость многих наших советских литератур в данной стадии их развития к истокам народной литературы, фольклора, о котором как об одной существенной и необходимо важной, особенной природе советской литературы, как наиболее народной лит[ерату]ры говорил Горький, тоже увеличивает своеобразие отдельной советской литературы.

Кроме того, есть и другой важнейший и сложный процесс — это обновление и обогащение всякой национальной формы благоприобретенными свойствами — новыми для данной лит[ерату]ры жанрами, усвоенными от передовой

русской и мировой классической литературы. Не было прозы и драмы у казахов, узбеков, туркмен, киргизов, таджиков и т.д., а теперь наличие романов, драматических произведений в составе этих литератур является истинным показателем наилучшего разностороннего процветания их. Некоторые наши литературы этими новыми обретениями переросли условные рамки прежних национальных форм, законно нарушили их каноничность. Пришли к этому, нарушив многовековую изолированную отсталость, узость, условность форм, и тем вывели исторический путь своего развития из стадии племенной культуры в национальную советскую социалистическую стадию развития.

Разве могут теперь арабская, персидская литературы, много веков на Востоке занимавшие главенствующее положение, сравниться с развитием узбекской, таджикской, казахской, туркменской лит[ерату]р не только по идейному содержанию, но по разнообразию и богатству новых национальных форм этих лит[ерату]р? И в этом виде каждая национальная советская лит[ерату]ра может представлять в известном условном плане всю советскую лит[ерату]ру в ее идейно-художественном многообразии. Как происходят упомянутые выше процессы по линиям нового обращения к фольклору и культурного освоения новых жанров?

Ведь и изустное творчество у наших народов теперь далеко не прежнее. Какова природа и сущность социалистического реализма, воплощенного в самом советском устном песнетворчестве? Каково качество и наличие традиций фольклора, естественно проникающего в новые жанры, ранее неведомые для него, скажем, в наших романах, повестях, драмах?

[.....]

Совместными усилиями писателей, критиков, всего нашего Союза проблемы должны обсуждаться именно на таких совместных широких авторитетных собраниях наших, и дальше их обсуждение должно быть перенесено на страницы центральной союзной печати.

Подобным же образом и в тесной связи с предыдущим вопросом должно быть обращено серьезнейшее внимание на состояние и характер учебы национальных писателей у русской литературы классической и советской. При этом я бы подчеркнул две стороны вопроса. Во-первых,

изучать критически требовательно степень плодотворности, культурности данной конкретной учебы, во-вторых, на положительных фактах глубокой, продуманной, истинно творческой учебы, скажем, у Горького, Маяковского, Шолохова или у отдельных русских классиков прошлого на данной национальной почве, необходимо ставить исследовательские проблемы на изучение самого русского классика с точки зрения его влияния на наши национальные литературы. Это ведь существенно дополнит и расширит наши знания о самом Горьком, Маяковском, мы будем знать о творческом соучастии обоих в становлении новой молодой советской литературы. Горький в национальных литературах Советского Союза — это не только тема критиков и литературоведов отдельной национальной литературы, а тема всех исследователей жизни и деятельности Горького.

Совершенно необходимо крупным русским критикам высказываться об опытах правильного, плодотворного освоения горьковских традиций у отдельных национальных писателей, и также говорить требовательно о неудачах, ошибках в этом случае. Хорошо зная Горького или иного русского поэта, писателя, русский критик свободно может включиться в обсуждение проблем роста и развития культурного подъема той или иной нац[иональной] литературы.

Между тем и учеба учебе — рознь. Я знаю, что состояние критики во многих национальных литературах весьма неудовлетворительное. Так обстоит дело в Казахстане, Узбекистане, Туркмении, Киргизии, Таджикистане, да и в других многих литературах. Везде — и руководство партии в этих республиках, и сами писатели так же, и немногие критики совершенно правильно подчеркивают необходимость учебы у русских писателей, но задачу этой учебы некоторые критики и литературоведы сами понимают не достаточно ясно и правильно. Часто они смешивают понятия метода и темы. Зачастую по сходству тем или иных признаков, порою даже чисто внешних признаков, находят учебу у Горького или у Маяковского примерной, плодотворной у данного национального писателя. А разобраться поглубже, оказывается, что этот автор и при сходстве темы судеб героев, и при всех благих своих намерениях не достаточно понял самого Горького. Пример “Мои университеты” Горького и

написанная в параллель этой повести повесть С. Муканова “Мои мектебы”. Бывают и ошибочные трактовки сходных тем. Пример “Заступничество матери” у тов. Мусрепова.

Я признаю и оцениваю искренность стремлений указанных авторов учиться у Горького. Хотят этого и авторы, как хотят их читатели. Но хотеть и мочь — это две разные дистанции, досадно, но факт, что зачастую хочется да не “можетя”.

Подобных примеров немало не только на казахской почве, но и в других наших братских литературах. Надо о них говорить с пользой для качественного роста литераторов через культурную учебу. Необходимо в этой связи еще более серьезно, еще более глубоко разобраться в примерах положительного порядка, когда национальный автор, не подражая внешне, а освоив известную сумму культурных влияний классической и советской литературы, учитывая опыты достижений русских писателей, создающих значительные произведения на тему нашей сегодняшней героической действительности, создает произведение в малоизвестном его читателю новом жанре — романа, произведение о созидательном величественном труде масс. В данном случае конкретно я имею в виду роман “Сыр-Дарья” Муканова Сабита. Главный герой этого романа — труд, тот труд, о котором Горький мыслил как о творчестве. Все герои этого романа живут, охваченные пафосом строительства канала, который должен изменить лик целого края. И помыслы, и дела, и даже личные чувства любви и дружбы героев романа подчинены одному трудовому порыву. Так как канал на Сыр-Дарье строится в годы войны, то герои романа живут удвоенным импульсом самоотверженного труда и еще большей самоотверженной идеей защиты родины. Правильно поступает автор, когда развитие характеров в романе (Даулета, Гюльнар и др.) пронесит через испытание в мирном труде и в последующем этапе в ратном подвиге на фронте. Кто честен и упорен в трудовой жизни, тот предан родине и в дни тяжелых испытаний для нее.

Да, в романе есть еще недостатки, на них правильно указывалось на страницах “Литературной газеты”. Герои Сабита Муканова изображаются часто внешне без внутренней мотивации их поступков. В данном романе еще есть недоделки в части композиционной, герои недостаточно показаны

в самом трудовом процессе, где бы их формирование и становление было бы раскрыто полнее и убедительнее. Но при всех подобных недостатках роман на современную благодарнейшую тему о борьбе и завидной счастливой судьбе советских людей являет собою достойный пример широкой и серьезной учебы писателя у жизни и у передовых мастеров русской художественной прозы.

Примеры подобного рода положительных фактов культурной учебы и самостоятельного творческого воплощения в области поэзии мы видим в творчестве последних лет у Орманова, Аманжолова, Саина, Бекхожина и др. У этих авторов наблюдаем, как заметно раздвигаются горизонты казахской литературы, когда есть налицо стремление изображать свое мироощущение в динамике, стремление всегда связывать свою личную судьбу с народом, есть стремление выразить здоровое и ясное предощущение широкой исторической перспективы для своей литературы, народа и страны своей. Во всех этих признаках, без сомнения, выражены суть и особенности соцреализма. Надо помочь по-иному и глубоко осознанию этих процессов в каждой научной литературе. Вот в этой связи я считаю необходимым в заключение остановиться на задачах наших ведущих русских критиков.

И вопросы осуществления метода социалистического реализма в сочетании с национальной формой, и вопросы плодотворной учебы, и проблемы изучения влияний лучших образцов русской классической и современной литературы на рост национального автора, на развитие его литературы в целом — все эти проблемы требуют от наших ведущих критиков в Союзе их высказываний на страницах центральных газет и журналов по отдельным произведениям или проблемам развития той или иной национальной литературы. Почему бы и товарищам Заславскому, Ермилову, Тараскенкову, Ковальчик, Анотману, Баялик и многим другим авторитетным критикам, к голосам которых с огромным вниманием прислушиваются в национальных республиках, не высказываться по поводу наших поэм, драм, романов, повестей и т. д.?

Есть писатели в нац. республиках, имеющие целые тома своих романов, как Ордубады, как Айни, Сабит Муканов, Айбек, Кербабаев и др., о которых на страницах, скажем, “Нового мира”, “Октября”, “Звезды”, “Знамени” следо-

вало бы помещать разносторонне характеризующие их творчество солидные статьи, критические исследования. Есть нац[иональные] авторы с известными для всего Союза именами, о которых пора бы уже иметь и монографические труды на русском языке.

Мы с удовлетворением отмечаем в этом порядке большую инициативу не критиков, а крупных писателей Союза, как Фадеева, Тихонова, Вс. Иванова, Павленко и др., внимательно следящих за ростом той или иной национальной литературы. Нельзя не отметить, как самый положительный факт, выступление в качестве содокладчиков по отдельным литературам ответственных руководителей Союза, авторитетных писателей тт. Симонова, Горбатова, Суркова на данном пленуме.

Но хотелось бы, чтобы этот почин не ограничивался только пленумами да декадами, а перерастал в систематическую, постоянную связь данного писателя с данной отдельной литературой. Да еще более важно, чтобы круг этих ведущих писателей расширился бы еще на ряд крупных имен. Мы благодарны т. Скосыреву, который до сих пор почти один представляет все литературы народов Средней Азии в вопросах критического освещения на страницах центральной печати, новостей этих литератур. Но ведь его одного, даже при наличии эпизодических высказываний тт. Климовича да К. Зелинского недостаточно, мало. Пора бы от представительства по национальным литературам, от представительства, несущего необъятные функции, перейти к знакомству с произведениями — романами, повестями, драмами.

Если мы говорим, законно говорим, что мы наследуем лучшие традиции русской классической литературы и, наследуя, развиваем их в соцреализме, то к этому комплексу вопросов на национальной почве добавляется и вопрос творческого одоления своего книжного и фольклорного прошлого...

Сползания к натурализму — примеры отступления от жизненной правды. И даже выявление недостатков в применении соцреализма к своему материалу, жизненной среде у отдельного национального автора должно быть поучительным для всей советской литературы. Большинство советских литератур национальных республик, молодые литераторы не имеют длительной культурной истории в

своем прошлом и даже когда имеют многовековую книжную поэзию, законно гордясь ею как памятниками древней культуры своего народа, мало чему могут непосредственно учиться по ней. Во всяком случае ясно, что классик классики – рознь, наследие наследию – рознь. Не все классики прошлого Пушкины, Салтыковы-Щедрины, Некрасовы. Потому-то мы более учимся у русской классич. литературы, чем у иного восточного классика. Так делали и наши предшественники – Тукай, Абай, Хетагуров, Ахундов, Абовян и другие основ[атели] соцреализма. Так, несомненно, что и Самед Вургун, и Айбек, и Сабит Муканов, и Турсун-заде, и Кербабаев учились поэтическому мастерству наряду с учебой у Горького и Маяковского гораздо больше у русских классиков XIX века, нежели у Низами, Навои, Махтумкули, Рудаки, Саади, Хафиза.

Говоря о молодости наших отдельных литератур, однако не нужно забывать того несомненно верного положения, что может быть короткая история культуры, но отдельные образцы в этой истории должны быть настоящими памятниками культуры, не нужно забывать, что может быть молодой писатель, но не может быть молодого, в смысле незрелости, романа, повести или драмы. Требования должны быть у нас в отношении художественно-идейного качества всеобщие, единые. И для национальных литератур измерением достойного роста их прозы, поэзии, драматургии должен быть достойный выход на общесоюзную арену. На материале своей республики мы должны создавать высокохудожественные произведения и тем самым должны полноценно обогащать общесоюзную литературу. Это требование в дальнейшем должно быть поставлено перед нами как самое важное и единственно определяющее наши успехи требование.

Вот на подобных вопросах, как мне кажется, необходимо останавливаться серьезно при обсуждениях отдельных произведений, при критически продуманном определении состояния задач развития каждой из наших литератур. Необходимо останавливаться с тем сознанием, что выяснение и разрешение подобных проблем не только задача данной отдельной литературы, а всех наших родственных литератур, и они должны решаться.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОФ. М.О. АУЭЗОВА

Товарищи!

Позвольте мне, научному работнику и литератору, являющемуся членом вашего славного коллектива и представляющему одновременно научную и писательскую общественность братского Советского Казахстана, в знаменательный день 37-летия Октября поздравить научно-педагогический состав и студенческий коллетив филологического факультета МГУ с великим праздником и горячо, дружески пожелать вам всем успехов и счастья в жизни и в труде!

Один из призывов Центрального Комитета партии Советского Союза к народу и родине прямо, непосредственно, как мне кажется, адресован и нашему данному собранию, нашему настоящему коллективу профессоров, преподавателей, всему научному персоналу и нашему студенчеству. Этот призыв гласит: “Работники научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений! Двигайте вперед советскую науку и технику! Смелее разворачивайте критику недостатков в научной работе! Повышайте роль советской науки в развитии народного хозяйства и обеспечении технического прогресса нашей страны! Улучшайте подготовку специалистов!”

Именно адресованным к нам — как коллективу, и к нам — каждой отдельной личности, должны мы воспринимать подобный голос партии. А это нужно, важно прежде всего для нас самих в наших трудовых, творческих усилиях, во всех наших поисках и достижениях, ибо только личность глубоко, достойно, искренне и полно осознающая свою значимость в коллективе и значительность дела, творимого его коллективом во имя блага родины — способна наилучше расти, смело дерзать, отважно достигать высоких и светлых целей. И в этом дерзании каждого из нас, будь то в учебе, в труде, научно-педагогическом, научно-творческом и худо-

жественно-творческом, окрыляет то отношение партии и правительства к культуре, к задачам ее роста и расцвета, какое мы имеем в нашем отечестве.

Сейчас в условиях решения великих задач перехода от социализма к коммунизму мы наблюдаем все возрастающие требования жизни, истории о все большем повышении уровня культуры в стране. Потому заботы партии и правительства направлены на то, чтобы все трудящиеся нашей страны стали культурными, просвещенными. Показателем действенных мер в этом смысле является вся широчайшая сеть народного образования, достигшего не только в культурных центрах, но и в самых отдаленных уголках страны такого размаха, такого роста, которые были бы немыслимы в иных, несоциалистических условиях развития общества.

А эта мощная база создает предпосылки небывалого, колоссального развития всей системы высшего образования. Я приведу лишь один пример необычайной, несоизмеримой разницы культуры прошлого и настоящего в отношении высшего образования. Вам известно, что вся Средняя Азия и Казахстан до революции не имели ни одного высшего учебного заведения, а сейчас в этих частях Советского Союза, включающих в себя пять союзных и одну автономную республику, имеется свыше ста одних только высших учебных заведений, не говоря о нескольких академиях наук с сотнями научно-исследовательскими институтами, филиалами и базами.

Вы также знаете, что в вузах нашей страны обучаются миллионы советского юношества. В их лице родина ждет культурного пополнения в качестве глубоко образованных, трудолюбивых, просвещенных деятелей социалистического общества, деятельных строителей коммунизма.

Знамя передовой советской науки должно высоко нести наше юношество. А великой миссией, отличительной чертой этой передовой науки признана у нас непрерывная, деятельная, почвенная связь с жизненной действительностью нашей. Вот на вопросе этой связи я хотел на минуту остановить ваше внимание. В этой повседневной, животворящей связи и сила, и мудрость советской науки, навсегда слившейся свои интересы воедино с интересами советского народа.

Отсюда и каждая отрасль науки и техники, у нас в лице всех своих деятелей — ученых, всех малых и больших

коллективов, определяет форму и существо своей связи с жизнью, с народом.

Эту же благотворную связь несомненно, явственно несет и осуществляет во всей своей учебной и научной программе и наш филологический факультет. Не требует доказательств очевидность органической, глубинной связи, скажем, всех лингвистических дисциплин, изучающих прошлое и современное состояние языков во имя наилучшего преуспеяния языковой культуры в нашей стране.

Общеизвестны отдельные отрасли лингвистической науки, как самые массовые, общенародные, общеобязательные для всех без исключения граждан от мала до велика. Не эта ли связь с жизнью, с народом!

Столь же общенародны по существу, по своему назначению, по насущным потребностям народных масс отрасли литературы и литературоведческих знаний, разрабатываемых и изучаемых в стенах нашего же факультета. Не случайно в призывах партии сказано: “Работники литературы и искусства! Боритесь за дальнейшее развитие советской литературы и искусства! Повышайте идейный и художественный уровень своего творчества! Создавайте произведения, достойные нашего великого народа!” Не требует доказательств, как необходима, важна и как любима, советская литература народом нашим и как широко известны, популярны и ценные исследования советских ученых литературоведов о выдающихся явлениях литературы прошлого и настоящего, созданных на всех языках братских народов великого Союза.

Потому и не безразличен советский народ к состоянию и задачам роста, развития нашей литературы. Потому и хочет взыскательный советский читатель, чтобы наилучше, высоко талантливо отражали героическую советскую действительность писатели нашей страны, и чтобы во имя всего этого писатели лучше и глубже изучали жизнь, успешно повышали свое мастерство и творили вещи, истинно достойные советского народа!

Думаю, что я не ошибусь, если скажу, что вряд ли кто в науке так близко, полно и с такой горячо искренней и волнующей заинтересованностью ожидает Второго съезда писателей советской страны, как его ожидает коллектив филологического факультета Московского университета.

И я не сомневаюсь в том, что многое и многое из того, что будет высказано с трибуны съезда на другой день, в другую неделю и месяцы, будет широким резонансом отдаваться, обсуждаться и осмысливаться во многих и многих аудиториях, кабинетах, клубах, залах филологического факультета. Это и будет еще одним из ярчайших свидетельств подлинной кровной связи нашей науки с жизнью, со всем тем новым и значительным, что рождается нашим повседневным поступательным движением! Да, наша наука истинно связана с жизнью, с народом! И нет сомнения еще в том, что из стен нашего же университета, факультета выходят выпускники и вливаются в состав советских писателей, критиков и ученых исследователей лит[ерату]ры.

А ныне еще я добавлю, что с организацией кафедры лит[ерату]ры народов СССР наш факультет будет давать пополнения в ряды литераторов, ученых-исследователей в лице своих питомцев-знатоков, высококвалифицированных специалистов по многим братским лит[ерату]рам нашего Союза. И еще нашими узами будет связана наша наука с жизнью. И тут я скажу уже в качестве писателя: великое счастье выпало на долю советского писателя, когда он имеет за своей спиной так близко, вплотную придвинувшийся к нему также народ — этого счастливого и взыскательного друга его, друга-читателя, готового бескорыстно, от всей души радостно поддержать его при каждом серьезном творческом успехе.

Сейчас мы идем со всеми нашими сокровенными мыслями, выношенными думами и наилучшими чаяниями к нашему съезду писателей, идем, ощущая за своими плечами участливое, дружеское, жаркое дыхание миллионов грудей советского читателя, народа. И читатель с его возросшими требованиями к литературе, и писатель, и люди науки, многосторонне изучающие литературу, объединены одним всеобщим интересом — это глубокая забота о дальнейшем качественно высоком успешном развитии советской литературы, как и всей социалистической культуры. Потому я и закончу свое выступление искренним пожеланием подлинного расцвета советской науки, литературы и искусства нашей родины!

Да здравствует XXXVII годовщина Великого Октября!

Да здравствует наш мудрый учитель и друг — Коммунистическая партия Советского Союза!

3 ноября 1954 г.

ЛЕНИН И ДРУЖБА НАРОДОВ

Прошло четверть века со дня кончины В.И. Ленина. Но каждый из этих двадцати пяти лет в сознании наших поколений проходил при живом, вдохновляющем, незримо-действенном участии Ленина, ибо он жил своими, до глубины прозрачными идеями, воплощенными в действенную программу социалистической революции, жил своей волей и делами, завещанными для обновленной истории человечества. А каждый из пройденных нами годов революции при Ленине и после него под мудрым водительством его великого соратника тов. Сталина, по своему значению для истории народов Союза и всего человечества равен иному веку. Каждый из этих годов, месяцев и недель движутся в нашей многогранной жизни, памятуя, утверждая идеи, великие замыслы и волю Ленина.

И в политике, в экономике, в культуре нет отраслей общественно-исторической жизни страны или окраины, где бы не чувствовалось Ленина-творца, зачинателя или основоположника нового социального, государственного, теоретически научного начала в нашем переустройстве страны и всех укладов в ней.

В необъятном наследии Ленина, в завещанном им для поколений новом общественном устройстве народов социалистического Отечества, остановимся лишь на одном величайшем факторе, небывалом ни в какие века, ни в каких историях жизни людей, народов в прошлом, остановимся на особом социально-историческом, реальном смысле ленинско-сталинской национальной политики.

Волею и предвидением гения вдохнул Ленин в двадцатое столетие великую исцеляющую силу против тысячелетнего недуга человечества, именуемого антагонизмом между народами, племенами, поколениями. Имя этой исцеляющей силы — социалистическая дружба народов. Она, эта дружба народов, ныне ставшая благодаря заветам Ленина и благодаря

повседневной политике партии большевиков нашим повседневным безусловным бытом, родилась от осуждения и исторического отрицания тысячелетней государственной практики, где “разделяй и властвуй” было девизом всех империй, всех времен. Этот девиз усугублял вражду между племенами и народами и использовал расслабленность народов в бессмысленной их борьбе, антагонистической, зоологической.

И народы существовали не для созидательного объединения сил, а для отрицания, и если можно так сказать, для пожирания друг друга, смертельно ненавдя один другого. Ненависть, зоологическая хищная вражда народов ослепляла их, вела зачастую к кровопролитиям, к ненавистному отрицанию достоинств, культур, ослепляла, чтобы не видеть общих исторических интересов, передовых устремлений друг у друга.

И не только это. Внутри многих народов, кроме классового антагонизма, возникавшего на основе неизбежных классовых расслоений в результате феодальной или капиталистической эксплуатации трудовых масс правящими верхами, существовали еще лет тридцать—сорок тому назад среди некоторых народов царской России и межплеменная, межродовая ненависть, искусственно разжигаемая в своих классовых интересах теми же социальными верхами.

Существовал у всех без исключения народов России еще один вид взаимного отрицания — это вражда поколений. Была еще лютая фанатическая вражда народов из-за различия вероисповеданий, тоже, как все предыдущие виды антагонизма народов, порождаемая и поощряемая конкурирующими эксплуататорскими верхами народов.

В царской России находились еще в антагонистической разобщенности в веках и культура народов: языки, истории литературы, как отражение уродливой сущности исторически сложившихся взаимоотношений сопредельных народов, у которых и экономические, правовые, политические интересы повседневно скрещивались и сталкивались таким образом, что помимо классового антагонизма внутри народов, политика царизма и связанная с ней политика правящих слоев боялась объединения духовных и людских сил эксплуатируемых в каждой этнической среде масс,

трудовых слоев. Недаром сейчас мы с благодарностью чтим память тех одиночек из числа различных народностей наших, которые прозрели исторически в те эпохи безвременья и стремились своими бессмертными трудами проложить пути дружбы по сердцам народов. Но все эти поэты, мыслители, просветители прошлого были зрячие, но лишь обреченные одиночки.

Только очистительная сила Октября и воля большевистской партии, руководимая гениальными заступниками угнетенного человечества Лениным и товарищем Сталиным, развеяли уродство веков, химеру, тяготевшую над судьбами народов и несметных поколений.

Мы живем в обновленной истории человечества, и мы воспринимаем измененные теперь наши людские отношения, взаимоотношения поколений, братские связи в дружной семье наших народов, как наш родной воздух, и солнце над нашей родиной. И стоит чуть остановиться мыслью на значении всего достигнутого нами, так от мала до велика в сознании каждого советского человека оживает величие дел Ленина в одном этом процессе братского дружеского слияния творчески-созидательных сил всех народов, всех поколений наших. И, задумываясь, перечисляешь блага, обретенные нами, и они, эти блага, безмерны и неисчислимы.

Став равноправным братом великому русскому народу, ликвидировав классы господ, любая малая народность бывшей царской окраины сейчас обрела великую родину. Она живет не в сознании прежнего унижения и ожидания ограблений или, еще страшнее, вымирания, а живет в окрыленном подъеме всех ее животворящих сил. И каждый из угнетенных народов прошлого, когда пала стена вражды и антагонизма, перестал себя чувствовать малым народом, он чувствует в своем возрождении вновь обретенное величие, и все эти народы, ведомые великим русским народом, оправдали себя в великих испытательных этапах нашей недолгой истории. Нет и следа прежних набегов внутри племен, родов и колен. А есть друзья, племена, народы, соединенные в братстве, в великом братстве сыны великой социалистической родины. Рушились и разобщающие, разъединяющие отцов и детей пределы и преграды. Нет вековых расходящихся путей, их взаимоотрицания.

Сотрудничество в труде, единство в идеалах революции, товарищество в жизни, семье и в повседневном быту сделало отцов сверстниками своих детей, дедов — своих внучат. Прежняя дочь, невеста какого-нибудь имущего многоженца, сейчас министр, ученый, Герой Социалистического Труда, ее радостью охвачены, подняты в своем новом сознании внутрисемейных взаимоотношений деда и внуки.

В ленинско-сталинском братстве народов слились творческие силы ученых, литераторов, деятелей искусств. Ведет культуру народов великая культура русского народа, всесоюзная Академия наук путем отпочкования плодит сейчас национальные академии и филиалы свои в национальных республиках. Великое русское театральное искусство повело за собою многочисленные театры возрожденных народов.

Писатели всего Союза объединены в единой неразрывной семье творчески-дерзновенных, повседневно растущих сил талантливых представителей народов. И ни один московский или ленинградский ученый ни в своей лаборатории, ни в своем кабинете не чувствует себя только московским или ленинградским ученым. Он мыслит себя трудящимся для всей своей страны, и казах, ученый, работающий в пустыне Бетпак-Дала во имя освоения этой пустыни, в своих одиночных странствованиях в поисках новых представителей зоологического, растительного мира этого белого пятна на карте, ни на минуту не чувствует себя оторванным от общих научных мыслей в области биологии, естествознания, разрабатываемых в лабораториях или специальных институтах всесоюзных академий в великой столице родины — Москве. Слились, выражая настроения и чувства наших народов и песни разрозненные, стали единые мысли, хотя они выражаются на многих языках. Нет помехи в виде религиозных предрассудков.

В социализме в преддверии коммунизма ведет все наши поколения единая вера к новой заре полного осуществления коммунизма, и чаяния такого великого грядущего, где найдут наши народы полное осуществление идеалов великих гениев человечества, стали единственно определяющим историческим стимулом осмысленно целенаправленных объединенных усилий всех наших народов. В нашем великом

шествии сталинскими пятилетками отмечаются шаги истории в будущее, и каждый народ чувствует себя в стройной шеренге в великом строю ведомых учениями Ленина, Сталина возрожденных народов. Мы, родные народы, не только создаваемым нами сегодня, но и кровью сроднились в боевом крещении истории в великие годы Гражданской войны и тягчайшие испытательные годы Отечественной войны. Не только сынов-героев, но и дочерей-героинь выдвинули ранее угнетенные народы в эти испытательные годы истории.

Слияние духовных и физических сил наших народов повело к широкому осознанию дружбы трудовых слоев наших народов, интеллектуальных сил, честно направленных воль у народов и в прошлом, и ныне мы стали родными также историческими корнями. По-новому открыло ленинско-сталинское учение тайны о народах, историях, об унаследованных ценностях нами от наших предков в каждом народе. И ныне стали обычной закономерностью повседневные узнавания и любовные обращения наши ко всем историческим ценностям, которые несли наши народы многие века неведомыми миру, в недрах своей истории. Нельзя сейчас не знать, непростительно неведение для любого казаха имени и творений Пушкина, точно так же, как любому из детей наших народностей нельзя не знать Джамбула. Мы чувствуем особую радость и гордость за наши родные народы, которые в своих безрадостных страницах истории давнего и недавнего прошлого выдвинули такие гениальные дарования, как Шевченко, Шота Руставели, Низами, Навои, и такие творения народного гения, как “Слово о полку Игореве”, “Давид Сасунский”, “Манас”.

Социалистическое родство культур, искренно приподнимает дух советского зрителя о больших достижениях киргизского, латышского или армянского, или украинского театра, если они по пути всеобщих и единых поисков социалистического искусства сказали новое слово своим собратьям на одинаковом поприще. Не только познавательно интересно, но мы заинтересованы во взаимных достижениях наших и выражаем это не только в сочувствии, но как-то по-особому и в соучастии в отношении успехов и радостей за общие достижения. Во всех подобных проявлениях лишь вскользь и поверхностно названных, перечисленных фактах

дружбы культур наши деятели всех отраслей государственной жизни берут пример и повседневное руководящее начало из исторических и конкретных примеров деятельности партии большевиков, партии Ленина и Сталина.

Это она – в пример нам всем – высоко держит знамя, завещанное Лениным, знамя дружбы народов. Она не мыслит раздельной судьбу Сибири от Молдавии или Украины от Казахстана. Ее деятели – граждане всего СССР. И родина их, как каждого из нас, не обозначена только тем городом, той областью или той национальной средой, где мы работаем, а обозначена всей необъятной картой Великого Союза. Так, по этому примеру, строится слитная единая советская наука в стране, строится школа, возникают симфонии, создаются картины, рождаются романы, где авторы себя считают представителями всей советской культуры или искусства. От народов до отдельных личностей проходит одно великое озаряющее наши пути в одиночном или коллективном нашем труде гордое сознание: мы – ленинцы в истории нашего становления, в поступательном движении нашей истории вперед к коммунизму. И везде путь Ленина, его солнечно озаренный ясный путь ведет нас к единству, к ясному видению перспективы бескрайнего и нового процветания жизни народов в великом братстве внутри социалистического Отечества.

Зерммеу

ИСТОРИЯ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(записки по проблеме)

Алма-Ата, 1959 год

Составлено бригадой:

М.О. Ауэзов, Е. Исмаилов, Е.В. Лизунова

1. Основные задачи и научные принципы работы по проблеме

Создание научной истории казахской литературы становится на современном этапе важнейшей проблемой практического претворения в жизнь исторических решений 21-го съезда КПСС коллективом литературоведов Института языка и литературы.

Казахская литература является ныне профессиональной литературой. Поэтому разработка проблем ее научной истории – это вопрос дальнейшего развития филологической науки и культуры Советского Казахстана. Исследование истории казахской литературы неотделимо от решения теоретических вопросов казахской литературы, становления и развития жанров, критического и социалистического реализма казахской советской литературы, с одной стороны, и от создания учебных пособий по казахской литературе, от ее истоков до нынешних дней, для филологических факультетов вузов Казахстана, для широкой научно-литературной общественности, с другой. Именно в этом заключается основное практическое воплощение в жизнь общества результатов научного исследования проблем казахского литературоведения.

2. Тематический состав проблемы

По перспективному семилетнему плану Институт языка и литературы предполагает завершить создание “Истории

казахской литературы” в 4-х томах. В основе решения проблем казахской литературы лежат принципы историзма, литературные явления, процесс исторического развития рассматривается в сочетании с жанровыми принципами, литературные явления изучаются в процессе развития отдельных жанров казахской литературы и фольклора (героический эпос, айтыс акынов, проза, драматургия и т.д.).

...Исходя из этих принципов, “История казахской литературы” состоит из следующих основных тематических разделов. 1-й том посвящен эпосу и фольклору казахского народа как дореволюционного, так и советского периодов. Вторая часть этого тома охватывает проблему развития народной поэзии в условиях социализма и своеобразной формы устного творчества народных певцов, акынов и как продолжателей классической традиции и как издателей новых художественных произведений, отражающих советскую действительность (коллектив авторов под руководством академика М.О. Ауэзова).

2-й том капитального труда посвящается истории казахской литературы XVIII–XIX – начала XX века. В нем ставятся проблемные вопросы казахской литературы этого периода, становления критического реализма и возникновения новых жанров, определяется место и значение в казахском литературном процессе творчества крупнейших писателей и акынов, которое явилось новым этапом в художественном развитии казахского народа (коллектив авторов под руководством члена-корреспондента Х. Джумалиева).

3-й и 4-й тома “Истории казахской литературы” посвящаются казахской советской литературе, все жанры которой получили подлинный расцвет, всеисторическое развитие в советское время. Казахская советская литература явилась реалистическим, правдивым художественным изображением жизни трудящихся Казахстана, революционной борьбы, трудовых подвигов народа, его жизни и борьбы в эпоху социализма, строительства коммунизма. В литературе советского периода запечатлевалось с исторической достоверностью методом социалистического реализма не только настоящее, но и дореволюционное прошлое казахского народа. Казахская советская литература стала позже зрелой, профессиональной, так же как и литературы братских народов. Она органически связана со своим литературным

наследием, национальной поэтической традицией, с передачей русской классической советской литературы. Без глубокого осмысления, без научно-литературного исследования этого процесса невозможно дальнейшее развитие культуры и литературы Советского Казахстана.

Изучение истории казахской советской литературы, определение ее жанровых, художественных, национальных особенностей, обобщение творческого опыта крупнейших писателей, обогативших многонациональную советскую литературу, — все это включает главное направление казахского литературоведения. Исследование отдельных жанров в разрешении теоретических вопросов казахской советской литературы имеет особое значение. Проблемы послевоенной прозы, лицо которой определяют романы ведущих казахских писателей, получившие всесоюзную и мировую известность, проблемы поэтических жанров позволяют раскрыть многие вопросы социалистического реализма, национальных традиций, новаторства без широкого изучения художественного опыта ведущих жанров, определивших новый подъем, дальнейшее развитие литературы. На конкретном материале романов, поэзм, пьес ставятся вопросы художественного мастерства писателей социалистического реализма (коллектив авторов под руководством члена-корреспондента АН КазССР Е.С. Исмаилова).

3. Содержание и организация работы по проблеме

Основные проблемы истории казахской советской литературы разрабатываются по отдельным разделам, темам и периодам. Опыт создания “Очерка истории советской казахской литературы” на казахском и русском языках и положительная оценка его советской общественностью явились основой для дальнейшей работы. Основные направления в решении проблем казахской советской литературы составляют:

а) монографические исследования отдельных жанров казахской литературы (поэзия, проза, драматургия, критика);

б) монографические исследования творческого пути казахских советских писателей (С. Сейфуллина, И. Джансугурова, Б. Майлина, М. Ауэзова, С. Муканова и др.);

в) разработка теоретических вопросов социалистического реализма (единство социалистического содержания и национальной формы, создание образа положительного героя советской литературы, проблемы типического в казахских романах, национальные традиции и новаторство);

г) изучение взаимосвязи и взаимовлияния казахской литературы с литературами народов СССР;

д) собрание, систематизация, издание собраний сочинений крупнейших писателей — основоположников казахской литературы (С. Сейфуллин и др.)

В свете решений 21-го съезда КПСС исключительно актуальное значение приобретает проблема взаимосвязей и взаимовлияния казахской литературы с литературами народов СССР, которая является важнейшей проблемой современности. Советские братские литературы, в том числе казахская, накопили столь значительные идейно-художественные богатства на пути социалистического реализма, что реальной возможностью стал процесс взаимного обмена своими достижениями. Особое значение имеет исследование исторических корней, развитие и обогащение литературных связей русского и казахского народов, изучение благотворного влияния русской литературы на казахскую. Процесс взаимосвязи и взаимовлияния казахской литературы с литературами народов СССР сложен. Он включает в себя множество проблем от обмена темами, типами литературных героев, художественными приемами досмысления разнообразных художественных стилей, современных традиций и т.д.

Создание историй каждой литературы будет неполным и однобоким, если глубоко не исследовать характер ее взаимообогащения с другими литературами, все то, что вносит она в общую сокровищницу духовной культуры советского народа.

В научном плане отводится значительное место разрешению таких вопросов, как сюжетная поэма в поэзии народов Средней Азии (сравнительно с казахской), М. Горький и социалистический реализм в казахской литературе, русско-казахские литературные связи в прошлом и настоящем, взаимное влияние и связь татарской и казахской литературы в XIX — начале XX веков, идейно-творческое влияние русской советской поэзии на казахскую и т.д.

Некоторые из этих проблем можно было бы исследовать совместно с Институтом мировой литературы им. Горького АН СССР, в научном плане которого вопрос взаимосвязей национальных литератур становится ведущим.

Для всестороннего изучения вопросов истории казахской литературы как дореволюционного, так и советского периодов, институтом осуществляется ряд дополнительных мероприятий:

1. Изучение фактических литературных материалов, первоисточников в рукописном фонде научной библиотеки АН КазССР и ИЯЛ.

2. Изучение литературных материалов, архивных данных, хранящихся в других научных учреждениях г. Алматы, Москвы, Ленинграда, Казани, Ташкента, Омска.

3. Текстологическая работа и подготовка к печати лучших образцов фольклора и литературы.

4. Организация экспедиций, научных командировок по сбору необходимых материалов для решения поставленных проблем.

4. Координация работы по проблеме

Руководителями проблемы являются академики АН КазССР М. Ауэзов и С. Муканов.

Для воплощения основных задач институтом по созданию истории казахской литературы, кроме основных работников ИЯЛ, привлекаются ученые-литературоведы КазГУ, КазПИ, писатели, критики, ученые-специалисты Института мировой литературы АН СССР, Института русской литературы. Положительный опыт выполнения координируемых с другими научными учреждениями тем проявился в подготовке и издании отдельных капитальных трудов, таких как “Казахские народные сказки”, “Изучение героического эпоса в вопросах литературных взаимосвязей России и Казахстана” и др. В создании “Очерка истории казахской советской литературы” также принимали участие ученые вузов республики (КазГУ, КазПИ, критики, писатели). В 1960 году “Очерк”, после значительной редакции и дополнений, будет переиздан в Москве совместно с Институтом мировой литературы им. Горького АН СССР.

**ҒЫЛЫМИ
түсініктемелер**

“Абайдың өмірі мен еңбегі” (Ұлы ақынның 100 жылдық юбилейінде жасаған баяндама)

Абайдың қайтыс болғанына 95 жыл толуынан (1940 ж.) кейін, Ұлы Отан соғысының ауыр жылдарында Жеңіс күніне сеніммен қараған совет халқы ұлы ақынның 100 жылдық мерейтойына алдын ала дайындала бастады. Бұл тұста М. Әуезов абайтану саласындағы ғылыми жұмыстарына қызу кірісіп, Абайдың ғылыми өмірбаянының жаңа нұсқасын жазды, Абай туралы драмалық жанрдың әр түріндегі көркем туындылар мен көлемді романдары шықты. Әрі Абайдың жүз жылдық мерекесін өткізуге дайындалу барысында үкімет комиссиясының мүшесі ретінде ұйымдастыру жұмыстарына да қызу араласты. Қазақстан Жазушылар одағының мерекелік пленумында Абайдың өмірі мен еңбегі туралы баяндама жасау абайтанудың бірегей білгірлері ретінде М. Әуезовке тапсырылуы кездейсоқ нәрсе емес-ті. Мұның толық негізі бар еді. Өйткені ұлы жазушы өзінің творчестволық өмірінің осы тұстағы кезеңін түгелдей Абай мұрасын зерттеу мен насихаттауға арнаған. Абай туралы ғылыми мақалалары, Абай өмірбаяны және “Абай” романы бойынша әдеби сценарий, кинодрама, опералық либреттолар – бәрі де осы тұста жазылды.

Міне, М. Әуезов ақын мерейтойына осындай жан-жақты творчестволық дайындықпен келді Қазақстан Жазушылар одағының пленумындағы Абайдың өмірі мен еңбегі жайлы баяндамасында ақын мұрасының басты-басты ерекшеліктеріне, Абай өлеңінің негізгі сарыны өз кезеңіндегі саяси-әлеуметтік өмірден туындағанына, ақын шығармашылығының рухани көздеріне назар аударды. Абайдың композиторлық өнері де алғаш рет осы баяндамада өз көрінісін тапты.

М. Әуезов ұлы ақынның жүз жылдық салтанатты мерейтойында баяндама жасауға алдын ала әзірленеді. Осында айтылар ойы мен танымының негізіне арқау болар ой желілеріне

Абай шығармаларынан нақтылы өлең үзіктерін іздестірген. Ақын творчествосының рухани нәр алған түп-төркіндерін, өзекті ойлар желісін аңғартар өлең үзіктерін рет-ретімен қағазға көшіріп, таратар ойларының желісін құрған, онда айтылар ой-пікір нысаналарын алдын ала анықтап, белгі де соғып отырған.

Осындағы ойлар желісі кейінірек Қазақстан Жазушылар одағының Абай мерекесіне арналған салтанатты пленумында жасаған баяндамасында қаншалықты дәрежеде ашылып таратылғанын осы тезис пен баяндаманы қатар алып салыстырғанда байқауға болады.

М. Әуезовтің ғылыми-творчестволық лабораториясының ерекшелігін танып-білуде белгілі бір дәрежеде ғылыми мән-мағынасы болуы себепті осы баяндамаға дайындалу үстінде алдын ала жасаған ой жоспарын да (“Әуезов үйі” ҒМО, 539-бума, 27–31-бб.) оқушыларға ұсынып отырмыз. Өйткені ұлы Әуезовтің ғылыми творчестволық лабораториясының сырын ұғынуға мұның қажеті бар.

“Абайдың өмірі мен еңбегі” деген тақырыпқа арналған баяндама (Қазақстан Жазушылар ұйымының юбилей пленумына).

К е л е ш е к:

Сеніскен досым да жоқ асылында,
Ақыры өлең қылдым жасыдым да.
Көрмеген көп дүние көл көрінді,
Кірлемеген көңілдің ашығында.

Е л б ұ л д і р г і ш т е р і:

Сабырсыз, арсыз, еріншек,
Көрсеқызар, жалмауыз.
Сорлы қазақ сол үшін
Алтыбақан алауыз.
Қылып жүрген өнері:
Харекеті – әрекет...
Өзі оңбаған антұрған
Кімге ойлайды берекет...

Неге өлең жазамын:

Ескі бише отырман бос мақалдап,
Ескі ақынша мал үшін тұрман зарлап.
Сөз түзелді, тыңдаушы, сен де түзел,
Сендерге де келейін енді аяндап.
Мақсұтым — тіл ұстартып, өнер шашпақ,
Наданның көзін қойып, көңілін ашпақ.
Үлгі алсын деймін ойлы жас жігіттер,
Думан-сауық ойда жоқ әуел баста-ақ...

Ойдан қайғылымын:

Ауырмай тәнім,
Ауырды жаным,
Қаңғыртты, қысты басымды.
Тарылды көкірек,
Қысылды жүрек,
Ағызды сығып жасымды.
Сүйеніп күлкі, тоқтыққа,
Тартымды өнер жоқтықта.

Әрекетшілер:

Ел керексіп,
Сөзге емексіп,
Не болады мақтаның!
Бейілі шикі,
Ақылы күйкі,
Осы жұрт па тапқаның?

Ақын-оптимист:

Қайғы шығып иыққа.

Аспанға қамшылану:

Қамалтпасын тұйыққа.
Сергі, көңілім, сергі енді...
Балапан құстай оңдалып,
Қанатыңды қомданып,
Жатпа ұяда қорғанып,
Ұш, көңілім, көкке, кергі енді (1890).

М о л д а ж а л м а у ы з:

Кітапты молда теріс оқыр,
Дағарадай боп сәлдесі.
Малқұмар көңілі бек соқыр,
Бүркіттен кем бе жем жесі.

Е л ж у а н д а р ы (“Қайғы шығар ілімнен” деген өленде):

Ел жайын біліп, қансаңыз,
Айтайын, құлақ салсаңыз:
Кейбіреуі дүрсіп жүр,
Жер тәңірсіп кер мағыз.
Кейбіреуі – закүншік,
Оңдырмассып, берсе арыз,
Кейбірі пірге қол берген.

Ж у а н д а р, б ұ з а р л а р к і м д е р?

Іші залым, сырты абыз,
Кейбірі хажға барып жүр,
Болмаса да хаж парыз.

“Қайтсе жеңіл болады жұрт билемек” (сатира):

Тұрлаусыздың қолынан не келеді,
Ынтасыз қайтіп өнер үйренеді?
Еңбегі жоқ, еппенен мал табам деп,
Сендіре алмай, сене алмай сенделеді.

Б а с т а й м ы н, е р е л і м:

Жұртым-ай, шалқақтамай сөзге түсін,
Ойланшы, сыртын қойып, сөздің ішін.
Ыржандамай, тыңдасаң нең кетеді,
Шығарған сөз емес қой әңгіме үшін.
Адасып алаңдама жол таба алмай,
Берірек түзу жолға шық, қамалмай.
Не ғылым жоқ, немесе еңбек те жоқ,
Ең болмаса кеттің ғой мал баға алмай.

М а л қ о р д а и т б а й:

Малға достың мұңы жоқ малдан басқа,
Аларында шара жоқ алдамасқа.
Мал жияды мақтанып білдірмекке,
Көзге шұқып малменен күйдірмекке.
Өзі шошқа өзгені ит деп ойлар,
Сорпа-сумен, сүйекпен сүйдірмекке.

Ә й е л қ о р, к ә р і б а й қ ү з ғ ы н:

Есерлер жас қатынды тұтады екен,
Жас қайғысын білдірмей жұтады екен.
Ортасында бұлардың махаббат жоқ,
Тұсап қойып қашырар бұқа ма екен.
Бай қартайса, малына берер шылбыр,
Мал өмірді жаңғыртпас, құдай ұрғыр.
Біреудің қызын алып малға сатып,
Баяғыны іздеген қандай құрғыр.

Ә н – ә с е м с ы й, о н ы с ү й:

Ән... көңіл құсы...
Ұйықтап жатқан жүректі ән оятар,
Оның тәтті оралған мәні оятар.
Кейі зауық, кейі мұң дертін қозғап,
Жас балаша көңілді жақсы уатар.
Құлақтан кіріп, бойды алар
Жақсы ән менен тәтті күй.
Көңілге түрлі ой салар,
Әнді сүйсең, менше сүй...

Н е м д і а я д ы м:

Ортаға көп салдым
Өзімде барымды.
Япырм-ау, неңді алдым,
Сау қоймай арымды?

Ш ы н д ы а й т , а қ ы н :

Ет жүрексіз еріннің айтпа сөзін,
Тіл үйірген нәпсінің қу мінезін.
Тілде – сүйек, ерінде жиек бар ма,
Шымылдық боп көрсетпес шынның жүзін.

Э п и г р а ф :

Жүрегіңнің түбіне терең бойла,
Мен бір жұмбақ адаммын, оны да ойла.
Соқтықпалы, соқпақсыз жерде өстім,
Мыңмен жалғыз алыстым, кінә қойма.

Чтоб милосердным быть, настез открой
Кто я, предок, твой? Тайна я, не забудь.
Путь я отдал для тебя, знай, потомок мой,
Тысячи раз в бой шел я, не обессудь (1898).

А р м а н , н а м ы с а р м а н ы :

Атымды адам қойған соң,
Қайтіп надан болайын.
Халқым надан болған соң,
Қайда барып оңайын?

Ү м і т а л д а , а р м а н д ы к е л е ш е к – а қ ы н
ш а б ы т ы с о н д а :

Көк қанат бейіс құсындай
Қу ағашқа қонақтап.
Ол бұтақтан қозғалмас,
Өкіріп дауыл, соқса жел.
Өзгеге бола жырламас,
Ыстық күнді жоқтар ол.
Жанымның жарық жұлдызы,
Жамандық күнде жарымсың.
Сөз болсын ескі әр сөзі,
Кейінгіге қалынсын (1900).

Қ о й а р т ы қ, ж ы л қ ы н ы қ о й:

Жуасты мін де, айран іш,
Жоқ немеге шатылма.
Ұры, залым, құларға
Нысанаға шаншылма.

З а м а н ғ а к ө н б е, қ а р с ы б а с:

Әркімді заман сүйремек,
Заманды қай жан билемек?
Заманды жаман күйлемек,
Замана оны илемек”.

(27–31-бб.)

Осы баяндамада айтылған М. Әуезов ойларының басты-басты желілері кейіннен Абай мұрасы жөнінде әртүрлі жанрда жазылған көркем шығармалары мен абайтану саласындағы зерттеулерінде әрқилы жолдармен таратылса да, өз алдына дербес күйінде жарияланбай келді.

“Абайдың өмірі мен еңбегі” деген баяндамасы жазушы архивінде сақталған қолтаңба негізінде (“Әуезов үйі” ҒМО архиві, 411-бума, 1–24-бб.) жарияланып отыр.

М. Мырзахметұлы

“К лекции “Абай – великий казахский поэт”

М. Әуезов 1948 жылы 15 наурызда өткізілген республикалық басшы қызметкерлердің семинарында “Абай Құнанбаев – қазақ әдебиетінің классигі” (“Әуезов үйі” ГМО-ның архиві, 539-бума, 35–44-бб.) деген тақырыпта лекция оқуға шақырылды. Мұхаң Абай мұрасын қаншалықты терең білсе де, осындай аса жауапты лекцияға алдын ала дайындып, онда айтылар ойларының негізгі желісін тезис ретінде қағазға түсіреді. Мұндай іс жазушының лекторлық қызметінде қалыптасқан машығы екенін оның абайтанудан оқыған лекцияларының жүйесінен де көреміз. М. Әуезов айтар ойының басты желілерін өте ұтқыр сөйлемдер арқылы оқитын лекциясының жоспары ретінде қағазға түсіріп қоятын да, лекция үстінде оны жан-жақты толықтырып, тереңдей баяндайтын. Онысы, негізінде, сөйлегенде өте жүйелі, алдын ала жазып дайындаған лекция желісіндей өте жатық шығатын. Осы машығын М. Әуезов өте жауапты басшы қызметкерлердің республикалық семинарында оқыған бір сағаттық лекциясында да қолданған. Мұндағы ерекшелік – лектор Абай дүниетанымына, көзқарасына алғаш рет арнайы тоқталып, өзінің осы саладағы танымын топшылай отырып ашып берген. Әсіресе, алға қойған мақсаты екінші тарауда айқын сезіліп тұр. Яғни өз ойының түйінді желілерін ХІХ ғасырдағы Қазақстандағы қоғамдық ойдың даму тарихымен бірлікте ала отырып, кең ауқымда ашып береді.

Лектор ретінде лекция желісінде мысалға алынатын өлең үзіктеріне дейін алдын ала дайындап, қазақ тілінде көшіріп қойып, сөйлеу үстінде мағынасын тікелей орысша түсіндіріп отырған.

1948 жылы 15 наурызда осы тезис арқылы оқыған лекциясы стенограммаға түсірілген қалпы жазушы архивінде сақталып қалған, бірақ қатесі көп, біршама сөздер, сөйлемдер түсіп қалған, әрі кісі аттары бұрмаланған. Сонда да тезисі

мен стенограмманы салыстырғанда, лекция қағазға жазылып оқылғандай өте жүйелі әрі жатық шыққаны көрініп тұр.

Лекторлық өмірінде қалыптасқан іс-тәжірибесі, ысылған дағдысы бұл жолы да өз нәтижесін берген. Бұл өзі өте сирек ұшырасатын қасиет. Ауызша сөйлеген сөздері алдын ала ойланып, қағазға жазылған лекциядай стильдік жағынан жұп-жұмыр келіп, жазба мәтіннің табиғатын танытады. Мұхаңның тыңдаушысын қатты баурап, ұйытатын лекторлық таланты шешендік өнердің үлгі-өнегесі ретінде ұсынарлықтай қуатқа ие.

Бұл тезис ретіндегі ойлар желісі болғанымен, ұлы ақынның дүниетанымын танып-білуде ғылыми ойларға өзек болып, абайтану тарихы саласынан жүргізілер келешек ғылыми-зерттеу жұмыстарына адастырмас бағыт-бағдар сілтеуімен құнды.

Тезис жазушы архивінде сақталған қолтаңбасы негізінде (“Әуезов үйі” ФМО-ның архиві, 539-бума, 35–44-бб.) ешқандай өзгеріссіз, бастапқы қалпында жіберілді.

М. Мырзахметұлы

“Стенограмма лекции “Абай Кунанбаев – казахский поэт”

Бұл – 1948 жылы 15 наурызда жауапты қызметкерлердің республикалық семинарында “Абай – казахский классик” деген тақырыпта оқыған лекциясының стенограммаға түскен мәтіні. Бірақ стенограммада кісі аттары, кейбір ұғымдар немесе басқадай шығарма аттары қате берілсе, лекция үстінде қазақ тілінде мысал ретінде келтірген өлең үзкітері мен кейбір цитаталар түспей қалған. Бұлардың орны осы дәріске дайындалу барысында лекцияда айтылар ойының басты желілері мен онда келтірер өлең үзінділерін қысқа-қысқа тезис-жоспар ретінде қағазға түсірген шашпа пікірі негізінде (“Әуезов үйі” ҒМО-ның архиві, 539-бума, 35–44-бб.) толықтырылып, қалпына келтірілді.

Лекцияны бастар алдында лектор “Абай” романының авторы ретінде сөйлемей, ақын мұрасының зерттеушісі болып сөйлейтінін ескерткен. Осы себепті лектор алдына қойған мақсаты тұрғысынан, ХІХ ғасырдағы қоғамдық ой-пікірдің дамуындағы Абайдың орны мен сол тұстағы саяси-әлеуметтік құбылыстың даму тарихында ұстанған бағыт-бағдарына молырақ тоқталып, шола әңгімелейді. Абай өзінің творчестволық ой-пікір, соны танымымен жалпы Шығыстағы соны құбылыс екенін, сонымен қатар орыстың классикалық әдебиетімен тереңінен туысатынын жан-жақты талдап түсіндіреді.

Абайдың Толстойға қатысы өте күрделі. Абайтануда ол үстірт танылып келген еді. Бұл жөнінде М. Әуезов өзі ұстанған танымының бетін ашады. Кейбір тезистерінде мұны анық білдірген де болатын. Эпопея мен ақын мұрасын зерттеулерінде осы тезисте айтылған ойды берік ұстанғанын көрсетеді. Өз тезисі негізінде М. Әуезов Абайдың халықшылдарға қатысы мен Толстойға қарым-қатынасы арасындағы елеулі ерекшелікті баса айтады. Осы тұрғыдан қарағанда, Абай Толстойдың

кертартпа ілімі мен жазушылық өнеріндегі ерекшелікті жіті танып, білгендіктен де, М. Әуезов: “...толстойшылдықтың емес, Толстойдың реализмін қабылдайды”, – деп ой қорытады.

Дәрісте айтылған ойдың жаңа бір желісі – камили инсани (высоконравственная личность) мәселесі төңірегіне топталған. Бұл әсіресе Абайдың “Сәулең болса кеудеңде” өленіндегі ноль, единица туралы ойларымен байланысты қарастырылған.

Дәрісте Абайдың дүниетанымындағы затшылдық, сана-шылдық танымдарымен бірге, ондағы дуализм, дін және этикалық, эстетикалық көзқарасы алғаш рет нақтылы түрде әңгімеленеді.

М. Әуезов тарапынан айтылған бұл нақтылы пікірлер бұрын баспа бетінде мәлімденбеген болатын-ды. Осы себепті де лектор: “...біз бұған дейін жарияланған мақалалардағы ойды айтып отырған жоқпыз”, – деп тектен-тек ескертіп отырған жоқ.

Дәріс үстінде М. Әуезов баяндаған ойлардың соны бір қыры әсіресе оның Абай мұрасында орын алған нәзира, нәзирагөйлік жөніндегі танымымен байланысты. Абай тіпті шығыстағы нәзирагөйлік дәстүрді дастандарында ғана қолданумен шектелмей, оны Пушкин, Лермонтов шығармаларын аудару үстінде ой, сарын жарыстыру түрінде пайдалана білгендігін ескертеді.

Дәрісте айтылған әрі бұрын баспасөз бетіне түспеген соны таным, жаңа ой-толғаныстары абайтану саласында жазылар келешек ғылыми-зерттеулер үшін бағыт-бағдар берер, қуаты ересен дүние деп қарау ләзім.

Бұл лекция мәтіні де “Әуезов үйі” ҒМО-ның архивінде (443-бума) сақталған қолжазба нұсқа негізінде берілді.

М. Мырзахметұлы

**“Выступление в Колонном зале Дома Союзов
24 сентября 1954 г. в Москве, на торжественном
заседании, посвященном 50-летию со дня смерти
Абая Кунанбаева”**

Бұл – М. Әуезовтің 1954 жылы 24 қыркүйек күні Абай Құнанбаевтың қайтыс болғанына 50 жыл толуына орай Мәскеудегі Одақтар үйінің Үлкен залында өткен салтанатты мәжілісте сөйлеген сөзі.

Ы. Дүйсенбаевтың күнделік дәптерінде Мәскеудегі Абайдың шығармашылығына арналған мерекелік кеш жайында: “Ақыры ұлы астанамызға келіп жеттік. Бізді қарсы алуға бір топ адамдар шыққан екен, олардың ішінде: Л. Леонов, Л. Соболев, Н. Грибачев, С. Васильев, тағы басқалар бар. “Дом Союзовтың” үлкен залында Абайға арналған кеш өте жақсы өтті. Ғ.М. баяндамасы, әсіресе Мұхаң сөзі, жұртты өзіне тартып әкетті” деген дерек бар (М.О. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресі. 490–491-бб.). Баяндамада М. Әуезов бұл кештің ақынның туған жерінен бастап Мәскеуде аталып өтуіне ерекше тоқталумен қатар, Абайдың келер ұрпаққа берер тағылымы мол екенін, артына өлмейтұғын мұра қалдырғанын айтқан.

М. Әуезовтің мұрағатында баяндаманың машинкада басылған 2 данасы мен қолжазба нұсқасы сақталған (199-бума, 174–176-бб.; 200 бума, 132–137-бб.). Қолжазбасы 3 бет көлемінде, күлгін көк сиямен жазылған. Соңғы беттің арт жағына “2-ой этаж. Кабинет Т. Егорова. т. Лебедевой Лиле Яковлевне” деген жазулар бар. Соңынан “1954 жыл 24 сентябрь” деп өзі қолын қойған. Машинкада басылған нұсқасы мен қолжазбасына текстологиялық салыстыру жасалды, мәтінде ешбір айырмашылық жоқ. М. Әуезовтің елу томдық шығармалар жинағының осы томына баяндаманың қолжазба нұсқасы (200-бума) ұсынылып отыр.

А. Болсынбаева

“О значении русского языка”

Бұл – мұғалімдердің республикалық жиынында (1956 ж., 29 наурыз) орыс тілін игеру жөнінде сөйлеген сөзінен үзінді. Мұнда жазушы халықаралық мәнге ие болған орыс тілінің қазақ әдебиеті мен мәдениетіне тигізіп отырған игі әсерлері жөнінде айтып өтеді (“Әуезов үйі” ҒМО-ның архиві, 225-бума, 14–16-бб.).

М. Мырзахметұлы

“Халықтың қадірден ұлы”

Абайға республика астанасы төрінде монументальды ескерткіш орнату мәселесі ұлы ақынның жүз жылдық мерейтойына дайындық тұсында-ақ Мұхтар Әуезов тарапынан қойылған болатын-ды. Осы талабы екінші рет 1948 жылы 29 ақпанда ҚКП ОК-і мен Қазақ КСР Ғылым академиясының Президиумына жолдаған хатында қайталанды.

Осындай ізгі мақсат ақыры 1960 жылы қараша айында жүзеге асып, ұлы ақынға арналған көрнекті ескерткіш астананың Абай даңғылындағы биік тұғырға орнатылды.

Мүсінші Х. Наурызбаев жасаған Абай ескерткішін ашу, арнайы сөз сөйлеу құрметі абайтанудың бірегей білгірі Мұхтар Әуезовке тапсырылды. Ескерткішті ашуда сөйлеген М. Әуезов сөзі орыс тіліндегісіне қоса (“Әуезов үйі” ҒМО-ның архиві, 255-бума, 70–72-бб.) өзгеріссіз, сол қалпында ұсынылып отыр.

М. Мырзахметұлы

“Сәбит Мұқановтың “Абай Құнанбаев” атты монографиясы туралы”

Абайдың жүз жылдық мерекесі қарсаңында жазылған жазушы С. Мұқановтың “Абай Құнанбаев” деп аталатын көлемді монографиясына Мұхтар Әуезовтің білдірген көлденең пікірі (“Әуезов үйі” ҒМО-ның архиві, 39-бума, 10–29-бб.).

Бұл монографиялық қолжазба М. Әуезов тарапынан айтылған кемшін жайлары жөнделмеуі себепті, көп жылдар бойы жарық көрмей жатып қалған. Оның бір данасы Қазақстан Ғылым академиясының Орталық ғылыми кітапханасында сақтаулы.

С. Мұқановтың осы монографиясы ешқандай өзгеріссіз, сол қалпында 1964 жылы “Мектеп” баспасынан “Жарық жұлдыздар” деген атпен жарық көрді. Кейіннен жазушының он алты томдық шығармалар жинағына енді. Мұнда да жазушының ұлы ақын мұрасы туралы еңбегіне көлденең пікір (рецензия) жазылып, елеулі кемшіліктері көрсетілді. Қолжазбаға арнаулы редакция жүргізіліп, оларға түсініктеме беру арқылы жариялау қажеттілігі ескертілсе де, тағы да сол қаз-қалпында, өзгеріссіз басылып кеткен. Тек үзінді ретінде келтірілген Абай өлеңдері қайта қарастырылып, бір ізге түсірілді.

М. Әуезовтің елу томдық шығармалар жинағының осы томына аталмыш пікір еш өзгеріссіз, сол қалпында ұсынылып отыр.

М. Мырзахметұлы

**“Қазақстан Орталық партия Комитетінің
агитация-пропаганда бөліміне,
ж. Жұмағазинге, Қазақ ССР Ғылым
академиясының Президиумына”**

Мұхтар Әуезов 1948 жылы Қазақстанда әдебиет, көркем-өнер, ғылымды көркейту, дамыту жайлы ойларын, кейбір ұсыныстарын Қазақстан Орталық партия Комитеті мен Қазақ КСР Ғылым академиясының Президиумына хат арқылы жолдаған болатын-ды. Онда әсіресе Абай, Жамбыл музейлерінің ескерусіз қалып, өркендеп дами алмауы жөнінде аса күрделі де өзекті мәселе көтереді (қараңыз: Данадан қалған бір арман. Қазақстан мұғалімі. 1977. 19 тамыз).

Ұлы жазушының бұл хаты да қолжазба нұсқасының негізінде (“Әуезов үйі” ҒМО-ның архиві, 509-бума) біршама қысқартулармен ұсынылып отыр.

М. Мырзахметұлы

**“Қазақ ССР Оқу министрлігіне,
С.М. Киров атындағы Қазақ мемлекеттік
университетінің қазақ әдебиеті кафедрасының
бастығына (мәлімет үшін)”**

Бұл арада М. Әуезовтің Қазақ ССР Оқу министрі Әди Шәріповтің тікелей тапсыруы бойынша қазақ әдебиеті оқу бағдарламаларына жазған көлденең пікірлерінен тек Абай мұрасына қатысты жерлері ғана беріліп отыр (“Әуезов үйі” ФМО архиві, 211-бума, 40–50-бб.).

1951 жылы 26 маусымда жазылған көлденең пікірде бағдарламада айтылған Абай мұрасы жайындағы төрт түрлі мәселеге ерекше көңіл бөлінген: 1. Абай мұрасын бүкіл Россия тарихымен тікелей жалғас туған рухани құбылыс ретінде таныту қажет деп біледі. 2. Қазақ әдебиеті тарихын зерттеудегі кейбір демагогтық әрекетке орай Абай мұрасының шығысқа қатысы көпке дейін айыпталуы себепті, М. Әуезов Абай мұрасының рухани көздерін советтік шығыс классиктері шеңберінде ғана қарауды ұсынады. Бұл сол кезеңнің әдеби атмосферасындағы уақытша жағдайға байланысты айтылған еді. 3. Бағдарламада Абайдың жастық шағындағы өлеңдері заңды орын алуы керек, бұл жөнінде осы тұста ақын мұрасының алғашқы кезеңін терістеу сияқты қияс пікірдің орын алғанын да атап өтудің орны бар деп біледі. 4. Өзінің абайтану саласында жазылған басты еңбектерін бағдарлама мен оқулықтарда пайдаланудың реті бар деп қараған.

М. Мырзахметұлы

“Ә. Жиреншиннің “Абай Құнанбаев” деген кітабы туралы пікір”

Әбіш Жиреншин 1946 жылы 12 желтоқсан күні С.М. Киров атындағы Қазақ университетінің Ғылыми кеңесінде тарих ғылымдарының кандидаты атағын алу үшін “Абай и его русские друзья” (“Абай және оның орыс достары”) атты кандидаттық диссертация қорғады. Ресми сарапшылардан кейін М. Әуезов Ә. Жиреншиннің зерттеу еңбегіне өзінің оң пікірін білдіріп, кей жерлеріне сын айтады. Жазушының сөйлеген сөзінің стенограммасы “Әуезов үйі” ҒМО-ның қолжазба қорында (440-бума, 4–8-бб.) сақтаулы. Диссертация негізінде 1949 жылы “Абай и его русские друзья” деген атпен жарық көрген еңбек біршама өзгерістермен толықтырылып қазақ тілінде басылды. Баспа орны автордың “Абай Құнанбаев” (1951) атты алғашқы кітабына көлденең пікір білдіруіне жасаған өтініші бойынша М. Әуезов бұл кітапты әлі де болса ширатып, ғылымдық, тарихтық жағынан алынған дәйектемелердің бұрмаланған тұстары мен қателіктерін түзетіп барып шығару керектігін айтады.

Кітаптың 95-бетіндегі автордың негізсіз айтылған пікіріне “95-бетте Абайдың көзқарасы материалистік көзқарас деп кесіп-шешу ұшқары” деп ескертеді.

Бұл кітап туралы пікір Л.М. Әуезова мен М. Мырзахметұлының дайындауымен шыққан “М. Әуезов. Абайтанудан жарияланбаған материалдар” (Алматы: Ғылым, 1988. 297–300-бб.) атты кітапта басылды.

Кітапта берілген мәтінмен текстологиялық салыстырулар жасаған кезде мына жайлар байқалды (297-б.): “3. Сол бетте Сұлтанмахмұттың Нәзипаны мақтаған... үзінді” деген сөйлем – “4. Сол бетте Сұлтанмахмұттың Нәзипаны мақтаған, ең ұлтшыл, алашордашыл өлеңінен алынған залалды үзінді” деп толықтырылып, рет саны бойынша 4-ке ауыстырылған. “4. Сол бетте Нәзипа жайы керексіз[...].” деген желі рет саны

бойынша 3-ке орын ауыстырып – “3. Сол бетте Нәзипа жайы керексіз, өрескел” деп өзгертілген. “9. Отыз алтыншы-отыз жетінші беттерде, бұрын Абай мен Қаратай, Құнанбай арасында болған үлкен бір шешен бақас турасында қалыптанған толық және дәл әңгіме бар-ды. Соны мына беттерде Төлеудің аузымен бәрін, реңін кетіріп, қайта бір жария жасаудың қажеті жоқ” – 9. “Отыз алты-отыз жетінші беттерде, бұрын Абай мен Қаратай, Құнанбай арасында болған үлкен бір шешен бақас турасында қалыптанған толық және дәл әңгіме бар-ды. Соны мына беттерде, Төлеудің аузымен нәрін, реңін кетіріп, қайта бір версия жасаудың қажеті жоқ”, – делінген.

Сол сияқты төмендегідей өзгерту, толықтырулар кездеседі: “11. 38-бетте “Абай мен Құнанбайдың алшақ болмаған”... – “11. “38-бетте “Абай мен Құнанбай арасы алшақ болмаған””; “11. “Оны Құнанбайдың әруағына осы күнге дейін тауап қылатын құнанбайлықтардың тоғышар теріс саналы нәсілдерінің сыбағасына беру керек” – “11. Оны Құнанбайдың әруағына осы күнге шейін тауап қылатын құнанбайлықтардың тоғышар теріс саналы нәсілдерінің сыбағасына беру керек. Абай жөніндегі біздің дәуір кітабынан ондай мадақтауларға орын тимеуі керек”.

“12. 45–46-беттерде. Тұраш... туралы келтірілген дерексымақтар керексіз” – “12. 45–46-беттерде. Тұраш сияқты алаш-орда мүшесі және 28-ші жылы конфискеленген жарым феодал туралы келтірілген дерексымақтар керексіз”.

“18. Сол бетте тағы да Тұраш жайлы... “қаталық” – “18. Сол бетте тағы да Тұраш жайлы саяси қаталық”.

“29. 140-бетте және 149-бетте Нысанбайды Махамбеттер қатарына қосып... қаталық жасайды” – “29. 140-бетте және 149-бетте Нысанбайды Махамбеттер қатарына қосып, саяси қаталық жасайды”.

“31. 148-бетте әл-Фарабилерді қазақтың оқымысты қайраткері есебінде көрсетпек болған сөздерінде (ойлану керек) ... – “31. 148-бетте әл-Фарабилерді қазақтың оқымысты қайраткері есебінде көрсетпек болған сөздері де орынсыз”.

“Сұлтан-Махмұттың” – “Сұлтанмахмұттың” болып өз қалпына келтірілді.

1. 81-б. **Ә. Жиреншин** – Әбіш Мұсылманқұлұлы Жиреншин (31. 12. 1913. Семей облысы, Абай ауданы) – әдебиет

зерттеушісі, журналист, тарих ғылымдарының кандидаты (1946).

2. 81-б. **Сұлтанмахмұттың** – Сұлтанмахмұт Торайғыров.

3. 82-б. **Тұраш** – Тұрағұл Ибрагимов.

М. Әуезовтің елу томдық шығармалар жинағының бұл томына “Ә. Жиреншиннің “Абай Құнанбаев” деген кітабы туралы пікірінің” осы нұсқасы 213-бумадағы мәтін бойынша ішінара түзетулермен толық жіберіліп отыр.

С. Майлыбай

**“Краткий предварительный отзыв
о диссертационной работе М.С. Сильченко
на тему “Русское литературное влияние
в стихах и песнях Абая”**

М. Әуезовтің доцент М.С. Сильченконың докторлық диссертацияның қолжазбасына алдын ала білдірген бұл пікірі 1951 жылы 29 қаңтарда жазылған болатын (“Әуезов үйі” ҒМО-ның архиві, 561-бума, 10–12-бб.). Автордың пайымдауынша, М.С. Сильченко зерттеуінің мәні – Абайдың халық ауыз әдебиетімен творчестволық байланысын және орыс классиктерінің Абай лирикасына еткен ықпалын нақтылы деректермен дәлелдеуінде. М. Әуезовтің нашія түрінде қолжазбаның әрбір бетінде белгі қойған жазбаша пікірлері де жиі ұшырасады.

М.С. Сильченконың М. Әуезов жазған сын пікірлермен қатты санаса отырып, қолжазбаны қайта өңдегені 1956 жылы “Творческая биография Абая” деген атпен жарық көрген монографиясынан айқын аңғарылады.

М. Мырзахметұлы

**“Отзыв о статье тов. Тажибаева Т.Т.
на тему “Психологические взгляды
Абая Кунанбаева”**

Профессор Төлеген Тәжібаевтың “Абай Құнанбаевтың психологиялық көзқарасы” деген мақаласының қолжазбасы М. Әуезовтің сыни пікірінен кейін кемшіліктерінен арылып, С.М. Киров атындағы Қазақ мемлекеттік университетінің ғылыми жинақтарында алғаш рет жарияланды. Тәжібаевтың бұл зерттеуін М. Әуезов абайтануға жаңа таным тұрғысынан қосылған тырнақалды еңбек деп аса жоғары бағалаған. М. Әуезов айтқан сын-ескертпелерді автор Абайдың психологиялық, педагогикалық, философиялық көзқарасын зерттеген “Философско-психологические и педагогические взгляды Абая Кунанбаева” деп аталатын ғылыми еңбегінде ескерген. Ол 1954 жылы кітап болып шықты.

М. Әуезовтің профессор Т. Тәжібаевтің “Абай Құнанбаевтың психологиялық көзқарасы” деген қолжазбасына жазған сыни пікірін ҚазМУ-дің профессоры Құбығұл Жарықбаев архивтен тауып, жазушының әдеби мұражай-үйіне тапсырған. Пікір осы нұсқасы негізінде ешқандай өзгеріссіз, сол қалпында жіберілді.

Пікірдің қолжазбасы Қазақ ұлттық университетінің архивінде сақталған. Қолжазбаға 1959 жыл датасы қойылған.

М. Мырзахметұлы

“С.М. Киров атындағы Қазақ мемлекеттік университетінің филология факультетінің студенті Есбаев Құлмағамбеттің дипломдық жұмысы туралы пікір”

М.О. Әуезов 1934–1961 жылдарда “С.М. Киров атындағы Қазақ мемлекеттік университетінің филология факультетінде абайтанудан арнаулы курс жүргізіп, осы бағыттағы дипломдық жұмыстарға жетекшілік етті. Бұған қоса, “СССР халықтарының әдебиет тарихы” пәнінен де дәрістер оқиды. Жазушының мұрағат қорында қазақ әдебиеті саласында аспиранттар дайындап, ғылыми жетекшілік еткенін растайтын деректер де бар. Мәселен, Т. Әбдірахманова (24.10.1958. № 1262) мен С. Жүнісовтің (05.11.1959. № 1340) аталмыш оқу орнының аспирантурасына түскен, бітірген жылдары жөніндегі бұйрықтарының көшірмесі сақтаулы тұр (№ 495-бума).

Міне, М. Әуезовтен лекция тыңдап, диплом қорғаған көп жастардың қатарында бір кездегі филология факультетінің студенті Құлмағамбет Есбаев та бар.

Әйгілі “Абай жолы” роман-эпопеясының авторы, ғұлама ғалым Е. Құлмағамбеттің дипломдық жұмысын жоғары бағалаған. Машинкада терілген жазушы пікірі мұрағат қорындағы 495-бумада сақталған. Бұл қолжазба нұсқа Л.М. Әуезова мен М. Мырзахметов құрастырған “Абайтанудан жарияланбаған материалдар” (1988) атты кітапта жарияланған. Текстологиялық салыстырулар барысында өзара айырмашылықтар кездеспеді және толық жинаққа 495-бумадағы мәтін ешбір өзгеріссіз жіберілді.

Е. Қаныкейұлы

“Әрхам Ысқақовтың “Абай өмірі” деген атпен жазылған қолжазбасы жөнінде пікір”

Осы қолжазба кітап болып шығу үшін оған бірнеше адам пікір жазғаны белгілі. М. Әуезов қолжазбадағы Абайдың өмірі мен оның қоғамдық қызметі, өскен ортасы туралы айтылған кейбір жаңсақ пікірлерді түзетуді ұсыныс ретінде айта келіп, жан-жақты талдаулар жасаған. Көптеген ұсыныстар енгізе отырып, әлі де кемшіліктерді толықтыру, жөндеу керектігіне тоқталады.

М. Әуезовтің елу томдық шығармалар жинағына пікір қолжазбадан алып дайындалды.

М. Мырзахметұлы

“К беседе (о романе “Абай”) (“Абай” романы туралы әңгімеге)”

М. Әуезовтің “К беседе” (“Әуезов үйі” ҒМО-ның архиві, 540-бума, 41–45-бб.); “К выступлению о романе” (“Әуезов үйі” ҒМО-ның архиві, 540-бума, 68–72-бб.); “К лекции об “Абае” и “Путь Абая” (“Әуезов үйі” ҒМО-ның архиві, 529-бума); “Абай докладына” (“Әуезов үйі” ҒМО-ның архиві, 539-бума, 51–69-бб.) деп аталатын шашпа пікірлер циклі жазушының көп ойланып, толғанудан кейін “Абай жолы” эпопеясының дүниеге келу туралы мақала жазуға алдын ала қаншалықты дайындықпен келгендігін байқатады. Жазушыға тән дағдылы машығы – күрделі бір тақырып төңірегінде ой қорытқанда, өз ой-тұжырымын қысқа-қысқа тезис іспеттес қалыпта қағазға түсіріп отыратын болған.

1959 жылы жарияланған (“Моя работа над романами об Абае”. Вопросы литературы. 1959. № 6. С. 104–154; “Как я работал над романами “Абай” и “Путь Абая”. Абай Кунанбаев. Алматы, 1967. С. 357–376) және Бүкілодақтық радиодан сөйлеген сөзінде бұл өзінің көптен бері дайындалып, “Абай жолы” эпопеясының туу тарихына орай арнайы жазған, жазушылық лабораториясының сырын ашуға арналған зерттеушілік сипаттағы мақаласы екенін айтады.

Жоғарыда аталған шашпа пікірлер циклінде тезис ретінде жазылған ой-толғаныстарын оқтын-оқтын қағаз бетіне түсіріп, сараптап, жұртшылыққа айтпақ ойының негізгі желілерін жеткізген. Егер осыларды тереңдей зерттеп, жан-жақты талдайтын болсақ, “Абай жолы” эпопеясының жазылу тарихы мен жазушы лабораториясының ғажайып сырларына бойлай еніп, көп құбылыстардың мән-мағынасын танып-білуге жазушының өзі көмекке келерін сезінеміз. Бұлар келешек жас зерттеушілерге іздесе таптырмас даяр тұрған мол деректер көзі екені хақ. Мәселен, жазушының “К выступлению о романе” деген пікірінде ұшырасатын “Что учтено из критики?” деген тезисіне ой жүгіртіп байқайықшы. Бұл тезистің төркінін тереңдеп ашу өз алдына бір мәселе. Ал “Абай”, “Абай жолы” романдары

жөнінде әдеби сында көптеп айтылған сын пікірлерді жазушы қабылдай бермеген, бірақ ақылға қонатын, дәлелді дегендерінен бойын аулақ ұстамаған да. Мысалы, “Знамя” журналында “Абай жолының” үшінші, төртінші кітаптарын жариялау үстінде, журнал редколлегиясының: “XIX ғасырдың аяғындағы қазақ қоғамының әлеуметтік жіктелуін неғұрлым анығырақ көрсету керек. Сіз қазақ кедейлерінің жергілікті феодалдар тарапынан тағылықпен қаналуын сенімді түрде көрсете алғансыз, бірақ Сіз қазақ халқының патша өкіметі тарапынан отар ретінде қаналуын әлі де жеткілікті көрсете алмағаныңыз айқын...

...Қазақ кедейлерін екі жақты қанау тақырыбы романда мейлінше айқын, ашық көрсетілуі тиіс” (Кітапта: Л.М. Әуезова. “М.О. Әуезов творчествосында Қазақстан тарихының проблемалары”, Алматы, 1977. 23-б.), – деген сын пікірінен кейін романның “Қақтығыста” деген тарауын (бұл тарау “Ақын аға” романында бұрын “Қазада” деп аталатын) қайтадан жазып, көптеген тарихи деректер негізінде толықтыра түседі. Мұны тіпті соңғы кезде архив сөресінен табылған, КСРО Жазушылар одағының секретариатында 1952 жылы 15 қаңтарда өткізілген “Знамя” журналының авторлармен жұмыс істеуі жайлы арнаулы мәжілісінің материалдарынан да көреміз. “Обсуждение работы журнала “Знамя” (Архив СП СССР, ф. Секретариата, оп. 25, ед. хр. 60, л. 16) деп аталатын материалда осы мәжілісте сөйлеген журнал редакторы В. Кожевников: “...Характерна работа, которую редакция проделала вместе с Ауэзовым, мы два раза его вызывали и длительное время продолжалась работа над его книгой. Вот перечень на четырех страницах той работы, которую проделала редакция над книгой Ауэзова, пришлось поднять огромный исторический материал и изучить его, прочесть классиков, найти в архивах массу исторических материалов о влиянии русских демократов и русской культуры на движение казахского народа. Это была огромная кропотливая работа, мы подготовили весь материал для Ауэзова и сцены потравы, когда приезжают русские переселенцы – мы достали целые кипы материалов из разных учреждений, из архивов, организовали представление о том, как они ехали, как их встречали...” – деп, романның “Қақтығыста” деген тарауында суреттелген деректердің төркінін ашып беріп отыр.

Жоғарыда аты аталған нақтылы шашпа пікірлердің бәрі де жазушы архивінде сақталған түпнұсқалар негізінде беріліп отыр.

М. Мырзахметұлы

“Как я работал над романом “Абай”

“Как я работал над романом “Абай” атты сөздің мәтіні кинохроника түсіру кезінде дайындалған. Бұл сөз “Қазақфильм” киностудиясы ұсынған “Мұхтар аға” деректі фильмін экранға шығару барысында пайдаланылған.

М. Мырзахметұлы

“Открытое письмо в редакцию “Литературной газеты”

1953 жылы “Қазақ ССР Ғылым академиясының Хабаршысы” журналының төртінші санында Сәбит Нұрышевтің “До конца искоренить буржуазно-националистические извращения в изучении творчества Абая” деген бас мақаласы жарияланған болатын.

Бас мақалада М. Әуезовтің Абайдың әдеби мұрасы жайында жазылған ғылыми зерттеулері біржақты қиястықпен терістелуі, әрине, сол тұстағы әдеби ортадағы ауажайылушылықтың кең өріс алуына орай туындаған құбылыс екендігі жұртшылыққа мәлім нәрсе. Осы мақаланың дауынан өзін қорғау үшін Мұхтар Әуезов “Литературная газетаға” ашық хат жазып, қоғамдық пікірдің ара түсуіне мұқтаж болған.

1953 жылы 18 мамырда “Литературная газетаға” жазылған ашық хаты көп ұзамай, 1953 жылы 2 шілдеде КСРО Жазушылар одағының секретариатында арнайы қаралады. Секретариат мәжілісінде М. Әуезов хаты бойынша тағайындалған комиссия мүшелері К. Симонов, Н. Тихонов, В. Кожевниковтердің ұсынысы тыңдалып, арнайы қаулы қабылданды. Осы қаулының мазмұны оқырмандарға түсінікті болуы үшін музейдің ғылыми қызметкері Е. Тәжібаев тауып әкелген, архив сөресінде сақталған мәжіліс стенограммасынан үзінді келтіреміз:

“Стенограмма заседания Секретариата Правления. г. Москва, 2 июня 1953 г.

Председатель — Симонов К.М. Слушали: 1. О заявлении т. Ауэзова.

Симонов К.М.: По поручению Секретариата, комиссия в составе Тихонова, Кожевникова и меня ознакомились со всем материалом по письму т. Ауэзова, разговаривала с Ауэзовым, привлекла к этому делу т. Джаймурзина и пришла к тому предложению, которое мы единодушно выносили на Секретариат (читает предложение).

Т. Ауэзов: Ваше решение самое взыскательно, мудрое и справедливое, и я его принимаю. Эта беспринципная группировка, так признано партийной организацией. Мы оба ответственные и достаточно сознательные люди. Надо, чтобы и Муканову эта была товарищески внушительно сказано.

Симонов К.М.: Мы можем вызвать т. Муканова и поговорить с ним.

П о с т а н о в и л и:

1. Поручить “Литературной газете” напечатать статью о неправильном выступлении С. Нурушева в “Вестнике Академии наук Казахской ССР”, № 4, за 1953 г., в которой автор вместо деловой критики писателя М. Ауэзова о творчестве Абая, предпринял попытку политической дискриминации М. Ауэзова как советского писателя.

2. Рекомендовать т. Ауэзову и Муканову выступить в республиканской печати с совместным письмом, до конца раскрыв в этом письме вредное значение для развития казахской литературы и для их собственного творчества сложившихся между ними нездоровых, непринципиальных отношений, ведущих к групповщине” (Архив СП СССР, ф. Секретариата, оп. 26, ед. хр. 22, л. 2).

Мұхтар Әуезовтің “Литературная газетіаға” жазған ашық хатының мәтіні томға КСРО Жазушылар одағының архивінде сақталған нұсқа негізінде (Архив СП СССР, ф. Секретариата, оп. 26, ед. хр. 21, л. 66–67), біршама қысқартулар арқылы жіберілді.

Мақала газеттегі нұсқа бойынша дайындалды.

М. Мырзахметұлы

Жолдастар!

М.О. Әуезовтің бұл сөзі өз мұрағатының 215-бумасындағы (1–4-бб.) машинкада басылған мәтін негізінде алынды. Жазушы оны Қазақстан еңбекшілерінің 1956 жылдың жазында қол жеткізген табыстарына арналған жиында сөйлеген. Бұл жүрекжарды лебізде еліміздің мәдениет, өнер, салт-сана майданындағы әртүрлі маман иелері, қалам қайраткерлері олардың қуаныштарына ортақтасып қана қоймай, қатар жүріп, күштеріне – күш, жігерлеріне жігер қоса алатындықтарын айтады. Осы ой-толғаныстарын автор соңынан өңдеген, жөндеген және қысқартқан. Сол қысқартылғандардың ішінде “Барлық 10 жылдар бойындағы сан сала тірлігіміздегі жеңістерімізді басқарып, өрістетіп, дегеніне жеткізіп келген сол халықтар достығы бүгін, міне, тағы келіп, тағы жеңіп отыр. Қазақстанда тағы жеңіп отырған сол шындық, сол ұлы ұран, сол ұлы жол.

Қазақстан республикасы бірталай жайларын, әсіресе Октябрьден бұрынғы шындық болмысын ойға, еске алғанда өзіндік өзгеше бір жайын қоса ескеруді қажет етеді. Дүниеге, бар дос дүние мен қас әлемге біз социализм жеңісін, коммунизмге қарай бара жатқан алтын арай болашақ өрісін әйгімелек болсақ, дәлелдемек болсақ, кейде біздің республиканы үлкен айғақ етіп алуға болады” деген жолдар ең көлемдісі, бұдан басқа бірсыпыра сөз, сөйлемдерді ықшамдаған, кейбіреулерін қайта жазған.

Т. Әкім

“Знамя мира — величайшее знамя нашей планеты”

Советтік бейбітшілікті қорғау комитеті — КСРО-дағы бейбітшілікті жақтаушылар қозғалысына басшылық ететін қоғамдық ұйым. 1949 жылдың тамыз айында құрылған. Комитеттің құрамында 300-ден астам қоғам қайраткері, ғалым, жазушы, жұмысшылар болған.

1952 жылы 2–4 желтоқсанда Мәскеуде Бейбітшілікті қорғаудың III Бүкілодақтық конференциясы өткен. Осы кезде М. Әуезов Бейбітшілікті қорғау кеңесінің құрамына сайланған болатын.

“М.О. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресі” атты кітаптың 516-бетінде: “14 марта. Письмо на бланке Советского комитета защиты мира № 50: Члену Советского комитета защиты мира тов. Ауэзову М.О.

Уважаемый Мухтар Омарханович! Направляем Вам стенограмму расширенного пленума Советского комитета защиты мира для возможного использования в Ваших выступлениях. С уважением Зав. ответственного секретаря Советского комитета защиты мира (М. Швецова)” (1955 жылдың 14 наурызында келген хабарлама) деген мәліметтер бар. Бұл деректі келтіріп отырған мақсатымыз — М. Әуезовтің аталмыш баяндамасы осы комитеттің пленумында сөйлеген сөзі болуы мүмкін.

Баяндамада М. Әуезов Советтік бейбітшілік қорғау комитеті өзінің соңғы отырысында атом соғысына қарсы қол жию туралы тарихи шешім қабылдағанын айтады. Вена қаласында өткен Дүниежүзілік бейбітшілік кеңесінің кеңейтілген мәжілісінде Европа, Азия, Америка, Африка және Австралия құрлығындағы 30 елдің өкілдері қатысып, атом қаруына қарсылықтарын білдірген. М. Әуезовтің айтуынша, “Барлық елде атом қаруы жойылсын” деген қарсылықпен әр мемлекетте қол жинаушылардың бірлестігі құрылған. Қазақстан халқы да атом қаруына қарсылықтарын қол жию арқылы

білдірген. Сондай-ақ жазушы үнді халқының осы қаруға деген қарсылықтарына, олардың екі ел арасындағы достық, бейбітшілікті қолдайтындарына ерекше тоқталып өткен. Өйткені 1955 жылдың қаңтар, ақпан айларында М. Әуезов Индияда болып, Джавахарлал Нерумен кездесіп, елдегі жағдайды өз көзімен көрген. Сол себепті де баяндамасында осы мәселеге арнайы тоқталып өткен сияқты.

Бұл баяндаманың М. Әуезов мұрағатында (218-бума, 32–37-бб.), машинкада басылған нұсқасы сақталған. Онда М. Әуезовтің өзінің жасаған түзетулері бар, соңынан “23 марта 1955 года. г.Алма-Ата” деп қолын қойған.

Елу томдық шығармалар жинағының осы томына қолжазба қорындағы машинкада басылған мәтіні ұсынылып отыр.

1. 114-б. **Притт Денис Ноуэлл** (22.09.1889–23.05.1972. Лондон) – ағылшынның қоғам қайраткері, публицист, заңгер (адвокат). 1951–1959 жылдары Ағылшын бейбітшілікті қорғау комитетінің президенті. Дүниежүзілік бейбітшілік Кеңесінің мүшесі. Ломоносов атындағы ММУ-дің құрметті докторы.

2. 114-б. **Джеймс Эндикотт** (1898–1993. Қытай) – теология ғылымының докторы, қытайтанушы, коммунист. Канада бейбітшілікті қорғау комитетінің төрағасы. “Халықтар арасындағы бейбітшілікті нығайту” атты халықаралық Сталиндік сыйлықтың лауреаты (1952 ж.).

3. 114-б. **Эмилио Серени** (13.08.1907. Рим) – қоғам қайраткері, ғалым-марксшіл. Италия компартиясының мүшесі. 1950 жылы Дүниежүзілік бейбітшілік Кеңесінің мүшесі болып сайланды. 1955–1975 жылдары Италияның ұлттық шаруалар одағының төрағасы. Негізгі еңбектері Италияның аграрлық саласын зерттеуге бағытталған.

4. 114-б. **Астье де ля Вижери Эмманюэл** (06.01.1900–1969. Франция) – француз қоғам қайраткері, журналист. 1950 жылдан Дүниежүзілік бейбітшілік кеңесінің мүшесі. “Либерасьон” газетінің директоры. 1955 жылдан ББК төрағасының орынбасары. 1957 жылы “Халықтар арасындағы бейбітшілікті нығайту” атты халықаралық Лениндік сыйлықтың лауреаты болды.

5. 114-б. **Ясуи Каору** (25.04.1907. Осака) – жапонның қоғам қайраткері, заңгер. 1955–1965 жылдары Жапондағы атом және сутегі бомбасына қарсы кеңестің мүшесі.

6. 114-б. **Го Мо-Жо** (лақап аты – Го Динтан. 16.11.1892 ж.т.) – қытай тарихшысы, жазушы. Қытай Компартиясының

мүшесі. 1923 жылы Жапонияның Кюсю университетінің медицина факультетін бітірген. 1927 жылы тамызда Наньчан көтерілісіне қатысқан. 1949 жылы Қытай ҒА-ның президенті. Оның “Бүгін және ертең” (1949), “Қайнау” (1950), “Тасқындаған толқын туралы жыр” (1959) атты сыни, публицистикалық және мемуарлық шығармалары бар. Л. Толстой мен В. Маяковскийдің шығармаларын қытай тіліне аударған.

А. Болсынбаева

Выступление М.О. Ауэзова на совещании по драматургии, посвященном обсуждению произведений молодых казахских драматургов в Союзе писателей СССР

М. Әуезовтің бұл сөзі бұрын еш жерде жарияланбаған күйі КСРО Жазушылар одағы архивінің “Кеңес халықтары әдебиеті жөніндегі комиссия” қорында сақталып келді. Қазір бұл архив Ресейдің Мәскеудегі Әдебиет пен өнер жөніндегі мұражайына (РГАЛИ) беріліп, сонда сақталуда.

1949 жылы 16 мамырда Мәскеуде КСРО Жазушылар одағының жиыны өтіп, онда М. Әуезов аталған тақырыпта сөз сөйледі. Ол кезде КСРО Жазушылар одағының жанр жөніндегі түрлі секцияларында көп ұлтты кеңес әдебиеті жас жазушыларының шығармаларын талқылау тәжірибесі қолданылатын. Осыған байланысты КСРО Жазушылар одағында түрлі жанрлық комиссиялар қызмет істеді. М. Әуезовтің сөзі драматургия жөніндегі комиссияның жас қазақ драматургтерінің шығармаларын талқылауына арналды.

Қазақ драматургиясын сөз ете келе, М. Әуезов қазақ драма театрында қойылып келе жатқан орыс және шетел жазушыларының шығармаларын да атап өтті. Соның ішінде А. Островскийдің “Таланттар мен табынушылар” (реж. Ш. Айманов, 1949), У. Шекспирдің “Отелло” (реж. А. Исмаилов, М. Соколовский, 1939), К. Гольдонидің “Екі мырзаға бір малай” (реж. П. Лесли, 1938), Ж.Б. Мольердің “Скапеннің айласы” (реж. Р. Холодная, 1938) сияқты еңбектері театрда қойылғандығы айтылды.

1. 121-б. **Дроздов Александр Николаевич** (1895–1963) – орыс жазушысы. Кеңес Одағындағы түрлі ұлттар әдебиетінің көптеген шығармаларын орыс тіліне тәржімелеген.

2. 121-б. **Любимова Валентина Александровна** (1895 ж.т.) – орыс драматургі. Любимова драматургиясы бала өмірі, отбасындағы қарым-қатынас, тәрбие мәселесінің өткір пробле-

маларын қозғайды. Пьесалары: “Сережа Стрельцов” (1936), “Мамыр айында” (1946), “Қатерлі кезең” (1954), “Қар ұшқыны” (1948 жылы КСРО Мемлекеттік сыйлығы берілген), тағы басқалар.

3. 121-б. **Файко Алексей Михайлович** (1893 ж.т.) – орыс драматургі. “Алаулар капитаны” (1946), “Басқаша болмайды” (1948), “Бес дос” (1949) сияқты пьесалары бар. Одақтық республикалар жазушыларын орыс тіліне аударған.

4. 122-б. **Глебов Анатолий Глебович** (1899–1964) – орыс жазушысы, драматург. “Билік” (1927), “Өсу” (1927), “Шын ниетпен” (1940) сияқты пьесалары қойылған.

Д. Қонаев

“Речь Ауэзова Мухтара на пленуме Союза советских писателей СССР”

Мәтіннің машинкада терілген нұсқасы “Әуезов үйі” ҒМО-ның мұрағатындағы 214-бумада сақтаулы. Қағаздар сарғайған. Беттердің оң жақ жоғарғы бұрышында машинкамен және қарындаш арқылы қолмен сан көрсеткіші берілген. Нұсқа 14 бет болса, кейінгі көрсетілім – 13 бет. Машинкадағы 8-бет жоғалған, дұрысы – белгі қоюда техникалық қатеге жол берілген. Өйткені мағыналық ауытқу байқалмайды.

Күлгін сиямен, әсіресе ашық көк сиямен кейбір сөздер, жолдар сызылған, жаңадан қосылған. Қиғаш таяқшалар түрінде қысқарту жүргізілген. Бір тұста көлденең сызу да бар (шамалы мөлшерде).

Алғашқы екі беттегі көлемді орын ауыстырулар тұтас абзацтарды қамтиды. Орны ауыстырылатын бөлшектер сол жағынан сызықпен қоршалып, бір, екі реттік саны римдік үлгіде беріледі.

Түпнұсқаның 7-бетінде “И это требование в дальнейшем должно быть поставлено...” деп келетін сөйлем алдында беттің сол жақ қырынан жазылған “только так, а никак не иначе...” деп басталатын ұзақ қосымша бар. Оның бесінші жолында ақшыл көк сияның үстінен күлгін сиямен жазылған түзетулер ұшырасады. Түпнұсқа басылымының соңғы бетінде “Только при таком осознании широты наших проблем...” деп келетін жолдарға дейін бет соңына жазылған “Тов. Симонов, как один из руководителей Союза поступил...” деп басталатын қосымша орын алады. Мұнда да күлгін сиямен түзетілген бір-екі тұс кездеседі. Жазушының аты-жөні автор ретінде көрсетілмеген. Авторлыққа куәгер – М. Әуезов қолтаңбасын қамтитын қоспа, өңдеу ыңғайындағы көлемді мәтін үзیکтері, жазушы стилі мен ойлау интонациясы.

Қаламгер тағы да 1950 жылдар шамасында бұрынғы Одақтық мінберден өзге де ұлт әдебиеттерінің жетістік,

мұқтаждарын сөз етіп, кеңінен толғанады. Қазақ әдебиетінің әр жанрдағы табыстарын екшеп-елейді. Ұлт әдебиеттеріне орыс тіліндегі басылымдарда тиісті көңіл бөлінбей отырғанына мазаланатынын білдіреді.

Б. Майтанов

“Выступление т. Ауэзова М.О.”

“Әуезов үйі” ҒМО қолжазба қорында сақталған М. Әуезовтің сөзі. 252-бумада үш данасы бар. Біріншісі (21–31-бб.) сарғыш қағазға машинкада басылған. Екіншісі – біріншісінің дәл көшірмесі. Мұнда автордың өз қолымен күлгін сиямен жасалған түзетулер бар. Бірнеше сөйлем сызылған, автордың қолымен жаңа сөйлемдер, бірер абзац қосылған. Үшінші данасы – біріншінің алғашқы бес беті.

М. Әуезовтің сөзі “Правда” газетінде шыққан мақала мен содан кейінгі Қазақстан К(б)П ОК-нің Е. Бекмаханов кітабындағы буржуазиялық-ұлттық мазмұндағы қателері туралы қаулысына тоқталудан басталады. Сөзінің бұл бөлімінде “Правда” мақаласы мен аталған қаулыдағы сынға қосылатынын айтады.

Автор әрі қарай “Начну со своих ошибок” деп өз қателерін айтып, түсініктемелер беріп, бұл мәселелерге мұқият талдау жасаған. Қазіргі заман тұрғысынан келгенде өте дұрыс ойларынан бас тартады. Қателіктеріне: “Хан Кене” драмасын, 1934 жылғы “Очерки по истории казахской литературы XIX–XX веков” кітабын, 1948 жылғы “Қазақ әдебиетінің тарихын”, өзі қорғатуға қатысқан қазақ, қырғыз зерттеушілерінің диссертацияларын, әсіресе Қайым Мұхаметхановтың Абайдың ақындық мектебіне қатысты диссертациясын жатқызады. М. Әуезовті мұндай жағдайға әкелген себептер сол кездегі, елуінші жылдардың басындағы қайта өрши бастаған солақай идеологиялық қысымнан туған. “Статья “Правды” деп отырғаны – Павел Кузнецовтың 1953 жылы “Правда” газетінің 30 қаңтардағы санында шыққан, іле-шала қазақстандық мерзімді басылым беттерінде қайта басылған “Величание вместо критики” атты мақаласы. Бұл мақалада З. Кедринаның “Мухтар Ауэзов”, Т. Нұртазиннің “С. Мұқановтың шығармашылығы туралы” атты монографиялары солақай идеологиялық сынға алынған болатын. Осы кезде араға аз уақыт салып С. Нұрышевтің “До конца искоренить буржуазно-националистические извращения в изучении творчества Абая” атты

мақаласы (Вестник АН КазССР, № 4. 3–13-бб.) шықты. Осы тектес мақалалар қырқыншы жылдардың аяғынан бастап жариялана бастаған. “Правдадағы” мақаладан кейін М. Әуезов “Литературная газетаның” редакциясына ашық хат жолдайды. Хатта мақаладағы сындарды мойнына ала отырып, одан басқа да шығармаларында кездескен қателерін мойындайтынын айтады. Хат 16 мамырда жазылған. 26 мамырда өткен КСРО Жазушылар одағы секретариатының отырысында М. Әуезов мәселесі қаралған. Осы секретариаттың 2 маусымда К.М. Симонның басқаруымен өткен отырысында төмендегідей қарар қабылданады:

1. Поручить “Литературной газете” напечатать статью о неправильном выступлении С. Нурушева в “Вестнике Академии наук Казахской ССР”, № 4, за 1953 г., в которой автор вместо деловой критики писателя М. Ауэзова о творчестве Абая предпринял попытку политической дискриминации М. Ауэзова как советского писателя.

2. Рекомендовать т. Ауэзову и Муканову выступить в республиканской печати с совместным письмом, до конца раскрыв в этом письме вредное значение для развития казахской литературы и для их собственного творчества сложившихся между ними нездоровых, непринципиальных отношений, ведущих к групповщине (архив СП СССР, ф. Секретариата СП СССР, оп. 26, ед. хр. 22, л. 1–2). Қазақстанда екпін алып кеткен идеологиялық науқан осымен тоқтамай, Бекмаханов, Әуезов, Мұхаметханов, т.б. қудалау күшейте түседі. Алды соттала бастайды. М. Әуезовті Қазақ КСР ҒА Тіл, әдебиет институтынан, Қазақ мемлекеттік университетінен жұмыстан шығарады. Ұсталу хабарын естіген М. Әуезов Москваға кетеді.

Осы жағдайда Алматыда Қазақстан Жазушылар одағында, Қазақ КСР Ғылым академиясында жиналыстар өтіп жатты. Томға беріліп отырған М. Әуезовтің бұл сөзі осы жиналыстардың біріне дайындалған.

“Әуезов үйі” ФМО қолжазба қорында сақталған 252-бумадағы мәтіндердің ешқайсында дата көрсетілмеген, қай жиналыс екені айтылмаған. “М.О. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресіндегі” деректерге қарағанда, М. Әуезовтің бұл сөзі 1953 жылдың алғашқы жартысында айтылған болуы керек.

М. Әуезовтің академиялық толық басылымының бұл томына 252-бумадағы мәтіндердің автордың өз қолымен редакцияланған екінші данасы (32–42-бб.) берілді.

Р. Әбдіғұлов

“Выступление Мухтара Ауэзова (на XIV пленуме Союза советских писателей СССР)”

Бұл сөз “Әуезов үйі” FMO-ның мұражайындағы 241-бумада, 22–36-беттерде (қарындашпен оң жақ тұсынан белгіленген) сақталған. Мәтін машинкада терілген. 14-беттегі бірер жолмен бітеді. Соңында жақшаның ішінде “Мухтар Ауэзов” деген және келесі жолдың басында “Москва, 1953 г. октябрь” деген жазулар бар. Қағаздар шамалы сарғайған.

Мәтін қолмен жазылмаған, бірде-бір түзетулер жасалмаған. Соған қарағанда М. Әуезов жөнделген өзге нұсқаны пайдаланған.

Дәл осы данада түзетулердің түспеуі салдарынан кездескен қайсыбір түсініксіз сөз орамдарын жақша ішінде бердік.

М. Әуезов өз баяндамасында сол дәуірдегі кеңестік драматургияның жәй-жапсарын кеңінен қамтып сөйлейді. Мәскеуден бүкіл Одақ жазушыларының шығармаларын аударып, сахнада қоятын бір театрдың болуын ұсыныс ретінде айтады. Ол қазірде бар театрдың негізінде құрылса жөн, дейді.

Қаламгер жаңа уақытқа сай драма теориясын қалыптастыру қажеттілігін негізгі талап етіп қояды. Ермилов пен Храпченко тәрізді бірді-екілі ғалым, сыншылардан басқаларына неге көңіл толмайтынын дәлелдеп сөйлейді. Басты тұжырымдамасы әр заман, әр жазушы, әр шығарманың өзіне ғана тән ерекшелігін ашып көрсету төңірегінен табылады. Көркемдік үдерістегі тың шешімдерді дәл аңғарады. “Поэтика”, “архитектоника” тәрізді терминдерді еркін қолданып, драма тарихы мен теориясын жүйелі түрде, мол біліммен кәдеге жаратып толғану дәстүрі анық танылады.

Кітапқа осы аталған мәтін ұсынылып отыр.

Б. Майтанов

“К тезисам выступления на пленуме Союза писателей”

Бұл — Мұхтар Әуезовтің Совет Одағы жазушыларының пленумында сөйлейтін сөзінің тезис түріндегі қағазға түскен нұсқасы (241-бума, 100–121-бб.). Қаламгер мұнда драматургияның хал-жайына тоқтала келе, советтік гуманизм, советтік мораль биік деңгейде болуы талап етілгенімен, көп жағдайда ол талап ақсап, жаттандылық басым түсіп жататынын, дамуға бастайтын жолға түсу қажеттілігін айтады. Оның ойынша, одақтас республикалардың жазушылары мен драматургтерінде техникасы әлсіз, шикі, өз биігіне көтерілмеген дүниелер жиі кездеседі. Характер мәселесі де өзекті проблемалардың бірі, характерсіз шығарма — жансыз шығарма, бұл драматургияға ғана емес, проза, поэзияға да қатысты. Драмадағы тартыс проза, поэзияда да болуы керек, бұлар сауатты құрылымды талап етеді. Қаламгер бұл сөзін алдымен қолмен жазған, оның жалғасын машинкада бастырып, тағы да үлкен өңдеу-жөндеулерден өткізген, тұтас абзацтарды сызып, оны жаңа ой, жаңа қосымшалармен толықтырған. Бөлек қосқан қосымшаларын кейбірін беттердің бос жиектеріне түсірген. Олар төмендегідей болып келеді: “Заострить” (114-б.), “разбить на несколько фраз”, “дополнить с положительной стороны”, “фразы короткие”, “а пьесы более одного раза — о разнообразном” (115-б.); “формулировать иначе”, “дополнить вопросами яснее”, “яснее, полнее о статьях” (116-б.); “Сущности? Формы”, “Не нужно. Смешно” (117-б.); “Не композиция, а архитектоника” (118-б.). Осы ойларының тұсына қызыл қарындашпен белгілерін қойып, жоғарыдағыдай сөздерді жазған. Бұлардан жазушының жан-жақты жоба-жоспары, алда нелер туралы ой қозғап, пікір өрбітпегі айқын білінеді.

Т. Әкім

Выступление М.О. Ауэзова на предсъездовском собрании переводчиков литератур народов СССР в Союзе писателей СССР

М. Әуезовтің бұл жиында сөйлеген сөзі бұрын еш жерде жарияланбаған, оның машинкаға басылған көшірмесі КСРО Жазушылар одағы архивінің “КСРО халықтары әдебиеті жөніндегі комиссия” қорынан алынды.

М. Әуезовтің сөзі 1954 жылы 1 қазанда, кеңес жазушыларының желтоқсан айында өткелі отырған 2-съезінің алдындағы аудармашылар жиынында сөйленді. Съезде М. Әуезов М. Рылский және П. Антокольскиймен бірге “КСРО халықтары әдебиетінің көркем аудармалары” атты ортақ тақырыпқа бірлескен баяндама жасауға тиіс болды. М. Әуезов баяндаманың өзіне тиісті бөлімінде КСРО халықтары әдебиетіндегі көркем прозаның аудармалары туралы сөз етті. Жоғарыда аталғандай, съезд алдында КСРО Жазушылар одағында көп ұлтты кеңес әдебиетінің алдыңғы қатарлы аудармашылары қатысқан талқылау өтіп, онда осы тақырып бойынша М. Әуезов өз ойларын ортаға салды.

1. 169-б. **Лозинский Михаил Леонидович** (1886–1955) – орыс жазушысы, аудармашы. Лозинский испан, ағылшын, неміс, итальян әдебиетінің көркем сөз шеберлерін әр автордың өзіндік қолтаңбасы мен ұлттық ерекшеліктерін сақтай отырып аударған. М. Лозинскийдің ең таңдаулы аудармалары ішінде Р. Роллан, А. Данте, Шекспир, Сервантес, Мольер, Фирдоуси, Лопе де Вега, Киплинг сияқты белгілі ақын-жазушылардың еңбектері бар.

2. 170-б. **Осмонов Алыкул** (1915–1950) – қырғыз ақыны. Қырғыз тіліне А. Пушкиннің “Евгений Онегинін”, У. Шекспир, М. Лермонтов, И. Крылов шығармаларын аударған.

3. 171-б. **Федоров Андрей Венедиктович** (1905 ж.т.) – орыс әдебиеттанушысы, аудармашы. Аударма теориясын жасаушылардың бірі. Ш. Перро, Мольер, Д. Дидро, Г. Флобер,

А. Франс, М. Пруст, И.В. Гете, Г. Гейне, А. Мюссе сияқты белгілі қаламгерлердің туындыларын аударған.

4. 174-б. **Гогоберидзе Елена Давыдовна** (1897 ж.т.) – аудармашы, әдебиеттанушы. Грузин әдебиетінің классиктерін орыс тіліне аударған. Соның ішінде И. Чавчавадзе, А. Церетели, А. Казбеги, С. Орбелиани сияқты қаламгерлердің шығармалары бар.

Д. Қонаев

“Товарищи! (Позвольте мне...)”

М. Әуезовтің ленинградтық жазушылар ұйымының алдында сөйлеген сөзі 1954 жылдың соңына қарай өткен кездесулердің біріне арналып жазылған. Мұнда елдегі ірі мәдени орталықтардың бірі болып табылатын Ленинград қаласының Қазақстанмен арадағы әдеби-рухани қатынастары, әдебиеттегі аударма мәселелері сөз болады. КСРО Жазушылар одағының Ленинградтық бөлімшесі мен оның құрамындағы ақын-жазушылардың одақтас республикалардың әдебиетіндегі алдыңғы қатарлы шығармаларды орыс әдебиетіне таныстыруы, кейбір қаламгерлердің өзара шығармашылық қатынастары да жан-жақты қамтылған. Бірқатар аудармашылар мен қазақ әдебиетін жұртшылыққа жеткізудегі оң өзгерістерге үлес қосқан қаламгерлердің аты-жөндері аталып өтеді.

1. 183-б. **Мейлах Борис Соломонович** (9.07.1909 ж.т. Витебск облысы, Липецк қаласы) – кеңес әдебиетін зерттеуші. Москва мемлекеттік университетін 1931 жылы бітірген. 1947–1966 жылдары Ленинград университетінің профессоры, 1948 жылы әдебиет зерттеу еңбектері үшін КСРО Мемлекеттік сыйлығын иеленген. 1937 жылдан “Пушкин және орыс романтизмі” монографиясын, кеңес әдебиетінің тарихы жөніндегі ғылыми-зерттеу еңбектерін жазды.

М. Әуезовтің баяндама есепті бұл сөзінің қолжазбасы сақталмаған. Машинкаға сақталған данасы 241-буманың 37–42-беттерінде тігілген. Сөздің мәтіні мақала ретінде бұрын еш жерде жарияланбаған. М. Әуезовің елу томдық толық жинағына алғаш рет ұсынылып отыр.

К. Рахымжанов

“Товарищи депутаты!”

Бұл – М. Әуезовтің 1957 жылдың 12 қаңтарында Қазақстанға Ленин орденін тапсыру салтанатында депутаттар алдында сөйлеген сөзі.

1956 жылы 10 қазанда Қазақстанның колхоздары мен совхоздары мемлекетке мерзімінен бұрын 1 млрд 340 мың пұт астық тапсырған. 1956 жылы 20 қазанда КСРО Жоғарғы Кеңесі Президиумының тың және тыңайған жерлерді игерудегі жетістіктері үшін Қазақ КСР-ын Ленин орденімен марапаттау туралы Жарлығы шыққан. Осы 1957 жылғы 12 қаңтардағы салтанатты жиынға сол кездегі КСРО Жоғарғы Кеңесі Президиумының төрағасы К.Е. Ворошилов қатысқан болатын.

Баяндамада М. Әуезов 1956 жылдың жазында Қазақстанның егіс далаларында еңбек еткен мыңдаған жұмысшылардың қажырлы еңбектерін атай отырып, Ленин орденін иелену “жеңістің тойы”, “достық жеңісінің тойы” деген.

Бұл баяндаманың “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығы мұрағатында машинкада басылған бір данасы мен қолжазба нұсқасы (214-бума, 62–69-бб.) сақталған. Қолжазбасы сарғыш қағазда көк сиямен жазылған, ең басына қызыл бояулы қарындашпен “3 экз. это выступлен. печать через 1/2 интер.” деген жазулар бар. Қолжазбадағы басқы абзацтың алты жолын қоршап, сызып тастаған. Сөз қосып, түзетулер жасаған. Соңынан “Мухтар Ауэзов. 1957, 12 января, Алма-Ата” деген. Ал машинкадағы басылымға ешқандай түзету жасамаған.

Баяндаманың машинкада басылған тағы бір қазақша нұсқасы бар (444-бума, 19–21-бб.). Онда жазушының өзі жасаған ішінара түзетулері мен қосқандары ұшырасады, соңынан қолын қойған. Мәтіндерге өзара салыстыру жасалды, ешқандай өзгешелік байқалмады.

Елу томдық шығармалар жинағының осы томына мәтіннің орысша, қазақша нұсқалары қатар ұсынылып отыр.

А. Болсынбаева

Выступление М.О. Ауэзова на обсуждении прозаических произведений казахских писателей на 3-й день Декады казахской литературы и искусства в Москве

Бұл материал бұрын еш жерде жарияланбаған, КСРО Жазушылар одағы мұрағатының “КСРО халықтары әдебиеті жөніндегі комиссия” қорынан алынды.

Қазақ әдебиеті мен өнерінің Мәскеуде өткен декадасы кезінде қазақ жазушыларының шығармалары орыстың белгілі жазушылары мен сыншылары бас қосқан жиында (15–17 желтоқсан) үлкен талқылаудан өтті. Жиынға қатысушылар тарапынан бағалы пікірлер айтылып, алдыңғы қатарлы прозалық шығармалардың жетістіктері мен кемшіліктері атап көрсетілді. Талқылау КСРО Жазушылар одағы мен Орталық әдебиетшілер үйінде болды. Жиынның үшінші күні, 17 желтоқсанда М. Әуезов талқылауда айтылған ойларды қорытындылай келіп, кеңес әдебиеті, соның ішінде қазақ әдебиетінің дамуы жайында сөз сөйледі.

М. Әуезов көп ұлтты кеңес әдебиетінің проблемалары, көркем әдебиетте ұлттық характер жасау, ұлттық дәстүрдің басқа халықтарға жасаған ықпалы сияқты мәселелерде көпке ортақ қызықты ойлар білдірді.

Д. Қонаев

“Выступление казахского писателя Ауэзова Мухтара”

Бұл М. Әуезовтің бейбітшілікті жақтаушылардың бас қосқан жиынында сөйлеген сөзі сынды. Жазушы мұрағатында сөздің машинкада басылған бір нұсқасы (218-бума, 73–77-бб.) сақталған. Бұнда күлгін көк сиямен жазушының өзінің енгізген түзетулері және ашық қара сиямен бөгде біреудің жасаған түзетулері бар.

1949 жылы 16 тамызда Симоновтың жіберген жеделхатында: “Писателю Ауэзову. Вы выделены Союзом советских писателей делегатом на Всесоюзную конференцию сторонников мира, открывающуюся двадцать пятого августа. Просьба прибыть в Москву двадцать четвертого...” делінген. Сонымен қатар қосымша мынадай дерек келтірілген: “20 августа. Удостоверение. Дано писателю, лауреату Сталинской премии Ауэзову Мухтару Омархановичу в том, что он является делегатом от Союза советских писателей на Всесоюзную конференцию сторонников мира, открывающуюся в Москве 25 августа 1949 г.

Настоящее удостоверение подлежит обмену в Мандатной Комиссии Конференции на Делегатский билет.

Зам. Генерального секретаря Союза советских писателей СССР (К. Симонов)” (М. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресі. 387–388-бб). Осы берілген мәліметтерге қарағанда, М. Әуезовтің бұл сөзі осы конференцияда жасаған баяндамасы болуы мүмкін. Өйткені баяндама мазмұны да осы бейбітшілікті қолдау тақырыбына құрылған. Жалпы мәтіннің соңында жылы, қай жерде сөйлегені туралы мәлімет берілмеген.

Елу томдық шығармалар жинағының осы томына машинкада басылған қолжазба нұсқасы ұсынылып отыр.

А. Болсынбаева

“Товарищи! (В день двадцатилетия...)”

М. Әуезовтің “Литературная газетаның” 20 жылдығына орай жазылған сөзі. Жазушының қай жылы, қай жерде сөйлегені туралы мәтіннің соңында мәлімет берілмеген.

Газеттің 20 жылдығы негізінен 1949 жылы аталып өткен. “М. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресі” атты кітапта (382-б.) 1949 жылы 25 сәуірде М. Әуезовке келіп түскен жеделхаттың мәтіні берілген: “Ауэзову Мухтару. “Литгазета” просит Вас принять участие в номере, посвященном ее двадцатилетию. И не позднее шестого мая прислать критические замечания работе, пожелания на будущее”. Осы мәліметке қарағанда, бұл сөз газеттің сұранысы бойынша жазылған сынды.

М. Әуезов мұрағатында бұл сөздің машинкада басылған бір данасы сақталған (214-бума, 136–139-бб.) Онда күлгін көк сиямен жазушының енгізген түзетулері бар. Соңынан “Ауэзов Мухтар” деп өз қолымен жазған.

Елу томдық шығармалар жинағының осы томына машинкада басылған қолжазба нұсқасы ұсынылып отыр.

А. Болсынбаева

“Товарищи! (Новым могучим...)”

М. Әуезов мұражайы қолжазба қорының 218-бумасында (78–82-бб.) сақтаулы тұрған бұл автографтың машинкада басылған нұсқасы да бар, оған бірді-екілі түзетулер енгізілген. Бұл сөзінде жазушы Корея, Жапония, Вьетнам және Малазия елдерінің соғысты жағдайдағы хал-күйлерін сөз етеді, осыған қатысты өтетін конгресте дүниежүзі халықтарының қатарында Қазақстан да үн қатпай, өз ойын айтпай қала алмайтынын білдіреді. Осындай ойларын түсірген қағаздардың соңғы парағының екінші бетіне:

1. “Ни рыба, ни мясо”.
2. “Последних 10 лет, 13-14 лет”.
3. “Будем критиковать...”
4. “Автор “Миллионер”, выше “Шыганак”, –

деген сияқты бұл сөзіне, ойына мүлде қатысы жоқ жазбаларын жазыпты.

Т. Әкім

“Товарищи! (В дни великого...)”

Бұл М. Әуезовтің Украина мен Ресейдің қосылғанына 300 жыл (1654–1954) толуына байланысты сөйлеген сөзі. 1954 жылы КСРО бұл оқиғаны кеңінен атап өткен болатын. Сол кезде тарихи және саяси маңыздылығы зор шешімнің бірі Қырымның Украинаға берілуі болды.

Бұл мерекелік шара Мәскеуден бастау алып, Украинада жалғасты. М. Әуезовке осы мерекелік шараларға қатысу үшін арнайы шақырту жіберілген. Соның бірі – Ресей мен Украинаның қосылуына байланысты өткен КСРО Жазушылар одағы XV пленумының отырысына шақыру билеті. Мәжіліс 1954 жылы 3 наурызда Чайковский атындағы концерт залында өткен. М. Әуезовтің бұл құттықтауы осы пленумда сөйлеген сөзі болуы мүмкін.

Екінші, 1954 жылы КСРО Мәдениет министрлігі жазушыны Украина мен Ресейдің қосылуының 300 жылдығына байланысты орыс әдебиеті мен өнерінің онкүндігі қатысушыларының қабылдауына шақырған. Бұл қабылдау 1954 жылы 17 мамырда болған (бұл шақыру билеттері М. Әуезов мұрағатында сақтаулы).

М. Әуезов мұрағатында бұл сөздің машинкада басылған бір нұсқасы сақталған (214-бума, 140–143-бб.). Онда жазушының өзінің жасаған түзетулері, кей жерінде күлгін көк сиямен сызып, қосқан сөздері кездеседі. Соңынан көк сиямен қолын қойған. Баяндаманың екінші бетінің соңында бөгде біреудің қарындашпен қысқартып жазған сөздері бар. Бұл сөздердің мәтінге қатысы жоқ.

Елу томдық шығармалар жинағының осы томына машинкада басылған қолжазба нұсқасы ұсынылып отыр.

А. Болсынбаева

“Речь Ауэзова М.О. на пленуме Союза советских писателей СССР”

М.О. Әуезовтің КСРО Жазушылар одағының пленумында сөйлеген сөзінің қолжазбасы (218-бума, 43–51-бб.). Автограф жай қарындашпен және сиямен жазылған. Қарындашпен жазылғандарына көк түсті сиямен өзгертулер, түзетулер енгізген, ал олардың көп тұстары оқуға қиындық туғыза бастаған. Мысалға 46-беттің бұрынғы мәтіндерінің үстін бастырып көлденеңнен жаңа ойларын, сөздерін жазған, сол себепті бұрынғысын да, кейінгісін де анықтап оқу мүмкін болмады. Осылардың ішінен анықтай алғанымыз – “Если мы законно говорим, что мы наследуем лучшие традиции русской классической литературы и наследуя развиваем их в соцреализме, то к этому комплексу вопросов на национальной почве добавляется и вопрос творческого одоления своего книжного и фольклорного прошлого” ғана болды. Автор алғашқы ойларын пункт-пункттерге (төрт) бөліп айта бастайды да, кейінгі жалғасын олайша жалғастырмайды. Мұнда да одақтас республикалар халықтарының әдебиетін сөз етеді. Солардың ішінде С. Мұқанов, Ф. Мүсірепов, Ф. Орманов, Ж. Саин, Қ. Аманжолов, Қ. Бекхожин шығармашылығына тоқтайды. М. Горький, В. Маяковский, М. Шолохов әсерлерін сөз етеді. 51-парақтың екінші бетіне: “Поэзия латышской лит-ры. Есть тоже недостатки” дегендерді жазыпты.

Т. Әкім

“Выступление проф. М.О. Ауэзова”

М.О. Әуезовтің бұл сөзінің қолжазбасы (214-бума, 12–16-бб.) бар. Қолжаздада сызған, түзеген, орнын ауыстырған абзацтар, машинкада басылғанының ара-арасында кейіннен қосқан жекелеген сөз-сөйлемдер кездеседі. Қолжаздадағы “страны” сөзін “общество”, “этот” – “подобный”, “строительство” – “культура” деп өзгерткен. “Нашим”, “всего” (129-б.) деген жаңадан сөздер қосқан, “никто” дегенді сызып, “Вряд ли кто” деп өзгерткен. “Вот на вопросе в этой связи я хотел на минуту остановить ваше внимание. Дело в том, что” (129-б.); “Да наша наука истинно связана с жизнью, с народом! И нет сомнения еще в том, что из стен нашего же Университета, факультета вольются новые начинания в состав советских писателей, критиков и ученых-исследователей литературы. А ныне еще я добавлю, что с организацией кафедры литературы народов СССР наш факультет будет давать пополнения и в ряды литераторов, ученых-исследователей в лице своих питомцев – знатоков, высококвалифицированных специалистов по многим братским литературам нашего Союза” (131-б.) дегендерді қағаздың бос жиектеріне жазған. Бұл сөзді Октябрь революциясының отыз жеті жылдығына орай Москва университетінің ғылыми-педагогтық ұжымын құттықтағанда сөйлеген.

Т. Әкім

“Ленин и дружба народов”

Бұл – М. Әуезовтің В.И. Лениннің қайтыс болғанына 25 жыл толуына орай жазған мақаласы. М. Әуезов шығармашылығына қатысты библиографиялық еңбектерде бұған байланысты дерек жоқ. Жазушының басқа да көп томдық шығармалар жинағына енбеген (мақаланың нақты қай жылы жазылғаны көрсетілмеген). “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының мұрағатында машинкада басылған үш данасы сақтаулы (253-бума, 116–133-бб. – 2 данасы; 217-бума, 7–13-бб. – 1 данасы). 253-бумадағы мақала мәтіндерінде көк, күлгін сиямен және сиялы қарындашпен бөгде біреудің жасаған түзетулері кездеседі. Тақырыптың алдында “Мухтар Ауэзов” деп басылған. Ал 217-бумадағы бір данасына М. Әуезовтің өзі түзетулер жасаған. Бұл нұсқасы толық аяқталған, тиянақты мәтін болғандықтан елу томдықтың осы томына беріліп отыр. Үш нұсқасына өзара текстологиялық салыстыру жасалып, өзгешеліктері сараланды. 253-бумадағы екі нұсқасы бірдей де, 217-бумадағы мәтінде айырмашылықтар бар. Мәселен, екі абзацты біріктіріп жіберген, кей тұстарында ойын жаңартып қосып отырған. Беріліп отырған мәтінде М. Горькийдің, Сталиннің Ленин туралы айтқандарын қысқартқан. Бұл нұсқасында тақырыптан кейін эпиграф ретінде берілген:

“Не умер ты: Не в гробу лежишь.
Ты каждый день живешь? Говоришь
С родным своим народом!”

сонымен қатар “Какое сердце не забьется в их унисон с чувствами, выраженными певцом казахских степей у гроба Ленина:

“Пришел я к тебе из далеких степей,
Пришел я к тебе в голубой мавзолее.”

Бессмертный, родной, любимый,
Не умер ты. Ты лежишь в гробу.
С живым с тобой говорит Джамбул,
И в сердце несет твоё имя!” —

деген Жамбылдың өлең жолдары қысқартылған.

Мәтіндегі сөз, сөйлемдерді өзгертіп, қысқартқанмен,
мақаланың негізгі ойы, идеясы сақталған.

А. Болсынбаева

“История казахской литературы (записки по проблеме)”

Бұл жазбаны (записка) М. Әуезовтің жетекшілігімен Қазақ КСР ҒА Тіл және әдебиет институтының ғылыми қызметкерлері дайындаған. Жазба авторлары – М. Әуезов, Е. Ысмайылов, Е.В. Лизуновалар. 1959 жылы жазылған жұмыс Сталиннің жеке басына табыну кезеңін сынға алған тарихи XX, XXI съездерден кейін жарық көргендіктен, өмірге, ғылымға, әдебиетке жаңаша баға беруге бет алған алғашқы бағдарламалық жұмыстардың қатарына қосылады.

Қазақ әдебиетінің жаңа тарихын дайындаудағы негізгі мәселе әртүрлі шашыраңқы фактілерді қайта қарау емес, жаңаша зерттеу концепциясын жасау болатын. Осы себепті бұл жазбадан ұлттық рухани мәдениет контексінде алынған ұлттық әдебиетке деген тарихи бүтін көзқарас байқалады. Қазақ әдебиеті тарихы мәселелерін талдауда тарихилық принципті, әдеби құбылысты жан-жақты қарастыру, әдеби дамуды, әдеби құбылыстарды жеке жанрлардың дамуы аясында қарастыру әдістерін жүйелі түрде қолдану ұсынылады. Бұған қарағанда, жазба авторлары икемді, мүмкіндігі мол әдіс ұсынып отыр. Авторлар 1948 жылы шыққан “Қазақ әдебиеті тарихындағы” тарихқа баса көңіл бөлу принципін қолдамайды. Жазба М. Әуезовтің ғылыми жұмыстарында кеңінен қолданылған қазақ әдебиетіне, ұлттың рухани мәдениетіне тарихи бүтін құбылыс ретінде қарау бағытының айқын көрінуімен ерекшеленеді.

Жазбада қазақ эпосы мен фольклорының 1-томы кейінгі кезеңдердегі фольклорды қамтығаны, жұмысты академик М. Әуезов басқаратын ұжым атқаратыны айтылған. Халықтың мәдени мұрасынан ұзақ уақыт бойы ұлттың тарихы, моралі, мінезі, ерлік қасиеттері, адами ерекшеліктері көрінетін эпикалық шығармалар, қазақ әдебиеті тарихындағы ірі тұлғалар – С. Сейфуллин, І. Жансүгіров, Б. Майлин, т.б ақын, жазушылар аласталған болатын. Бұл жазбада осы олқылықтарды жою туралы бағдарламаның деңгейіндегі ойлар айтылған.

Р. Қайшыбаева

МАЗМҰНЫ

I. АБАЙТАНУҒА БАЙЛАНЫСТЫ МАТЕРИАЛДАР 3

Баяндамалар мен лекциялар

Абайдың өмірі мен еңбегі (Ұлы ақынның 100 жылдық юбилейінде жасаған баяндама).....	5
К лекции “Абай – великий казахский поэт”	26
Стенограмма лекции “Абай Кунанбаев – казахский поэт”	32
Выступление в Колонном зале Дома Союзов 24 сентября 1954 г. в Москве, на торжественном заседании, посвященном 50-летию со дня смерти Абая Кунанбаева	51
О значении русского языка	54
Халықтың қадірден ұлы	56

Абайтану жайлы еңбектерге пікірлер

Сәбит Мұқановтың “Абай Құнанбаев” атты монографиясы туралы.....	58
Қазақстан Орталық партия Комитетінің агитация-пропаганда бөліміне, ж. Жұмағазинге, Қазақ ССР Ғылым академиясының Президиумына....	71
Қазақ ССР Оқу министрлігіне, С.М. Киров атындағы Қазақ мемлекеттік университетінің қазақ әдебиеті кафедрасының бастығына (мәлімет үшін)	80
Ә. Жиреншиннің “Абай Құнанбаев” деген кітабы туралы пікір	81
Краткий предварительный отзыв о диссертационной работе М.С. Сильченко на тему “Русское литературное влияние в стихах и песнях Абая”	85

Отзыв о статье тов. Тажибаева Т.Т. на тему “Психологические взгляды Абая Кунанбаева”.....	87
С.М. Киров атындағы Қазақ мемлекеттік университетінің филология факультетінің студенті Есбаев Құлмағамбеттің дипломдық жұмысы туралы пікір	88
Әрхам Ысқақовтың “Абай өмірі” деген атпен жазылған қолжазбасы жөнінде пікір	90

**“ А б а й ж о л ы ” э п о п е я с ы н ы ң ж а з ы л у
т а р и х ы н а н**

К беседе (о романе “Абай”) (“Абай” романы туралы әңгімеге).....	95
К выступлению о романе.....	97
Как я работал над романом “Абай”	103
Открытое письмо в редакцию “Литературной газеты”.....	105

II. БАЯНДАМАЛАР, ПІКІРЛЕР, СӨЗДЕР..... 109

Жолдастар!	111
Знамя мира – величайшее знамя нашей планеты	113
Выступление М.О. Ауэзова на совещании по драматургии, посвященном обсуждению произведений молодых казахских драматургов в Союзе писателей СССР.....	118
Речь Ауэзова Мухтара на пленуме Союза советских писателей СССР	125
Выступление т. Ауэзова М.О.....	135
Выступление Мухтара Ауэзова (на XIV пленуме Союза советских писателей СССР).....	144
К тезисам выступления на пленуме Союза писателей	156
Выступление М.О. Ауэзова на предсъездовском собрании переводчиков литератур народов СССР в Союзе писателей СССР.....	166
Товарищи! (Позвольте мне...).....	178
Товарищи депутаты!.....	184
Выступление М.О. Ауэзова на обсуждении прозаических произведений казахских писателей на 3-й день Декады казахской литературы и искусства в Москве	187

Из истории казахской литературы.....	198
Выступление казахского писателя Ауэзова Мухтара	221
Товарищи! (В день двадцатилетия...).....	225
Товарищи! (Новым могучим...)	228
Товарищи! (В дни великого...)	230
Речь М.О. Ауэзова на пленуме Союза советских писателей СССР.....	233
Выступление проф. М.О. Ауэзова.....	241
Ленин и дружба народов.....	245
III. ЗЕРГТЕУ	251
История казахской литературы (записки по проблеме) ...	253
IV. ҒЫЛЫМИ ТҮСІНІКТЕМЕЛЕР	259

ӘУЕЗОВ МҰХТАР ОМАРХАНҰЛЫ

Шығармаларының елу томдық толық жинағы

44-том

Академиялық ғылыми басылым

*М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының
ғылыми кеңесінде бекітіліп, баспаға ұсынылған*

Баспа жобасының жетекшілері:
С. Назарбаева, Б. Қанапиянов

Редакторлары: *Б. Хабдина, Б. Мұсахан, А. Шаихова*
Көркемдеуші редакторы *С. Оспанова*
Техникалық редакторы *Н. Ромахова*
Компьютерде беттеген *И. Селиванова*

Басуға 10.07.2014 ж. қол қойылды.
Пішімі 84x108 $\frac{1}{32}$, Офсеттік қағаз.
Қаріп түрі “Таймс”.
Шартты баспа табағы 16,8.
Таралымы 4000 дана.
Тапсырыс № 340.

ЖШС РПБК «Дәуір», 050009,
Алматы қаласы, Гагарин д-лы, 93а.
E-mail: rpik-dauir81@mail.ru

“Жібек жолы” баспа үйі
050000, Алматы қаласы, Қазыбек би көшесі, 50.
Тел.: 272-65-01, 261-11-09.

ISBN 978-601-294-186-9

9

7 8 6 0 1 2 9 4 1 8 6 9